

K.63 362.2

T16

K-34042

И. И. Тамбовцев

И. И. Тамбовцев

Солдатскому полку

Национальная библиотека ЧР

k-034042

К63,362.2

T16

П.П.Таллеров

Поклонитесь солдатскому подвигу

Кр

Чебоксары - 2000 г.

УДК 908

ББК 63.3 (2 Рос.Чув.)622.78

Г 16

Обязат. экз.

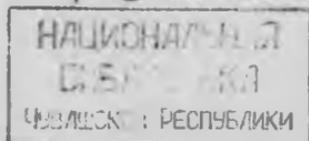
К 63.362.278

*П.П.Таллеров - заслуженный работник культуры
Чувашской Республики*

*Книга издана на спонсорскую помощь
Владимира Степановича Михайлова, уроженца д. Нюргечи*

Читатель узнает о ратных подвигах наших земляков - уроженцев деревень Полевосундырской сельской администрации, и беззаветной преданности Родине, об их самоотверженном труде послевоенные мирные годы.

К-34042

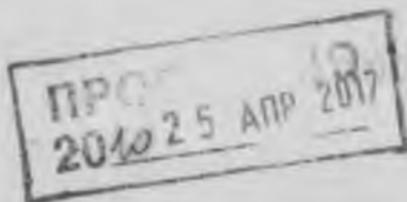

© Таллеров П.П. 2000

© Художественное оформление

Таллеров П.

© Таллеров П.

ОТ АВТОРА

Орден Славы был учрежден в ноябре 1943 г. им награждались воины переднего края - солдаты и сержанты, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости мужества и бесстрашия. В статусе ордена Славы точно указано за что воин может быть удостоен этой награды. Он заслуживал награждения, если:

«ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела;

находясь в загоревшем танке, продолжал выполнять боевую задачу;

в минуту опасности спас знамя своей части от захвата противником;

из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров противника;

презирая опасность первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон...»

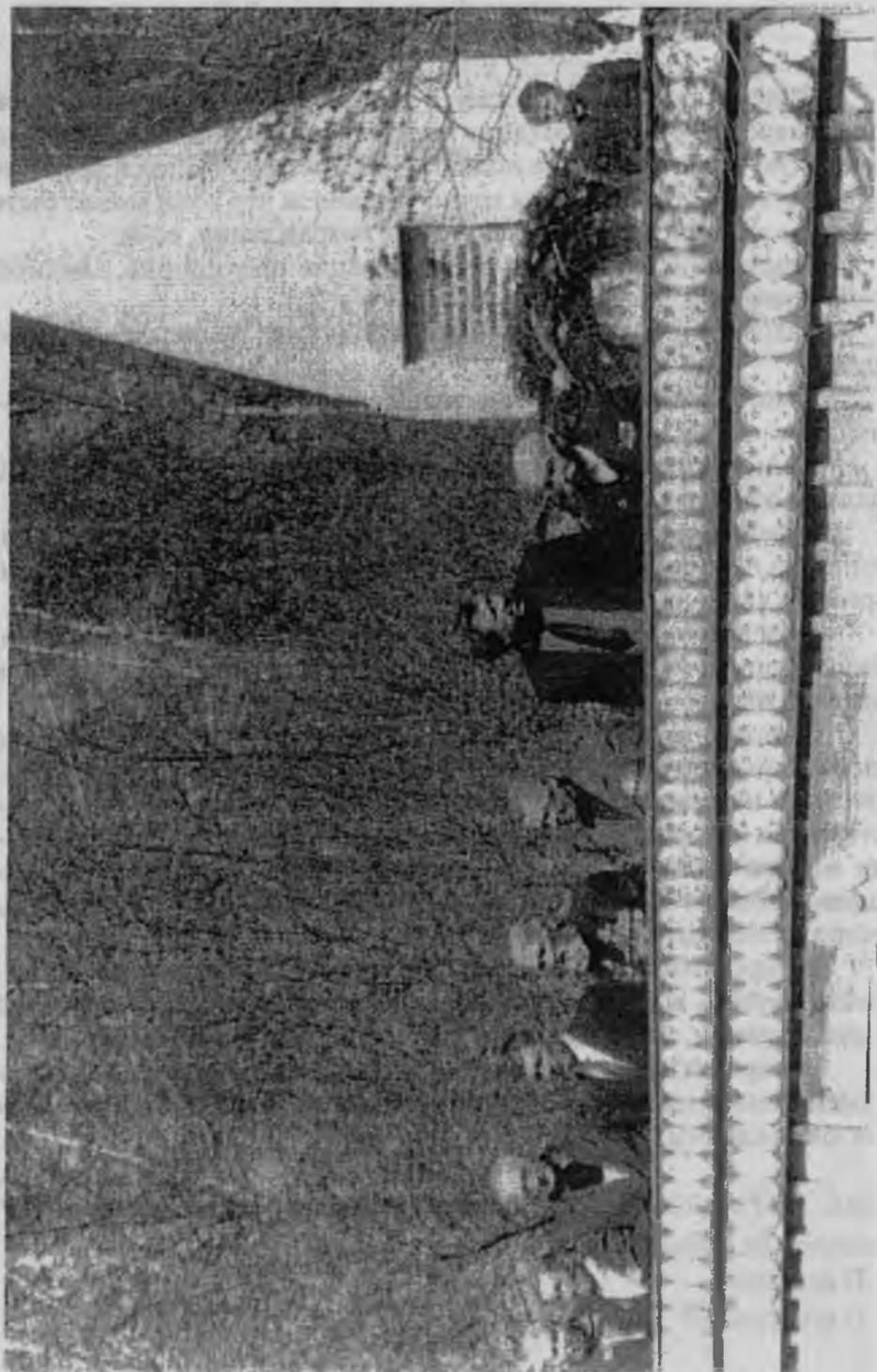
Этот перечень можно продолжить, но и из приведенного ясно, какие высокие образцы храбрости, отваги и воинского мастерства давали право на получение ордена солдатской славы.

За полтора года, прошедших со времени учреждения ордена Славы и до окончания Великой Отечественной войны, этим орденом были награждены более миллиона человек - это еще одно свидетельство массового героизма защитников Родины. Свыше 46 тысяч воинов были награждены орденом Славы II степени 2456 - орденом Славы I степени; каждый из них дважды или трижды совершал подвиги бессмертной славы.

Предлагаемая книга - очерки о мужественных ветеранах минувшей войны, выходцах из деревень Полевосундырской сельской администрации, награжденных орденом Славы третьей степени.

Автор при написании очерков использовал богатый документальный материал архива Министерства обороны РФ и воспоминания награжденных.

П.П.Таллеров,
заслуженный работник культуры ЧР.

Паметник пагубним на войне и Нюрнберги

Часть I. ПОКЛОНИТЕСЬ СОЛДАТСКОМУ ПОДВИГУ

ОТВАЖНЫЙ ВОИН БОЕЦ

Алексеев Михаил Алексеевич родился в 1909 году в деревне Изамбаево Новошимкусской области Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Призван по мобилизации 10 октября 1941 г. Комсомольским РВК.

...Паровоз, набирая скорость, тянул воинский эшелон на запад. Осталась позади Москва. В вагонах, занятых призывниками, то и дело слышались беспокойные голоса:

- Куда нас везут?..

- Да мы же на фронт просились!..

Начальник эшелона его помощники отвечали новобранцам кратко:

- Едем туда куда приказано.

Вспоминая те дни, Михаил Алексеевич рассказывал:

- Время прошло, модно и признаваться: молодость брала свое. Чем хотелось быть там, где шли ожесточенные бои.

Фронтная жизнь рядового Алексеева Михаила началась в 948-стрелковом полку.

Отсутствие боевого опыта поначалу тревожило беспокойнее лицо командира. Были сомнения, что не сразу найдет место в боевом строю, а полк в те дни усиленно готовился к наступательным боям.

- И вот наступил долгожданный, но вместе с тем и тревожный для меня день, - вспоминал Алексеев. - Внезапно начавшаяся артиллерийская подготовка подбодрила нас, новичков, вселила уверенность в свои силы. Мы видели, как снаряды и бомбы крушили передний край врага а когда артиллеристы перенесли огонь в глубины обороны противника, мы ринулись в атаку...

...Враг ошеломленный столь мощным и внезапным ударом наших войск пришел в замешательство и поначалу не мог оказать

серьезного сопротивления. И только через некоторое время, под нув свежие силы, он стал предпринимать яростные контратаки. Однако наступления советских воинов уже невозможно было чем-ли остановить.

- Все что раньше знал по рассказам бывалых фронтовиков из газет в этот раз уже видел все наяву, - вспоминал Алексеев восклицал с гордостью:

- Силища-то какая крушила врага! Было целое море огн взрывов от ударов наших краснозвездных самолетов, артиллер танков, легендарных «катюш». Я как и все мои боевые друз неудержимо рвался вперед, горя одним желанием: разгромить п тивостоящего противника и тем самым приблизить победу. Мы з ли, что к ней, к победе, придем только через многие сражен через Берлин.

- Многие из прожитого уже забывается, а вот сражение в деревней Яблонева запомнилось на всю жизнь, - рассказывал Ал сеев. - С раннего утра и до позднего вечера шел напряженный б Отбили несколько яростных контратак немцев, нанесли им зна тельный урон, истребили немало фашистских солдат и офицер Были потери и у нас. В нашем отделении осталось всего трое.

Перед рассветом Алексеев и Андреев незаметно подползли немецкой траншее. Видя, что гитлеровцы ушли к себе в тыл завтрак а в траншее оставили только дежурного пулеметчика, д тот дремлет, бойцы быстро отползли обратно и решили незамед тельно, пока немцы завтракают атаковать высоту и закрепить на ней.

Замысел удался, высота была взята без единого выстрела.

Гитлеровцы предприняли контратаку, но было уже поздно наши подтянули на высоту дополнительные силы.

За смелость и инициативу в этом бою командир полка п писал приказ о награждении Алексеева М. орденом Славы III сте ни.

Вернувшись домой Алексеев М. стал работать в колхозе.

За трудовые успехи Алексеев М. был награжден медалью доблестный труд в 1941-1945 гг.»

Умер в 1953 г.

ХРАБРЫЙ ПУЛЕМЕТЧИК

Антонов Евдоким Антонович родился в 1919 году в д.Изамбаево Новошимкусской волости Тетюшевского уезда.

В 1939 году был призван на действительную службу в должности пулеметчика стрелкового полка, дислоцировавшегося на западной границе.

...С началом войны, в теплушках, оборудованных скамейками из тесовых досок, было душно и тесно. Двери закрывались наглухо. Солнце, проникая сквозь четырех маленьких окошечка, освещало только небольшие квадраты у самого потолка.

Эшелон двигался почти безостановочно. Часы тянулись медленно. Спели несколько песен, и то недруж-

...Разговоры не клеились, многие курили, вслушиваясь в монотонное постукивание колес. Время от времени резкий гудок паровоза извещал о том, что мимо проносится очередная станция или олустанок. Он отмерял все новые и новые километры, отделяющие нас от родных и близких, друзей и знакомых оставшихся в Лувашии. И каждый гудок приближал нас к фронту.

...К вечеру батальон, в составе которого воевал наш земляк, пройдя маршем несколько километров и оставив в стороне станцию деревню, вступил в бой за деревню Алексеевка.

Первые выстрелы не по мишеням, а в живых людей, первое ощущение от запаха крови, первый холод в сердце при виде гибели сварщицы и первое обращение к врагу - все было первым в этот день.

Бой за деревню был внезапным. Солдаты и командиры действовали, как им подсказывал собственный характер: одни лезли апролом, другие растерянно прятались и даже бежали за деревню в поле.

Конечно, тут сказалась недостаточная обученность бойцов и командиров...

Судьба солдата переменчива: Антонова перевели для дальнейшей службы в 84 гвардейскую дивизию, в составе которой он принимал участие во многих сражениях.

- Никогда не забыть мне тяжелые бои на Днестре, - вспоминал Евдоким Антонович. - Вместе с передовым отрядом дивизии приходилось мне под невероятным огнем противника форсировать полноводный Днестр.

Передовой отряд сумел захватить плацдарм - узкую прибрежную полосу. А враг не унимался: то и дело переходил в контратаку с тем чтобы сбросить советских смельчаков в реку и восстановить положение. Однако все попытки немцев разбивались о непоколебимую стойкость гвардейцев. Более того, в ходе боя передовой отряд сумел даже расширить плацдарм и тем самым создать более благоприятные условия для переправы основных сил дивизии.

За эти бои Антонов Е.А. был награжден медалью «За боевые заслуги».

С тяжелыми боями продвигалась гвардейская дивизия от днестровских берегов за запад. Кровавопролитные схватки разгорелись за каждый выгодный рубеж, за каждый населенный пункт. Особенно запомнился Антонову бой за большой опорный пункт в Ровенской области. Гитлеровцы, пытаясь любой ценой остановить продвижение советских войск, предприняли несколько мощных контратак. Вот когда противник стал снова насаждать на наши позиции, в расчете кончились патроны. В этот критический момент сержант не растерялся: он подобрал у тяжелого раненого бойца ручной пулемет и меткими очередями уничтожил до двух десятков гитлеровцев.

Командир гвардейского стрелкового полка писал о нем тогда в наградном листе: «Антонов огнем ручного пулемета помог подразделению отразить две контратаки немцев и обеспечил продвижение своего взвода вперед».

За мужество и отвагу в этом бою гвардии сержант Антонов был награжден орденом Славы III степени.

Подтянув свежие силы, на какое-то время сумели остановить продвижение наших войск. На пути гвардейцев стояли два населенных пункта превращенные немцами в сильные опорные пункты. Гвардейцы, применив обходный маневр, стремительным ударом выбили врага из этих населенных пунктов. Однако он не унимался, пытаясь восстановить утраченные позиции, еще трое суток непрерывно принимал отчаянные атаки на наши позиции, но все его попытки кончались провалом. И в этих трехдневных боях Антонов показывал пример мужества, стойкости и бесстрашия. Потому на этот раз был награжден орденом Красной Звезды.

За июньские бои в 1944 г. он был награжден орденом Отечественной войны первой и второй степени.

Осенью 1944 года гвардеец Антонов Е., как и все советские воины, пережил волнующие минуты: вместе с боевыми товарищами

вышел к государственной границе СССР.

Тяжелыми фронтовыми дорогами прошел Антонов от Москвы до Кенигсберга.

Выполнив свой воинский долг перед Родиной, Евдоким Антонович вернулся к мирному труду.

Боевые награды Родины - свидетельство больших заслуг отважного воина в разгроме немецкого фашизма. На груди умелого командира сияют ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, Красной Звезды и Славы III степени, медали «За оборону Москвы», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «800 лет Москвы» и юбилейные медали.

К его фронтовым медалям добавилась медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Умер в 1988 году.

БРОСОК ЧЕРЕЗ РЕКУ НЕМАН

Борцов Павел Савестьянович в 1912 году в деревне Степно Яниково Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Память Павла Савестьяновича сохранила многие события участником и свидетелем которых он был в период Великой Отечественной войны. Особенно памятны бои 1942 года на подступах к Ленинграду.

- Наша стрелковая дивизия в середине октября заняла участок обороны в Красногвардейском укрепленном районе, - рассказывал он. - Атаки вражеских войск следовали одна за другой. Наши части, входящие в 42-ю армию, стойко отражали бешеный натиск противника.

Отвага и мужество воинов Ленинградского фронта восхищали и изумляли весь мир. 900 дней длилась осада. Ожесточенные артиллерийские обстрелы и варварские налеты фашистской авиации на город и на боевые позиции не сломили волю его защитников. Тем, как стойко и мужественно отбивали наши воины атаки фашистских полчищ, даже их генерал Типпельскирх был вынужден признать: «...немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск усиленных ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было».

Вполне объективное признание немецкого генерала. Только город защищали здравомыслящие советские люди, безгранично преданные Родине, ради свободы, независимости и счастья своего народа, шли на неимоверно тяжелые жертвы.

Пути-дороги войны привели Борцова П. на Северо-Западный фронт.

...В ходе наступления полк, в составе которого воевал Павел вышел на промежуточный рубеж вражеской обороны. Развернулся ожесточенный бой за деревню Руднево, превращенную немцами в сильный опорный пункт. Когда бойцы поднялись в атаку, пулеметный огонь из дзота, расположенного на господствующей над окружающей местностью высоте, прижал их к земле. В эти критические минуты, когда атака оказалась под угрозой срыва, находившийся на правом фланге командир отделения получил приказ уничтожению немецкого дзота.

Рядовой Борцов вместе с командиром отделения, используя складки местности, они незаметно подползли к немецкому дзоту метнули в его амбразуру противотанковую гранату. Сильный взрыв потряс воздух - вражеский пулемет замолк навсегда.

Рота стремительно бросилась в атаку. И в деревню первы

... пять же ворвался вместе с отделением рядовой Борцов.

... Под покровом ночи взвод незамеченным приблизился к реке Неман, они преодолели реку ночью. Первой отчалила от нашего берега резиновая надувная лодка с пятью смельчаками из роты старшего лейтенанта А. Огурцова. За весла сел широкоплечий, большерукий Степан Высотин. Ближе к нему - Павел Кожин и беззаботный, веселый Павел Борцов. Сапер Алексей Мосин, пожилой охотливый сержант, устроился на носу. Командир взвода, старший сержант Василий Петров, сидя на корме, внимательно всматривался в очертания берега, размытого туманом. Лодка была уже на середине реки, когда темную гладь Немана осветили вражеские ракеты.

Немцы заметили лодку открыли огонь из пулеметов. Пулей сшибило весло. Пробило борт. Когда Борцов заделывал пробоину, пульой из пуль ранило его в руку. К счастью, видимость была плохая, и немецкий пулеметчик часто терял цель, а лодку течением несло под защиту обрывистого берега. Вскоре отважная пятерка достигла противоположного берега и закрепила за сосну трос. Враг попытался пробиться к сосне, но пятеро бойцов отразили все атаки. Удержась за трос, остальные бойцы переправлялись на самодельных мотиках, плащ-палатках, набитых сеном, на бревнах, бочках, пучках снарядных ящиках. На плоту переправляли пулеметы «максим», боеприпасы. На рассвете рота пошла в атаку.

Пятерым смельчакам, которые первыми переправились через реку Неман, были награждены орденом Славы III степени, в том числе Борцова П.С. за № 579286.

После боя рядовому Борцову была оказана медицинская помощь и отправлен в тыл.

Отважный воин целых три месяца пролежал на госпитальной койке. Потом, когда раны зажили, как-то после утреннего обхода пришел в палату лечащий хирург и сказал Борцову:

- Что ж, рядовой Борцов, можете собираться домой.

- Как это домой? - не сразу понял Павел.

Врач объяснил, комиссия установила инвалидность второй группы. Это сильно огорчило воина, но врач его успокоил: здоровье временем восстановится.

И вернулся отважный воин в родную деревню, стал по силе возможности работать в колхозе имени Буденного.

За ударный труд в тылу Павел Савестьянович был награжден медалью «За доблестный труд 1941-1945 гг.»

Солдат-фронтовик, как и в грозные годы Великой Отечественной войны, высоко нес звание члена КПСС, принимал активное участие в общественной жизни сельского Совета, часто встречался со школьниками.

Умер в 1987 году

Волков Василий Иванович родился 28 августа 1922 года в деревне Твеняшево Комсомольского района Чувашской АССР.

Окончил Полевосундырскую семилетнюю школу, затем поступил в Тойсинскую среднюю школу.

Перед войной, в 1941 году окончил среднюю школу.

Был мобилизован на защиту Родины и был направлен в составе маршевой роты для пополнения стрелковой дивизии, воевавших на Юго-Западном фронте.

Еще вчера совершенно незнакомые люди, приехавшие из разных городов и сел нашей необъятной страны, с разным опытом жизни, с разницей

образовании, а порою и говорящие на разных языках, становятся одной командой.

...Никогда ему не забыть метельный день в 1942 года. В этот день он стоял и слушал своего командира дивизии.

- Товарищи! - обратился к ним генерал. - Вы прибыли в нашу дивизию во время тяжелых боев. Враг очень силен, но мы не отступим ни шагу назад!

...Последовала команда подготовиться к атаке. Бойцы с нетерпением ждали этого момента. И вот наконец с наблюдательных пунктов полков взвились в небо красные ракеты.

- В атаку - вперед! - одновременно раздались в подразделениях команды, и грозные цепи пехотинцев дружно двинулись вперед.

Артиллерия перенесла огонь в глубину. С громкими непрерывающимися криками «Ура» солдаты ворвались в расположение противника и начали уничтожать оставшихся там гитлеровцев.

В первые минуты боя отличился сапер - рядовой Пузанов И.Ф. Во время артиллерийской подготовки он проделал проход в минном поле противника сняв 18 противотанковых мин. С началом наступления Пузанов вместе с пехотой пошел в атаку и в рукопашном

той схватке убил шестерых гитлеровцев.

Противник начал подбрасывать к участку прорыва резервы из глубины. Дивизия, наступавшая на правом фланге ударной группировки армии, подвергалась сильному огню. Особенно упорное сопротивление противник оказал в населенном пункте Хворостино.

Полк обошел опорный пункт противника с востока и юга два раза переходил в атаку на Хворостино, но овладеть деревней не мог. Тогда в бой был введен второй эшелон дивизии другой стрелковый полк. Но и его атаки не увенчались успехом. Противник успел перебросить в Хворостино до батальона пехоты и несколько танков.

...Полк вел бои на подступах к высоте 177. Сопротивление врага нарастало. На помощь 208-й пехотной дивизии в полосу наступления корпуса противник бросил части 112-й пехотной дивизии и несколько танковых подразделений которые со второй половины дня при поддержке артиллерии и авиации несколько раз переходили в контратаки, пытаясь вернуть утраченные позиции. Части дивизии не смогли продвинуться вперед и закрепились на достигнутых рубежах.

13 июня части дивизии возобновили наступление. Наиболее напряженные бои произошли в районе Хворостино.

Первые атаки двух полков ни к чему не привели, противник упорно сопротивлялся. Наконец после мощного огневого налета, в 15 часов, подразделения полков ворвались в деревню. Начались ожесточенные уличные бои, которые неоднократно переходили в рукопашные схватки. Ломая сопротивление гитлеровцев, бойцы продвигались вперед. Противник бросил в бой до 400 человек пехоты и выше танков. Несколько танков с пехотой на броне ворвались на южную и западную окраины деревни. Орудия с близких дистанций выводили одну вражескую машину за другой. Огнем из пулеметов и автоматов солдаты истребляли пехоту противника.

Нарастивая силу удара, немцы бросили в бой вторые эшелоны, но в это время полк, наступающий на деревню, одним батальоном нанес удар во фланг контратакующей группы противника и начал ее теснить. Артиллерийские дивизионы артполка, приданные стрелковым полкам, метким огнем наносили противнику большие потери. Фашисты дрогнули, в их рядах появилось замешательство. Бойцы усилили натиск и отбросили противника в исходное положение. Только в одной этой контратаке враг потерял 9 танков и до 300 солдат и офицеров.

Не менее напряженные бои вел полк, действующий на левом фланге дивизии. Перейдя в наступление, он преодолел овраги и занял северные скаты высоты 177, но продвинуться дальше не смог

- на этом рубеже у противника начиналась вторая полоса оборона. Немцы встретили подразделения полка мощным огнем из пехотного оружия, артиллерии и минометов, а затем начали контратаковать.

Красноармейцы отбили все контратаки. Бронебойщик первого батальона рядовой Аршинов И. вступил в единоборство с танком противника. Раненый в руку, он не покинул поле боя и вместе вторым номером подбил два танка.

На третий день наступления после мощного огневого напора полки дивизии вновь пошли в атаку. Особенно сильный бой произошел за высоту 177. Продвижение нашей пехоты задерживал огонь немецких пулеметов из дзотов. Автоматчик первого батальона рядовой Волков В. подполз к одному из дзотов и бросил в амбразуру ручную гранату. Пулемет гитлеровцев замолчал. Волков прыгнул траншею, а затем ворвался в дзот. Там находились 7 гитлеровцев, четверо из них были убиты взрывом гранаты, а троих он захватил в плен.

Высоту взяли к вечеру и поспешно стали закрепляться...

Погодки мои,

Ах, как мало вы прожили!

Как видели много огня и свинца!

За этот бой он был награжден орденом Славы 3 степени.

Вернувшись домой, приступил к мирному труду.

За трудовые успехи Волков В.И. был награжден медалью «За доблестный труд в 1941-1945 гг.»

В 1955 году в его жизни произошло большое событие: он вступил в ряды членом КПСС.

Был ранен, после излечения вернулся домой, признан инвалидом войны.

С 19 октября стал работать счетоводом колхоза «Комбайн», где проработал до 1970 г.

Умер в 2000 году.

ВОСТОЧНЕЕ ГОРОДА ДАНЦИГА

Гаврилов Терентий Гаврилович родился 1 апреля 1915 г. в деревне Твеняшево Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

В 1941 г. был призван по мобилизации и направлен в составе маршевой роты для пополнения стрелковой дивизии после боев под Смоленском.

...После неудачной попытки прорвать оборону врага с ходу дивизия была выдана во второй эшелон корпуса. Прибыло пополнение. При помощи опытных командиров бойцы в короткое время приобретали необходимые знания и навыки.

Вскоре он стал пулеметчиком...

После победного завершения Курской битвы Терентий Гаврилов принимал участие в боях за освобождение Белоруссии и Польши. И здесь он показал высокое воинское мастерство. Командир батальона майор Белов И.И., представляя его к правительственной награде, писал: Командир расчета ручного пулемета Гаврилов в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил отвагу, решительность и мужество. Особо отличился при прорыве обороны противника на западном берегу реки Нагатки и при ее форсировании. Под воздействием сильного артиллерийско-минометного огня противника, в исключительно трудных условиях, он первым на подручных средствах переправился через реку, занял выгодную огневую позицию прочно ее удерживал: прицельным огнем уничтожил вражеские огневые точки, обеспечил успешную переправу своему подразделению. В этом бою Гаврилов уничтожил 12 немецких солдат и офицеров.

За личные боевые подвиги в этих боях Гаврилова Т.Г. наградили орденом Славы III степени.

Вспоминая тяжелые бои в 1943 г. в Белоруссии Г.Т. Гаврилов рассказывал, как они пленили 15 гитлеровцев.

- Мы заняли выгодную огневую позицию в кустарнике, на возвышенности - рассказывал о. - Впереди нас, в 50-60 метрах, вдоль линии фронта пролегла канава. А потом видим, как над этой канавой замелькали штыки. Потом, как только показались сами немцы, так мы тотчас же открыли по ним огонь из пулемета. Пришлось им залечь в канаву. А как только они подниму головы, мы вновь прижимаем их к земле. Так продолжалось около получаса. Наконец немцы не выдержали подняли белый флаг и закричали: «Рус, не стреляй!» Гитлеровские вояки побросали оружие и с подбитыми руками стали выходить из канавы, бойцы для остротки еще вели огонь короткими очередями».

За этот подвиг он был награжден медалью «За отвагу».

Бесстрашно воевал Гаврилов Т.Г. на польской земле, честно выполнял свою освободительную миссию. В наградном листе капитан Балашов в то время писал: «Умелый и отважный воин, Гаврилов особенно отличился при отражении контратаки противника 8 апреля 1944 года восточнее города Данциг. До взвода пехоты немцев наступало на позицию Гаврилова. Часто меня огневую позицию под сильным обстрелом противника, он стойко отражал натиск гитлеровцев беспощадно уничтожал наседавших врагов. Атаку Гаврилов отбил успешно уничтожил в этом бою более 10 гитлеровцев».

За этот бой он был награжден медалью «За боевые заслуги». Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Великую Отечественную войну Терентий Гаврилович закончил на берегу Балтийского моря.

Закончилась война, наступил долгожданный мир.

Вернувшись в родную деревню Твёняшево, включился в колхозный труд, о чем мечтал все военные годы.

Шел ему 67-й год. Однако он не может сидеть без дела - часто встречался с молодежью и школьниками, рассказывал им о героических подвигах советских людей в годы войны.

Умер в 1987 году.

БОЙ ЗА СЕЛО БУКАНОВКА

Добров Никита Григорьевич родился 20 мая 1913 года в деревне Твенияшево Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

В 1924 году окончил Новоизамбаевскую начальную школу.

Призван по мобилизации в 1941 году.

...Фронтальная солдатская дорога комсомольца Доброва началась с отступления.

С утра началась артподготовка, а потом пошла пехота с танками, в этот день отбили 4 контратаки, к вечеру отошла за реку, где и окопалась.

Моросил мелкий осенний дождь, он не переставал всю ночь, промокли до ниточки. Было зябко, неприятливо и хотелось, чтобы скорее кончилась длинная сентябрьская ночь и этот нудный дождь. На востоке полыхало зарево пожара - там горели русские дома. Лейтенант Самсонов, родом из Калуги, посмотрел на бойцов и громко произнес:

- Придет время, отомстим врагу за все...

Привалы были короткими. А что поделаешь? Пока немцы дурачат, надо было принять правильное решение.

Временами резко налетал ветер. Идти было тяжело, хлюпала вода в ботинках, усталость валила с ног. Объявили привал на скошенном поле. Бойцы расположились под копнами, скрытно курили трубки. Скоротечен привал. Подъем - марш продолжается.

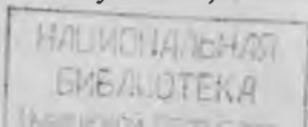
В лесу возле деревни Большаково стали на дневку, предварительно выслав дозоры. Кругом тишина, а тишина признак на войне. Усталость и бессонница сморили бойцов. Заснули солдаты не надолго, разбудила команда. Вернулись дозорные, обнаружив немецких автоматчиков с танками.

Над расположением наших бойцов пролетел самолет противника, сбросил листовки. На сердце у всех стало тоскливо и тревожно. Все шло гладко, и вот тебе на...

- Что будем делать? - спрашивали бойцы.

- Соберем ударную группу, человек сорок, снабдим их гранатами, попробуем пробиться, пока немцы не очухались, - объявил командир полка.

K-34042

Противник уже начал пристреливать из пулеметов рошу, где расположились наши бойцы.

- У нас нет другого выхода, как атаковать немцев и пробить их короткими рывками. Ударная группа должна ударить внезапно, не дать опомниться. Остальные пойдут за ними.

- За мной, - скомандовал командир группы.

И вскоре крики «Ура!» слились с разрывами гранат. Группа прошла сквозь боевые порядки противника. Пробила небольшой коридор для остальных. Фашисты пытались обойти группу с правого фланга, но их встретили шквальным огнем, и они были вынуждены залечь в кустах. Слева заходить, очевидно, побоялись: вдоль дороги тянулся густой лес с низким кустарником, и они решили, что там могла быть засада.

Перестрелка разгорелась, но передовая группа, не давая немцам подняться с земли, обеспечивала выход остальным из роши.

...Дивизия, получив пополнение и вооружение, двигалась в западном направлении.

В условиях полного бездорожья дивизия прошла более 60 километров и заняла оборону.

Прошло несколько недель в обычной жизни. Противник активности особой не проявлял. Перед дивизией стояла одна задача - активная оборона, чтобы противник не снял ни одного подразделения и не перебросил на левое крыло советско-германского фронта.

В ноябре 1942 года. В жизни младшего сержанта Доброва произошло важное событие - он был принят в ряды ВКП(б).

...Получен приказ: выбить фашистов с господствующей высоты с Хутором Высокий и закрепиться там.

Батальон, в составе которого воевал Добров, внезапной атакой захватили высоту и быстро окопались. Враг бросил против них танки с пехотой. Бойцы отбили натиск противника. Появились пикирующие «юнкерсы». Затем в атаку пошла вражеская пехота. Батальон выдержал бой до конца и удержал высоту до тех пор, пока не подоспела помощь.

За этот бой младший сержант Добров Н.Г. был награжден медалью «За отвагу».

В 8.20 в серое, еще не успевшее поглотить небо, разом взорвались три зеленые ракеты. Обвальная грохот обрушился на землю - дали залп гвардейские минометы. Затем последовал мощный артиллерийский огонь, открыла шквальный огонь пехота. За две минуты до окончания артналета пехота дружно двинулась вперед, ломая сопротивление врага, ворвалась в сильно укрепленный узел сопротивления Качаловка.

Взвод под командованием старшины Н.Попенко, пробежал

траншеям свернул в ход сообщения и вскоре уперся в дверь
индажа, рванув ее, старшина с пистолетом в руке влетел в блин-
к Начальник гарнизона рассматривал карту.

- Хенде хох! - крикнул старшина. Гитлеровец схватил со стола
ой пистолет, но Попенко опередил его выстрелом.

В штабе батальона немцев, Попенко со своим взводом унич-
кил двадцать шесть фашистов, захватил документы и троих взял
лен.

За этот бой младший сержант Добров Н.Г. был награжден
оном Красной Звезды.

...В конце ноября 1943 года полк вел ожесточенные бои. Взво-
ПТР, которым командовал старший сержант А.Устинов, было
казано выйти к селу Букановка, занять круговую оборону, осед-
в господствующую высоту 107,8.

Для поддержки взвода был выделен батальон, где воевал Доб-
в Н. Только успели изготавиться к бою, как бойцы увидели фа-
стских солдат наступавших густой цепью из лощины.

Бой был тяжелый. Батальон нес потери, в том числе был
нен младший сержант Добров Н.Г.

После боя его доставили в 265-й медсанбат, а потом был
правлен в ЭГ-5974.

Позднее Добров узнал, что за этот бой был награжден орде-
и славы III степени.

Домой вернулся наш славный земляк с двумя орденами. На
груди сверкали медали «За отвагу», «За оборону Киева», «За
беду над Германией» и юбилейные медали.

Вернувшись домой стал работать в колхозе до ухода на заслу-
нный отдых.

Активно участвовал в общественной жизни колхоза и дерев-
часто выступал перед школьниками.

Умер 19 марта 1984 года.

БОЙ НА ПЕРЕПРАВЕ

Кудрявцев Петр Александрович родился в 1902 году в деревне Негичи Новошимкусской волости Тюшевского уезда Казанской губернии.

Учился в церковно-приходской школе и закончил в 1915 году.

24 января 1942 года был призван по мобилизации и направлен в 909-й стрелковый полк.

Когда в запасном полку он принимал военную присягу на верность

Родине, слова присяги естественно переключались в его душе на слова матери с наказами односельчан, которые звучали в дни проводов.

- Сынок, не подведи земляков, сражайся с врагом смело и мужественно, - напутствовала новобранца.

- Я клянусь... до последнего дыхания, произносил он перед строем однополчан слова присяги, а в глазах мелькала родная деревня околица, множество народа и ответ землякам: «Не беспокойтесь, не подведу...»

Трудные бои выпали на долю Петра Александровича в 1942 году. Будучи в артрасчете артиллерийской пушки, он со своими однополчанами стоял насмерть на пути вражеских танков.

- Особенно запомнился один бой, - рассказывал ветеран. Это майское утро гитлеровцы бросили в атаку лавину танков, а небо буквально закрылось вражескими самолетами. Казалось, фашисты пробьют нашу оборону, но не тут-то было. Никто не дрогнул. Орудия нашей батареи находились в боевых порядках пехоты и были хорошо замаскированы. Когда несколько танков прорвались через окопы стрелков, мы тут же накрыли их. Помню, на наше орудие с большой скорости шел танк.

В тот же день расчет где служил Кудрявцев, подбили 4 танка.

За этот бой заряжающий Кудрявцев получил свою первую медаль «За отвагу».

В феврале 1945 года северо-западнее Будапешта гитлеровцы мощной артиллерийской подготовки бросили против советской крупной пехоты и танков. Группа бойцов, которую возглавлял старшина Когус, в то время занимала рубеж у хутора на реке Грон, прикрывала подступы к переправе. И вот нацелились на нее до десяти танков врага, за ними - до батальона.

Командир приказал:

- Попустим фашистов поближе, а потом накроем их.

Вражеские танки, стреляя на ходу, шли к реке. Видимо, гитлеровцы были уверены, что без труда прорвутся через реку Грон. Их машины с черными крестами на бортах оказались на расстоянии прямого выстрела, из засады по ним ударили наши пушки. Только машин вспыхнули. Тогда Когус скомандовал:

- По пехоте противника!

Дружно застроили автоматы и пулеметы. Бой длился несколько минут, враг предпринимал несколько контратак, но противник отошел на этом участке.

Когда же в конце дня гитлеровцы предприняли еще одну атаку, группа Когуса опять встретила их плотным огнем. Подняв своих бойцов в атаку. Десятки вражеских солдат и офицеров захватила в плен группа Когуса.

Расчет пушки, в составе которого воевал наш земляк, подбил танка и уничтожил живую силу противника до роты.

- День Победы я встретил далеко от Родины, в Румынии, - вспоминает ветеран. - Мы когда узнали, что война кончилась, стали помогать друг друга, в воздух разряжали автоматы, бросали осветительные ракеты. Этот день Победы мы все фронтовики приближали, как могли...»

За бой возле переправы Кудрявцев П.А. был награжден орденом Славы III степени.

После войны - он на трудовом фронте. Признание его труда - орденом «Ветеран труда».

Старые раны... В последнее время они все чаще заставляют вспомнить ветерана войны среди ночи. Они как память сердца, от которой нельзя отмахнуться, уйти, они постоянно напоминают о суровых годах, о друзьях, не вернувшихся с поля боя.

Кроме ордена Славы III степени на груди сверкают медали «За освобождение Будапешта», «За победу над Германией», юбилейные медали.

БОЙ НА ПЛАЦДАРМЕ

Курицын Алексей Петрови
дился в 1925 году в деревне Те
шево.

... Дивизия получила боеву
дачу. После отъезда представи
корпуса и устремив взгляд на
крытую карту произнес:

- Времени на подготовку
рез, да и сил у нас маловато.
противника на этом участке сп
ная линия траншей, опорных п
тов, дзотов и инженерных зап
дений. Правда, главная полоса
ходит по гребням высот в 3-4 к

метра от реки. Этим мы и воспользуемся.

Потом, после короткой паузы приказал:

- Для внезапного захвата плацдарма ночью переправи
противоположный берег на менее четырех усиленных стрелко
рот. Артиллерийскую подготовку можем провести перед атакой
ной полосы обороны. Основной расчет на внезапность.

Было проведена рекогносцировка местности и изучены
рона и группировки врага.

На совещании командиров полка, генерал Тихонов объя
план проведения операции:

- Считаю целесообразно разработать поэтапный план боя
вый - высадка десанта в составе четырех усиленных - стрелковых
чтобы в течение ночи форсировать реку, уничтожить боевое
нение противника, выти к рубежу его прикрытия и обеспе
развертывание главных сил для атаки.

К 22.00 6 сентября подготовка к наступлению была в о
ном завершена. Командир дивизии и командиры полков поста
задачи частям и подразделениям, организовали взаимодействие

К полуночи стали ждать сигнала на начало форсирования
шелестел Северский Донец. Луна скрылась за тучи, низко нави
над землей. Начал моросить дождь. В лесу, где скрытно сосредо
лись части и подразделения дивизии, не было слышно ни
только высокие ели шумели верхушками. Но вот поступил сиг

разу же все пришло в движение.

Бойцы осторожно спускали на воду лодки, плащ-палатки накрытые сеном самодельные плотики, на которых устанавливали пулеметы и минометы. Слышался тихий плеск воды, но противник пока молчал, только изредка вспыхивали осветительные ракеты, вет которых гасил опустившийся над рекой туман.

Гвардейцы беспрепятственно переправлялись через реку и лишь самого берега были замечены противником. Лихорадочно застучали фашистские пулеметы, ударили орудия, но наши бойцы стремительно выскочили на берег и ворвались в окопы боевого охранения врага. В ход пошли гранаты, автоматы и ножи. Фашисты не выдержали натиска и оставили позиции.

Под огнем врага саперы сумели быстро проделать проходы в минных полях и в проволочных заграждениях, обеспечили пропуск стрелковых рот, батальонов.

Вскоре западного берега реки достигли все четыре стрелковые роты и начали расширять захваченный плацдарм. Преодолевая инженерные заграждения и огневое сопротивление врага, стрелковые роты при поддержке минометов с боем продвигались вперед. Под их прикрытием в течение ночи переправились и главные силы дивизии с артиллерией и сразу же приступили к расширению плацдарма.

За эти бои сержант Курицын получил медаль «За отвагу».

Во многих боях довелось участвовать Алексею Петровичу, но, пожалуй, никогда не забыть ему знаменитой Висло-Одерской операции, о которой даже бывший гитлеровский генерал Ф.Меллен писал: «...русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего того, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Артиллерийский полк, следуя боевым маршрутом в направлении городов Скерневице-Познань, рассекал на части узлы обороны противника, громил его боевую технику, уничтожил живую силу. В районе города Лечин полк подошел к реке Одер - последней водной преграде на пути к Берлину, - с ходу форсировал ее и захватил плацдарм на западном берегу реки.

- Хотя все мы были усталыми от непрерывных боев и больших переходов, но наступательный прорыв был исключительно соким, - вспоминал Алексей Петрович те напряженные боевые дни. - Мы находились уже неподалеку от фашистского логова и это

удесятеряло наши силы.

Дни и ночи шли ожесточенные бои за расширение одерского плацдарма. Немцы не раз пытались сбросить артиллеристов в мутные воды реки, однако все их попытки были обречены на провал. Здесь старший сержант Курицын показал мужество и бесстрашие. Вот что написал в письме командир пока А.М.Алексеев:

«В боях на западном берегу реки Одер гвардии старший сержант Курицын, являясь командиром орудия, своими меткими выстрелами уничтожил два танка «Фердинанд», четыре станковых пулемета и шесть ручных пулеметов, две 75-миллиметровые пушки, 15 солдат и офицеров противника» и был награжден орденом Славы 3 степени.

За ратные подвиги он награжден орденами Красной Звезды, орденом Славы 3 ст., медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и юбилейными медалями.

После войны жил и трудился в г.Харькове.

Умер в 1977 году.

ПАРТОРГ РОТЫ

Макаров Всеволод Макарович родился 21 февраля 1905 года в деревне Степное Яниково Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Окончил Нюргечинскую церковно-приходскую школу, позднее поступил учиться в Алатырский рабфак, некоторое время работал секретарем в сельского Совета.

В 1941 году по мобилизации был призван и направлен на учебу в Калининское пехотное училище, там же был принят в ряды ВКП(б).

После окончания училища был назначен на должность заместителя командира взвода и был утвержден парторгом роты первого батальона.

Вспоминая былые сражения, ветеран часто рассказывал мне интересные эпизоды из своей жизни: тогда полк был поднят «по тревоге» (в то время он еще учился в училище) и направлен в район Изельска. Сгрузились на станции и пешим маршем шли в район сосредоточения. По прибытии в роте было срочно созвано партийное собрание с повесткой дня: «Ни шагу назад!»

Приготовились к первому бою в районе высоты 214. Утром на рассвете была проведена артподготовка. Как только огонь был перенесен в глубину вражеской обороны, пехота бросилась к высоте.

Фашисты цеплялись за каждую складку местности в тщетных попытках сдержать натиск наших войск. Бесноватый фюрер слал приказ за приказом требуя от своих солдат невыполнимого, обещая им новое оружие, которое «перевернет» ход войны.

Фашисты несколько раз пытались оттеснить нашу пехоту, однако это не имело успеха.

...На рассвете второго дня пулеметный расчет Джалалова скрытно выдвинулся вперед и окопался на бугре. Отсюда хорошо просматривалась вся дорога.

- Вот теперь давай в гости, - довольно улыбался Джалалов, как под пучками травы исчезли последние комья свежего снега. «Гости» не заставили себя ждать. Джалалов привычно при-

ник к прицелу пулемета.

- Принимай подарочки, - сквозь зубы цедил он, посылая одну смертоносную очередь за другой.

Вторым номером у Джалалова был курсант Макаров В.М так он принял боевое крещение...

Парторг переднего края... Многое стоит за этими словами. Комиссар, политрук, парторг - все эти высокие звания одного ряда. Пусть институт комиссаров перестал существовать, каждый раз, когда мы говорим или слышим: парторг роты, батальона, полка - в сознании с неизбежностью возникает зримый образ их предшественника. Тут связь внутренняя, глубинная: одни и те же идеи вдохновляли комиссара гражданской войны, когда он мчался в атаку: красноармейками-кавалеристами, и парторг Великой Отечественной, когда он был в составе расчета гвардейских минометов - легендарных «катюш», когда он рядом с солдатами своей роты не уходил в атаку, не раз отбивал наседавших фашистов из пулемета, заменив убитого или раненого бойца.

Из воспоминаний бывший гвардии старшины Макарова В.М «Парторг Великой Отечественной войны, в особенности роты, имел только обязанности, или если хотите, только права. Он имел право остаться с десятком бойцов почти на верную смерть, когда командир выводил подразделения из-под вражеского удара.

И право оставить последнюю пулю, последнюю гранату для себя: фашисты не брали в плен комиссаров, а парторг для них тоже комиссар. Он сам солдат, был всегда с солдатами. Он знал настроение каждого и делал все, чтобы помочь бойцу в смертельной схватке с противником.

В роте было 13 национальностей: казахи, таджики, туркмены, татары и т.д. Знание татарского языка помогал мне в общении с ними. Работа шла кропотливая: отмечали особо отличившихся бойцов в каждом бою, отправляли благодарственные письма к родителям, ежедневно проводились политинформации, все делали для достижения скорейшей победы. Постоянно находился среди бойцов в бой идти - впереди, своим личным примером вдохновляя своих бойцов».

Рота, в которой находился наш земляк, с боем продвинула километра на два и оказалась в полуокружении противника. В этот момент был ранен командир роты.

- Старшина Макаров, бери командование ротой на себя передал комбат.

Бойцы под руководством старшины Макарова решительно отразили удары противника на флангах и тем самым сорвали замсел врага по окружению. Парторг роты, вместе с бойцами отража

ний натиск врага, огнем из автомата истребил около десяти фашистов.

Не менее жесткие бои продолжались и в последующие дни.

Перед решающим штурмом подразделение получило новое пополнение. Все ребята лет 18-20, хорошо обученные, у каждого был свой счет к гитлеровцам. Кто потерял отца, кто всех родных, кто друзей. Молодые солдаты просто рвались в бой. Большая часть пополнения была направлена в первый батальон.

...Командиры взводов в деталях уточнили задачу, чтобы заставить себя от всякого рода неожиданностей, могущих оказаться роковыми.

- Людей беречь, - подвел черту командир роты, - зря под огонь не бросать. Ищите выходы, блокируйте огневые точки, действуйте быстро.

В полной темноте черная громада здания станции только смутно маячилась. Да и погода не располагала к долгим наблюдениям. Зодул холодный, пронизывающий ветер, поднялась поземка. Острые колючие снежинки впивались в лицо, пробирались в рукава, на воротник шинели. Макаров ни на что не обращал внимания, только окончательно «разложив по полочкам» всю схему предстоящего боя, спустился в траншею. Теперь его тревожит только одно: как поведут бойцы в предстоящем бою... Ведь они еще не нюхали фронтового пороха!

Присел возле пулемета, развернул карту. Бойцы подтянулись к командиру, чтобы не пропускать ни одного слова: речь-то шла об утреннем бое.

- В домах фашисты долго не задержатся, - звучал спокойный, уверенный голос старшины - оттуда быстро их выкурим. А вот станция - это орешек покрепче. Сами же видели: кирпичная стена в два этажа, на водокачке находятся пулеметные гнезда; и наверное имеются и минометы...

...И все же длинна, тревожна ночь перед боем.

Мощный артиллерийский залп взорвал тишину. Началась артиллерийская подготовка. Рассвет еще не наступил, но светло было как днем. Над станцией бушевало море огня. Артиллерия продолжала действовать.

Взвод приготовился к броску в атаку.

- За мной! За Родину!

Первым выскочил из траншеи старшина, оглянулся. Всю роту, как ветром, выдуло на бруствер.

- Вперед! Бей фашистских гадов!

Первая рота ворвалась в траншею гитлеровцев, завязалась рукопашная схватка.

Не видит старшина, что сзади на него кинулся фашист. Но

это видят бойцы, и со штыком в груди фриц свалился на землю.

Уничтожив гитлеровцев в траншеях, бойцы роты Макаров на одном дыхании пророскали простреливаемую полосу и устремились дальше.

После боя бойцы обнимались, поздравляя друг друга, заходясь, вспоминали эпизоды только что стихнувшего боя.

- Ничего, значит жить будем, братва!

- Если бы не старшина, я бы дуба дал. Старшина в этом бою лично уничтожил 6 фашистов.

За этот бой старшина Макаров В.М. был награжден орденом Славы III степени.

Он принимал участие в боях по освобождению Брянска, Гомельской области, Новоскольников и многих других городов и деревень...

Шел 1944 год. В одном из боев старшина Макаров был тяжело ранен в голову и направлен на лечение в тыловую госпиталь.

Вернувшись домой приступил к работе в аппарате райкома партии., затем был назначен директором Нюртечинской семилетней школы.

За трудовые успехи Всеволод Макарович был награжден медалью «За доблестный труд в 1941-1945 гг.».

На протяжении многих лет он активно участвовал в общественной жизни колхоза и деревни. Многократно избирался депутатом сельского Совета, вел большую пропагандистскую работу среди молодежи колхоза, принимал активное участие в воспитании молодого поколения.

После ухода на заслуженный отдых, Всеволод Макарович активно помогал и передавал свой богатый педагогический опыт молодым учителям школы.

Он всегда держал связь с родной дивизией. Ветераны дивизии в день 75-летия ему пожелали крепкого здоровья на долгие годы. Они пожелали еще больше вести патриотическую работу по воспитанию молодежи.

Когда я беседовал с ним, он всегда задавал один и тот же вопрос - когда была основана родная школа, хотел, чтобы в школе был организован музей боевой и трудовой славы.

Автору очень повезло: удалось побывать на встрече ветеранов 83-й гвардейской Калининцевской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. На этой встрече мне удалось встретиться с бывшим начальником политотдела дивизии, полковником запаса Зверевым М.В. Он рассказал о своем партторге 252-го гвардейского стрелкового полка - о старшине Макарове В.М.:

«Особенно памяты были августовские дни. Фашисты отчаянно сопротивлялись. Дивизия готовилась к штурму города Карачев».

кануне в полку прошли ротные комсомольские и партийные собрания и довели до каждого бойца обращение Военного Совета 11-й армии, где командующим был генерал Баграмян. В решении ротного собрания было записано: «Коммунисты и комсомольцы клянутся с честью выполнять боевой приказ командования».

Сбылась его заветная мечта!

9 мая 1986 года. Идет торжество, посвященное нашей Победе. Я с трибуны по поручению жены Всеволода Макаровича - Евгении Ильиничны, передал в дар музею дорогие реликвии: орден Славы, медали «За победу над Германией», «За доблестный труд в 1941-1945 гг.» и юбилейные медали, памятный знак 83-й стрелковой дивизии и 11-ой гвардейской армии, Почетная грамота Министерства просвещения РСФСР, почетные грамоты райкома КПСС и другие экспонаты, в том числе рапорт, который написан им в 1943 г., личное дело со многими документа-

Светлая память о Всеволоде Макаровиче навсегда сохранится в памяти его многих учеников и односельчан.

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР ОРУДИЯ

Михайлов Степан Александрович родился 12 июля 1905 г. в Нижней Хыркассе Ядринского района Казанской губернии.

В 1929 году окончил Ульяновский сельскохозяйственный техникум по специальности агроном-полевод.

В 1935 году был награжден Почетной грамотой ЦИК.

В 1944 году был награжден медалью «За отвагу».

10.06.1945 г. был награжден орденом Славы 3 степени.

День был обычный, каких войн много. Бойцы лихо расправились с кашей, адресуя повару слова благодарности. После обеда командир

роты пригласил артиллеристов к себе. - Предстоит наступление говорил лейтенант надо «языка», для этого надо комплектовать группу в тыл немцев, необходимо выделить человека, умеющего работать с рацией, думаю, что Федорова надо включить в эту группу. Переходить линию фронта группа решила на стыке двух батальонов. Как было задумано, в назначенном месте перешли линию фронта, вклинились вглубь и с тыла вернулись к объекту захвата - дзот. Фрицы и не помышляли, что советские бойцы придут из их тыла. Грязные, усталые, пройдя и проползая километров семь-восемь, шестеро наших бойцов оказались в нескольких десятках метров цели.

Подождали поближе, даже в темноте ясно виден дзот. Часовой стоит у входа. Проверили, что с другой стороны охраны нет. Распнувшись дверь дзота, швырнули туда гранату, вторую, сам - броском землю, автоматная очередь прошла темноту дзота. Михайлов вместе с разведчиками взяли замки пулеметов и быстро ушли, по фрицы не застучали их. Прихватив все сумки немецких офицеров группа двинулась в обратный путь. Казалось, опасность миновала, но вдруг ползущий первым боец Акмурзин поддал сигнал - ложился. Впереди послышался немецкий говор, клацанье затворов. Секрет Гитлеровцы не стреляли, очевидно, решили, что смена им пришла. Несколько коротких очередей, бросил несколько гранат для верности, Федоров быстро побежал в сторону. Позади разведчиков, ушли

х к своим, разгорелся бой. Гитлеровцы сидевшие в траншеях, били свинцовым огнем, предрассветную мглу разорвали ракетами. За этот бой сержант Михайлов С. был награжден медалью «За отвагу».

* * *

Много дней прошло с того памятного декабрьского утра, когда датский эшелон отбыл от родных мест на запад. Много тысяч километров прошел по фронтовым дорогам солдат.

...Дивизия продолжала преследовать отступающего врага. Педагогами Днепр освободили Могилев где шли жаркие бои.

Расчет орудия сержанта Михайлова С. не отставал от пехоты. Он был в первых рядах атакующих. С каждым боем расчет работал особенно и наводчик Федоров проникался все большим уважением к своей пушке: хорошо берет лобовую броню, шрапнелью тоже красно косит гитлеровцев.

День только начался а уже отбита не одна контратака фашистов. Танки, самоходы, резервные пехотные части бросает в бой фашистское командование, не считаясь с потерями.

В боях за деревни Вишневку и Огородники 17 и 18 июля, находясь на прямой наводке в боевых порядках пехоты, под ураганным артиллерийским и минометным и ружейно-пулеметным огнем противника вместе с расчетом подавили два вражеских пулемета, мешавшие продвижению нашей пехоте.

18 июля совместно со вторым орудием взвода отразил контратаку противника силой до батальона, уничтожив при этом бронетранспортер до 45 вражеских солдат и офицеров и рассеял остальных гитлеровцев.

За этот бой сержант Михайлов С. был награжден орденом Отечественной войны 3 степени.

Вернувшись домой стал работать зав.ГСУ до ухода на заслуженный отдых.

На груди у него сверкали медали «За отвагу», «За трудовое отличие», «За взятие Кенигсберга» и юбилейные медали.

Умер в 1982 году.

ОТВАЖНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Михайлов Александр Андреевич родился в 1920 году в деревне Нк гечи.

В 1942 году был призван по мобилизации и направлен в состав мшевой роты для пополнения 26 гвардейской стрелковой дивизии, которая воевала на западном направлении.

...С наступлением темноты группа разведчиков перешла линию обороны, углубившись в тыл противника и подошла к железнодорожному мосту в районе Куракино, имея при себе взрывчатые вещества. Разведчики залегли на опушке леса

с целью захватить «языка», а остальные несмотря на сильный пулеметный огонь из дзота охраняющего мост, подползли к нему, привязали толк к пролетам моста. Затем подожгли бикфордов шнур, уползли в лес. Через некоторое время грянул взрыв. Мост рухнул. Задание было выполнено.

За выполнение данного задания ефрейтор Михайлов А. Б. награжден первой медалью «За отвагу».

В начале июля девять разведчиков, в том числе и Михайлов А.А., проникли в тылы вражеских войск. В районе города и железнодорожного узла Новая Валейка они установили что немцы в большой спешке готовят взрыв моста. Группа отважных разведчиков под командованием капитана Белкова неожиданно для немцев ворвались в город, огнем из ручных пулеметов и автоматов обстреливая застигнутых врасплох фашистов, которые, не успев осуществить намеченных разрушений, отступили в панике.

Таких выходов в тыл врага у ефрейтора Михайлова А.А. было неоднократно.

Привожу отрывок из рассказов бывшего сержанта Михайлова А.А.:

- В феврале 1945 года нас, шестерых разведчиков, направил в тыл немецких войск, на косу Фриш-Гафф, связывающую Кенигсберг с районом Данцига. Переодетые в гражданскую одежду мы должны были выяснить кто эвакуируется из Кенигсберга -

ия или гражданское население. Незаметно перешли линию фронта. Переправились на косу, засели в камышах. И тут мы видим, как по дороге в пять-шесть рядов двигаются крытые автомашины и фургоны. Воспользовавшись темнотой, мы вдвоем забрались в крытую машину, где среди пассажиров был один офицер. Мы попытались его выкинуть из машины, но он закричал. На его крик подбежал полицейский и спросил возбужденно: «Что там случилось?..» «Потерял свою машину!» - ответил Вася Трофимов по-немецки и мы спрыгнули на землю. Однако первая неудача нас не обескуражила. Вскоре мы перебрались в другую машину. Улучшим момент, когда полицейские были заняты наведением порядка в колоннах, мы хотели захватить унтер-офицера. Из допроса выяснили что он раненый, эвакуируется в госпиталь. Оказалось что из Кенигсберга эвакуируется только гражданское население и военные госпитали. Немцы мерены любой ценой защищать город, что и нужно было нам сделать».

За выполнение данного задания сержант Михайлов был награжден второй медалью «За отвагу».

На заключительном этапе Великой Отечественной войны разведчик Михайлов А.А. также не раз бывал в тылах вражеских войск, добывал нужные сведения о противнике.

...С наступлением темноты группа разведчиков полка перешла на линию обороны и захватила фашистского ефрейтора. Успех поиска зависела тщательная его подготовка. А.Михайлов выбрал район действий - опушка леса у озера Ужо где по тропинке гитлеровские солдаты ходили из деревни к зданию, расположенному на переднем крае. Было установлено, что смены производится через 4 часа и в составе 6 человек. Таким образом смелая операция свершилась успешно.

За эту операцию он был награжден орденом Славы III степени.

После демобилизации работал в колхозе.

Умер в 1976 году.

БОЙ ЗА ГОРОД ЛЮБАВЫ

Порядков Дмитрий Федоров родился в 1909 году в деревне Нигечи Новошимкусской волости Тюшевского уезда Казанской губернии.

В 1922 году окончил Нюргечскую начальную школу.

В 1931 году был призван Ибсинским РКВ на действительную службу.

26 июля 1941 года был призван по мобилизации Комсомольским РКВ и направлен в 136-ю учебную бригаду. После окончания краткосрочных курсов было присвоено звание «младший сержант» и направлен на должность командира отделения

156-й стрелковой дивизии.

Октябрь 1941 г. Пулеметная дробь где-то за лесом вела себя как скороговорка. Вернулись разведчики после трех суток по тылам противника. Они же сообщили что дорога заминирована. Саперам пришлось взяться за работу. Наши войска развертывали широкое наступление. Тяжелые бои проходили на Смоленском направлении.

...Продвинувшись вперед на семь километров и овладев важным рубежом обороны противника, части дивизии приступили к подготовке решительного наступления. Пять дней и ночей войска прорывали мощный рубеж противника. Взвод, в котором воевал Порядокков, находясь в наступающей цепи, контратаковал передний край противника. В одной из атак Дмитрий был ранен в левое бедро.

После излечения был направлен в 165-ю стрелковую дивизию и назначен на должность помкомвзвода.

29 ноября 1942 года дивизия получил приказ наступать. Атака была молниеносная. Через минные поля саперы проделали проход.

Через некоторое время громовое «Ура!» было слышно во всех направлениях на флангах, спереди и с тыла - это ринулись в атаку все соседние части, используя успех 165-й дивизии. Батальоны пехоты, продолжая маневрировать, стремительно продвигались вперед, преодолевая оборону противника и уже выходили на северо-западную окраину укрепленного района.

В этом бою Порядокков был ранен второй раз.

После выздоровления Порядков был направлен в 134-ю стрелковую дивизию, где был назначен на должность помощника командира взвода.

Запомнился Дмитрию Федоровичу и жаркий бой в июне 1943 года за высоту 215,6 на подступах к городу Ярцево.

Подразделения части достигли деревни Пасечная. И тут, в песочке, опытный глаз сержанта Порядкова обнаружил скопления вражеской пехоты и боевой техники для нанесения контратаки. Об этом доложил командованию полка, и вскоре артиллеристы накрыли точным огнем расположение немецких войск. Батальон контратаковал и завязался ближний бой. В этом бою он был ранен, но не ушел с поля боя. Из автомата расстрелял 8 фашистов, а одного заколол штыком.

За этот бой он был награжден медалью «За боевые заслуги».

...Лето 1944 года. Дивизия вела бои на подступах города Великие Луки. Противник оказывал упорное сопротивление. В самый разгар боев за вторую и третью траншеи обороны противника командир взвода был тяжело ранен. Оказав первую помощь лейтенанту Павлову, он принял командование. Отбив все контратаки противника, удержали свои позиции.

...Уже высоко поднялось солнце над горизонтом, когда показался первый вражеский отряд. Впереди не спеша, ползло два тупоносных танка. За ними - пехота. Двигались гитлеровцы уверенно, имели точные сведения о составе наших войск и собираясь немедленно с нами расправиться.

Вражеские атаки чередовались с мощным артиллерийско-минометным огнем. За день гитлеровцы предприняли до десяти попыток уничтожить части дивизии, но бойцы отразили все атаки и удержали за собой опорный пункт...

В этих боях старший сержант Порядков Д. Был ранен в правую руку и находился на излечении в ЭГ-332.

За отвагу и храбрость в этих боях он был награжден орденом Славы III степени.

После выздоровления он был направлен на должность старшины 204-го фронтового запасного стрелкового полка.

Войну закончил в районе города Любавы.

После демобилизации он до ухода на заслуженный отдых работал в родном колхозе.

Принимал активное участие в патриотическом воспитании молодежи, часто выступал перед школьниками.

Умер в 1986 году.

ОТЛИЧНЫЙ НАВОДЧИК

Прохоров Антип Ефремович родился 5 апреля 1910 г. в деревне Нюргечи Новошаркуской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

В 1925 году был призван Ибресинским РВК на действительную службу.

С 16 ноября 1937 г. по 16 ноября 1942 г. работал начальником Нюргечинского отделения связи.

16 ноября 1942 года был призван по мобилизации и направлен на должность оружейного номера 257-го артиллерийского полка.

С июля 1942 г. по май 1943 г. воевал в составе 110-го артиллерийского полка.

...Июнь 1943 г. Утром

ни мин и снарядов посыпались на наш передний край, и не успев рассеяться дым, как двинулись вражеские танки, а за ними целая группа фашистов лавиной шли в атаку. Все ближе и ближе надвигались броневые чудовища, а орудие наводчика Прохорова молчало. Наводчик, прильнув к панораме, шептал: «Ничего, товарищи, что так близко подпускаем «тигра», человек сильнее зверя».

Первый снаряд, посланный в цель, не остановил вражеский танк, и это взволновало расчет орудия. Но Прохоров уловил момент, когда «тигр» поставил свой бок, стреляя по нашим позициям, и точно попал в фашистского зверя.

За смелость, отвагу и мужество в бою с танками наводчик был награжден медалью «За отвагу».

23 августа дивизия перешла в наступление. Артиллерия поддерживала пехоту на всем протяжении наступления. Командир батареи старший лейтенант Зимовой метким огнем прикрыл выход роты на северную окраину деревни Климовка. Штурмовые отряды дивизии ворвались в деревню. Бойцам пришлось ломать упорное сопротивление гитлеровцев, которые почти каждый дом приспособили к обороне.

Близилась тревожная ночь. Враг подбрасывал подкрепления. Медлить было нельзя. Получен приказ: произвести по узлам сопротивления фашистов мощный огневой удар всеми артиллерийскими средствами. Расчет где наводчиком был Прохоров А., разгромил 1 дзот и много живой силы и техники.

...Советская Армия завершала изгнание фашистских войск с нашей территории. В это время расчет орудия, где наводчиком был Прохоров А., принимал участие в боях по овладению городом Ковель. Необходимо было разрушить хорошо укрепленную немецкую оборону. Находясь в составе передового отряда, расчет орудия массированным огнем, как тараном, взломал вражеские укрепления и открыл путь нашей пехоте.

...Когда противник пошел в контратаку, Прохоров вместе с командиром орудия, быстро выбрали удобную огневую позицию для орудия и точным огнем уничтожили около 27 фашистов. Вражеская атака захлебнулась и пехота перешла к преследованию противника.

За этот бой Прохоров был награжден медалью «За отвагу».

...Село Хомянич. Целые сутки продолжался бой. Батарея под командованием старшего лейтенанта Новикова М. четыре раза отбила атаки противника. Но воины стояли насмерть. В крошечном шквале огня и железа, мог выстоять только человек!..

Снова лаконичная запись: «В течение суток вели бой, отбили 4 контратаки, уничтожили 2 танка и около 40 фашистов. В течение дня на этом участке противник успеха не имел. (Из наградного листа).

За эти бои наводчик Прохоров А. был награжден орденом Славы III степени.

...Батарея в боевом порядке пехоты. Показались цепи фашистов.

Звучит команда:

- Прямой наводкой по пехоте, осколочным! Огонь!

После завершения войны с Германией. Прохоров в составе 11-го артиллерийского полка участвовал на войне с Японией.

После демобилизации Антип Ефремович начал работать инструктором по столярному делу в Новоизамбаевском детском доме.

С 1 февраля 1955 года начала работать завхозом школы, потом учителем по труду Новоизамбаевской восьмилетней школы.

Кроме двух медалей «За отвагу» и ордена Славы III степени, на груди у отважного артиллериста сияют медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные медали.

Активно участвовал в патриотическом воспитании молодежи деревни, часто выступал перед школьниками.

Умер в 1981 году.

БОЙ ЗА ПЛАЦДАРМ НА ОДЕРЕ

Смирнов Алексей Васильевич родился 10 сентября 1904 года в деревне Нюргечи Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Отец - Василий Иванович Иванов.

Мать - Марина Сидоровна Сидорова.

В марте 1942 г. был призван в армию в ходе мобилизации и направлен на пополнение 85-го стрелкового полка 10-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

...Бои шли очень тяжелые, враг отчаянно сопротивлялся. Однако сказалось превосходство врага в силах. Вышибить гитлеровцев из деревни не удалось. Они возобновили наступление

не только с фронта, но и с тыла: в ночь на 28 августа высадили воздушный десант.

Для 85-го стрелкового полка, как и для других частей дивизии, сложилось трудное положение. Чтобы не попасть в окружение пехота начала отступать. Бой шел с переменным успехом. Немецкая пехота накапливалась в оврагах и балках. Над позициями нашей пехоты появились фашистские самолеты, вероятно разведчики. Они летали так низко что даже невооруженным глазом была видна пахля свастика на фюзеляжах. Прошло еще несколько томительных минут. Командир отделения напряженно разглядывал заросли кукурузника куда просачивалась немецкая пехота.

- Вот они! - крикнул Исаев - Смотрите правее!

В это время по скоплениям гитлеровцев ударили минометы батальонов 85-го стрелкового полка. Раздались крики «Ура!», винтовочная и пулеметная трескотня. Справа от высоты бросилась вперед группа бойцов-пехотинцев. Первым с пистолетом в руках бежал командир, с ним рядом бежали Смирнов А. и Васюгин П. Рядом упала мина и взрывной волной его отбросило в сторону.

А потом два года в плену - самые черные дни в его жизни.

...Сентябрь 1944 года. Наши войска освобождали Польшу.

Рядовой Смирнов А. после тщательной проверки особым делом фронта был направлен в 1272-й минометный батальон 460-

стрелковой дивизии.

С удвоенной энергией воевал Алексей Смирнов все оставшее время.

...Ночью уже было холодно. Яркие по-осеннему звезды горели над лесом, над голубой рекой. И вдалеке глухо гремели моторы - желая корпусная артиллерия шла на позиции, вытягиваясь на ост.

Только рассветало, когда немцы сунулись по дороге к селу группой в семь-десять средних танков с полком автоматчиков. Командир роты разрешил вести огонь лишь двоим - Шашкову и Василеву, чтобы не выдать расположение роты, два бойца точными выстрелами сразу же зажгли две немецкие машины. После этого фашистская орава тут же откатилась. Солдаты понимали - это только начало. И, действительно, в четыре часа утра они заметили при восходе солнца три колонны тяжелых немецких машин с «Играми» впереди, вытягивающихся параллельными курсами к селу. «Игры» вели огонь. Одновременно послышалось прерывистое гудение с неба - группа самолетов по 5-10 машин заходили с разных направлений, чтобы ударить по всей площади, это авиация прокладывала путь танкам. Черная завеса потревоженной пыли закрыла горизонт, стало темно, земля разрезалась воронками среди которых было трудно передвигаться. Но рота гвардейцев-танкистов и стрелков, выдвинутая ей остановилась на месте и приняла бой. Своими восемью танками они держали деревню, как и было им приказано, весь день, помощи никто не просил и не ждал. Солнце поднялось к закату, а бой продолжался. Гвардейцы маневрировали, хитрили, били засад, всячески старались убедить немцев что здесь не восемь, а крайне мере, 50 танков, и выигрывали время, драгоценное вре-

Вечером напряжение боя достигло высшей точки. Немцы видимо, догадывались наконец, что против них действуют лишь лишь стрелки и танкисты и полезли вперед с усиленным бешенством.

Все оставшиеся в строю продолжали сдерживать натиск немцев, но силы были слишком неравными. Им пришлось отойти в деревню и начать уличный бой. К этому времени были уничтожены все оставшиеся в строю танки, но и гвардейцы несли потери.

Помощь пришла вовремя, и гвардейцы погнали фашистов на запад...

За эти бои Смирнов А. был награжден орденом Славы III степени за № 277417.

...Война шла на территории Германии. Боях в 1945 году он был награжден медалью «За отвагу» за номером 3062125.

Как это было?

...Целую неделю держали плацдарм на Одере. Ох и были трудные дни. Одна контратака за другой. Гитлер, говорят, в Ставке ногами топал на своих генералов от ярости, что такой заветный сильный рубеж допустили преодолеть советским войскам. Плацдарм тот удержали и с него назад не сошли.

За эти бои он награжден медалью «За отвагу»

После возвращения с войны, он долго проработал в колхозе до выхода на заслуженный отдых.

В праздничные дни он надевает свои награды, кроме боевых наград, у него на груди сверкают медали «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы» и юбилейные медали.

Постоянно выступал перед школьниками, рассказывал о мужестве и отваге своих однополчан, о героизме советского народа.

Умер в 1981 году.

ХРАБРЫЙ АРТИЛЛЕРИСТ

Толстов Михаил Иванович родился 20 сентября 1915 года в деревне Полевые Инели Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Призван по мобилизации в декабре 1941 года Комсомольским РВК и направлен в составе маршевой роты для пополнения елковой дивизии.

По душе пришлась Толстову военная специальность артиллериста. Он в совершенстве освоил грозное оружие и стал наводчиком 82-миллиметровой пушки. Первые выстрелы по противнику сделал в районе Ржева, а летом 1943 года, когда развернулись ожесточенные бои за освобождение от оккупантов город Карачев, он проявил себя подлинным мастером меткого огня. Вот что писал о нем командир полка майор Петров К.Ф.: «Метким огнем своей пушки Толстов уничтожил пулеметную точку противника, расчищал путь наступающей пехоте. Огонь его пушки причинил значительный урон боевой силе врага».

За воинское мастерство и мужество, проявленные в бою за Карачев, рядовой Толстов был награжден «Отличный артиллерист».

Особенно памятно наводчику лето 1944 года. 23 июня войска 1-го Белорусского фронта перешли в решительное наступление против немецко-фашистских полчищ группы армий «Центр». Дивизия в взаимодействии с соединениями 49-й армии наносила удар на Мглиев - крупный узел обороны немцев. Сломив упорное сопротивление противника, части 49-й и 50-й армий 28 июня штурмом захватили городом.

Войска фронта, преодолевая сопротивление врага и крупные природные преграды - такие, как Днепр, Друти, Березину, стремительно продвигались на запад. За 11 дней наступления наводчик Толстов в составе соединения прошел с боями около 300 километров.

Главные силы группы немецких армий «Центр» были разбиты. Восточнее Минска советские войска окружили свыше 100 тысяч хваленых фашистских вояк.

В разгроме этой окруженной группировки врага принимал участие и артиллерийский расчет сержанта Толстова. У него навсегда остался в памяти, как батарея занимала огневые позиции на поле целиной ржи.

Гитлеровцы подожгли хлебное поле, чтобы уничтожить расчеты и вырваться из окружения.

Расчет боролся со стихией огня, и натиском огня, но продолжал руководить расчетом. Фашистам так и не удалось выйти из

окружения, одни из них тут же нашли себе могилы от огня артиллеристов, а другие сдались в плен.

От боя к бою повышалось мастерство наводчика.

Командир полка представляя нашего земляка к медали отвагу», писал: «Сержант Толстов является лучшим наводчиком в рой батарее. Расчет, в котором он служит, является взаимозаменяемым, номера расчета отлично знают свои обязанности, овладевшие смежными специальностями. Их расчет всегда достигает наивысшего темпа ведения огня, что наносило большой урон врагу. Его расчет в боях за железнодорожную станцию, город и крепость Будапешта 13-14 августа 1944 года, первыми выстрелами подавил один из трех станковых пулеметов, уничтожил до взвода немецких солдат и офицеров».

За мужество, храбрость и отвагу, проявленные в боях 13-14 сентября, командир дивизии генерал Красноштанов наградил сержанта Толстова М.И. орденом Славы 3 степени.

...Напряженные бои Яско-Кишиневской операции, начавшиеся 20 августа. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в решительное наступление и прорвав вражескую оборону, устремились навстречу друг к другу, чтобы в районе Хуши замкнуть кольцо вокруг кишиневской группировки. После мощной артиллерийской подготовки пошла вперед родная дивизия Толстова М.И.

Артиллерия и минометы нанесли удар такой силой и с такой точностью, что совсем дезорганизовали управление войсками противника, нарушили огневую систему. Значительная часть траншей и ходов сообщения, большинство блиндажей и укрытий на участке прорыва оказались полностью разрушенными. Без промаха крушили вражеские укрытия дивизионная и полковая артиллерия. Особенно хорошо поработали полковые расчеты, в том числе и расчет Толстова.

Под прикрытием мощного огневого вала стремительно наступали подразделения наступавшего по направлению главного участка стрелкового полка.

Очистив первую траншею, бойцы безостановочно продвигались дальше, к вершине высоты 172,0.

В боевых порядках стрелковых подразделений четко действовали орудийные расчеты сержанта Толстова. Расчет прямой наводкой подавлял уцелевшие огневые точки.

Общими усилиями бойцов стрелкового полка высота с отметкой 172,0 была захвачена.

За эти бои сержант Толстов М.И. был награжден орденом Отечественной войны 2 степени.

Потом были бои за освобождение городов Будапешта и Венны.

Велика была радость, охватившая воинов дивизии в те неза-
даваемые майские дни победного сорок пятого. Их ликование не
по пределу, как все фронтовики, были безгранично рады тому,
наступил конец кровопролитию, что враг повержен, сокрушен,
одержана победа историческая победа.

Вернувшись домой стал работать в колхозе до ухода на заслу-
жный отдых.

Умер в 1983 году.

БОЙ ЗА ГОРОД ПОЛТАВЫ

Федоров Николай Федорович родился в 1913 году в деревне Нюгечи. Участник финской кампании.

28 июля 1941 года был призван по мобилизации и направлен в 88-й противотанковый артиллерийский полк, который дислоцировался в пригороде Ленинграда.

Мне довелось побеседовать с ним о пройденных путях во время войны, проведенные в первые годы войны. Вот что рассказывал Николай Федорович, вспоминая те дни и ночи при защите города Ленинграда: «Есть события, которые, удаляясь во времени, не исчезают из памяти, а наоборот, становятся более яркими и значительными».

хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо чернотой соединилось с землей, а эти пятнистые цвета стада танков в степи, палящие на позиции батареи. Я помню раскаленные стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет и лязг гусениц, расплавленные телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки заряжающих, черные от пота и дыма лица наводчиков, черно-белые смертельные разрывов, покачивающиеся стволы немецких самоходок, танки, скрещенные трассы в поле, жаркие костры подожженных фашистских танков, гадящих нефтяной дым, застилавший тусклый, сломанный пятячок морозного солнца.

За уничтожение немецких танков и самоходок весь состав расчета был награжден орденами и медалями и среди них был и земляк. Так в бою он заслужил свою первую боевую медаль «отвагу».

Вспоминая те тяжелые дни обороны, Николай Федорович тяжело вздохнул и продолжил свой рассказ: прошло уже более сорока лет, это осеннее, чуть пасмурное утро, когда мы пошли в атаку.

Утро. Из леса медленно выползли танки гитлеровцев.

- Как всегда, в семь - сказал Думов и, несколько раз задышавшись махорочным дымом, подал первую в тот день команду: Огонь!

Фонтаны земли выросли перед головными машинами. Колеса не быстро рассредоточилась, но продолжала идти вперед. Батарея

ставила неподвижный загородительный огонь - выпустила несколько десятков снарядов на одном рубеже. Гитлеровцы соскочили с танков, залегли на землю.

- Огонь! Огонь! Огонь! - командовал командир орудия. Снаряды рвались в колонне фашистов.

- Не зря потрудились, Николай, - сказал, обращаясь ко мне, командир орудия. Он поправил на голове каску и улыбнулся. Озорно сверкнули его глаза цвета голубого неба.

- будут биты, как шведы под Полтавой.

Но они не прошли. Мы выкатили орудия впереди пехоты на мую наводку перед танками. Железный рев моторов врвался в уши. Мы стреляли почти в упор, видя близко круглые зевы стальных стволов, что казалось, они нацелены были в наши зрачки. Горело, рвалось. Мы задыхались от ползавшего на орудия черноты дыма, от ядовитого запаха горелой брони. В секундных промежутках между выстрелами хватали пригоршнями почерневший снег в рукавицах, глотали его, чтобы утолить жажду.

Грохнули четыре пушки. Рассекая воздух, понеслись к врагу снаряды. В ту же минуту открыли огонь и фашисты. Завязался жестокая дуэль, испытание силы, ловкости, нервов.

Вторым снарядом подбило наше орудие. Я был тяжело ранен, две недели пролежал в госпитале, потом был демобилизован по инвалидности. За этот бой я был награжден орденом Славы III степени, № 557672».

Продолжая рассказ, он тепло вспоминал своих боевых друзей в годы войны. «Сколько товарищей мы потеряли на полях сражений, сколько ран телесных и душевных, тревожат еще нас теперь! Тщетно пытались мы найти их имена на стенах рейхстага, хотя огнем своих пушек мы помогли водрузить Знамя Победы над цитаделью фашизма. Их следы - в разбитых танках и самоходных пушках, в искромсанных бронированных корпусах и оконных проемах рейхстага, в разрушенных бункерах и фундаментах вражеских пушек на площади перед рейхстагом».

После возвращения домой он долгие годы проработал в колхозе. В знак признания трудовых успехов в мирное время он был награжден медалью «Ветеран труда».

В прошлом году в Нюргечах состоялось заметное событие в жизни ветерана, они с женой Ниной Петровной справили золотую годовщину свадьбы. В этот день со всех углов страны приехали сыновья и дочери, а у них 9 человек.

Давайте познакомимся. Вот за столом сидит старшая дочь Евдокия. Она живет и работает в колхозе «Знамя». Рядом с нею вторая дочь - Елизавета, в Новочебоксарске живут и работают дочери Ольга и Александра. Старший сын Василий - живет и работает в Яльчиках.

Володя работает экскаваторщиком. Толя, Альбина, Мария работают в разных городах страны. Не забывают их внуки, а их около двадцати.

Несмотря на возраст, им обоим по 70 лет, душою они молоды и выполняют посильную работу в колхозе.

Хочется поздравить их с золотой свадьбой и от души пожелать крепкого здоровья на долгие годы.

Умер 31 декабря 1982 г.

ОТВАЖНЫЙ АВТОМАТЧИК

Шатилов Гаврил Ефремович родился 1 июля 1903 года в деревне Полевые Инели Новошимкусской волости Тетюшевского уезда Казанской губернии.

Окончил церковно-приходскую школу в 1915 году в деревне Полевой Сундырь.

Был одним из первых колхозников колхоза «Победа».

С 1939 по 1941 гг. работал председателем колхоза «Победа».

В 1941 году был мобилизован на защиту Родины и направлен в 85-й запасной стрелковый полк. После краткосрочной учебы в составе маршевой роты был направлен для пополнения 67-го стрелкового полка НКВД.

Зима 1941 года... Разве можно забыть ее!

От линии фронта до Москвы рукой подать. Все труднее, и труднее сдерживать озверевшие фашистские банды. Они уже предвкушают радость близкой победы и идут на все, не считаясь с жертвами.

В конце ноября гитлеровцы перешли в первое наступление. Ожесточенные бои разгорелись на всех участках фронта от Волжского водохранилища до Тулы.

67-й стрелковый полк держал оборону под Серпуховым.

Ослепительно белеют боля, снег мягким ковром прикрыл землю. Только воронки от снарядов, мин, бомб, словно чернильные пятна на белой бумаге. Уцелевшие дома кажутся ниже, словно пригнулись в ожидании неминуемой гибели. Стоят безмолвные, покрытые снегом, соломенные крыши торчат ушами, вслушивается будто дом в гул боя.

К этим боям прислушивались все: здесь решалась судьба страны, судьба Москвы.

Вот и передышка. Меткий огонь артиллеристов, героизм пехоты, самоотверженные действия летчиков, танкистов сделали свое дело. Враг бежал с поля боя, но не все. Многие навсегда остались лежать в снегах Подмосковья...

...Летом 1944 года стрелковый полк, в составе которого воевал наш земляк вел бои в районе Полоцка. Гитлеровцы засели на одной из высот. Вражеские пулеметы не давали поднять голову. Атака захлебнулась.

Особенно досаждал один, что стоял на высоте, в дзоте. Он прикрывал подступы к городу. Пробовали бить по высоте из орудия. Тщетно! Полк залег.

Первым батальоном в ту пору командовал капитан Метелев. Горячий, был смелый, но расчетливый.

- Нужно обойти высоту, забросать дзот гранатами, - рекомбат.

Тотчас нашлись добровольцы. Метелев отобрал троих. Бой поползли вперед. Через рожь, посеченную осколками, через минное поле. Никто из них не вернулся назад...

Разведчики в это время находились в боевых порядках. С вели наблюдения за передним краем обороны противника, засекли его огневые точки. Обо всем замеченном докладывали комбату.

Гаврил Шатилов лежал на небольшой высоте. Из-за леса небу тянулись столбы черного дыма. Слышались глухие взрывы. Полоцком стояло багровое зарево.

«Немцы город взрывают», - подумал Шатилов и пополз комбату.

- Разрешите мне попытаться...

Капитан удивленно вскинул брови:

- Ты что, погибнуть решил? Не пущу!

И все же выслушал солдата. Выслушал потому, что прочел в глазах бойца твердую решимость.

Еще раньше Гаврил заметил небольшое русло, оставленное внешним потоком. Оно взбиралось по склону вверх. По нему, ползая, можно переползти к дзоту. Вот разве мины помешают...

Ползет солдат... Накануне прошли дожди. В русле грязь. Гитлеровцы притихли что-то, но ненадолго. Вот ударил один пулей другой. Шатилов оглянулся. Над окопами наших бойцов кое-где ячичили каски. «Отвлекают», - подумал солдат и пополз быстрее. Удалось обойти высоту.

И вот он недалеко от дзота. Усталый, перепачканный глиной. Перед решительным броском нужно собраться силами. К тому комбат Метелев обещал поддержать огнем.

Снова над окопами замаячили каски. Пулемет с высоты начал очередь. Гитлеровцы быстро израсходовали ленту. И, как только начали перезаряжать пулемет, Шатилов рывком бросился к дзоту. Метнул в узкий проем пару гранат, откатился назад. Внураздался взрыв. Из проема вырвалось пламя.

Комбат поднял батальон в атаку. Высота пала. А когда взят город Полоцк, Шатилова вызвал к себе командир полка Лидев А.В.

- Молодец, Шатилов! - похвалил комполка. - Будешь награжден орденом Славы третьей степени. Заслужил, достоин такого дена.

Однако ему орден был вручен позднее, за № 579851.

...Еще раз отличился боец в одном из боев, когда полк сировал реку, закрепился на окраине города.

Батальон получил задание: сдерживать натиск фашистов. На передний край гитлеровцы пустили танки.

Оглушенный близким взрывом снаряда. Шатилов упал на опасную землю. Хотел отползти назад, к воронке, но замер на месте: прямо на него, лязгая гусеницами, полз немецкий танк. Уже ясно слышны смотровая щель механика-водителя, комок грязи, прилипший к стальным тракам, черная орудийная пасть. Ему даже показалось, что он видит в щели люка злобные, с прищуром глаза фаши-

Рука нащупала за поясом гранату. Шатилов выдернул предохранительную чеку, пополз к танку и, вскочив на ноги, метнул гранату. Распласталась по земле перебитая гусеница. Машина дернулась, развернулась боком. Раздался взрыв...

Вернулся солдат домой. Приступил к работе в родном колхо-

Был награжден медалью «За доблестный труд в 1941-1945 гг.»

С 1956 год стал работать заведующим Полевосундырской молочной фермой и проработал до ухода на заслуженный отдых.

Умер 12 января 1985 года.

САПЕР НЕ ДОЛЖЕН ОШИБАТЬСЯ

Яковлев Иван Иванович родился в 1910 году в деревне Изамбаево Новошимкусской волости Тетюшского уезда Казанской губернии.

25 июля 1941 года был призван по мобилизации и направлен в 4-й отдельный саперный батальон.

...Днем и ночью трудились саперы на участке обороны стрелковой дивизии Западного фронта. Изучая опыт старших товарищей, Иван Яковлев самозабвенно работал красноармейцем. Вместе со всеми рыл окопы, строил командно-наблюдательные пункты, убежища, блиндажи, осваивал трудную и опасную профессию минера.

С первого дня нахождения в 463-м саперном батальоне он настойчиво изучал все тонкости военной специальности и добился своего - в совершенстве познал мины всех назначений.

Командование заметило прилежание к службе и трудолюбие Ивана Яковлева: сначала ему присвоили звание «ефрейтор», затем «младший сержант» и назначили командиром саперного отделения.

Требовательный к себе и подчиненным, чуткий и отзывчивый, он завоевал любовь и уважение солдат. Его отделение было в хорошем счету поэтому сложные и ответственные боевые задания, как правило, поручали отделению младшего сержанта Яковлева.

Отличный сапер одновременно был и отважным разведчиком. В феврале 1942 г. мл.сержант обеспечивал проход разведки своего полка через передний край обороны противника: в непроглядной темноте он проделал проходы в проволочном заграждении и минном поле врага а затем вместе с группой захвата пошел вперед, к немецкой траншее.

В каждом бою Яковлев находил что-то новое для себя, умело передавал опыт подчиненным. Новички из пополнения, узнав об опыте отделения, зная о том что строгий и требовательный командир поможет им стать настоящими бойцами.

- Любил саперное дело, - вспоминал Иван Иванович. - Привык к опасностям. А привычка иногда и притупляется чувством страха, не каждый раз, когда приближаешься к мине, запрятанной

мле, испытываешь неприятное ощущение. Но страху поддаваться нельзя, он плохо спутник. Потому, бывало, мобилизуешь все силы, волю, внимание и приступаешь к делу, зачастую под прицелом врага, вблизи его расположения...

Он рассказывал о том, как дивизия вышла на промежуточный рубеж противника и отделение получило приказ проделывать проходы в его заграждениях.

...Пользуясь темнотой мл.сержант Яковлев со своими бойцами поползли в сторону гитлеровцев. Слившись с землей, они под прицелом у врага проделали проходы в проволочном заграждении. Затем предстояло сделать проходы в минном поле, но работу часто прерывали немецкие осветительные ракеты. К тому же, немцы открыли еще сильный пулеметный и минометный огонь. И в той исключительно сложной обстановке проходы были сделаны.

Но осколком немецкой мины мл.сержант был ранен в правый глаз, правое предплечье и левую голень и предплечье.

Бойцы отделения его доставили в медсанбат дивизии, где была оказана первая медицинская помощь.

Потом в полевом госпитале правый глаз был удален, удалены осколки мины. Далее на излечение был отправлен в ЭК-3151 г.Ря-

ш.

Медкомиссия признала что негоден к воинской службе, но пригоден к физическому труду.

С таким решением он был комиссован домой.

За ратные подвиги младший сержант Яковлев И. был награжден орденом Славы III степени.

Вернувшись домой, стал работать в колхозе, затем бригади-

М

Был награжден медалью «За доблестный труд в 1941-1945 г.»

Коммунисты колхоза «Трактор» выбрали его секретарем парторганизации колхоза, где он проработал до 1949 года.

Умер в 1962 году.

Часть 2. НА КРЫЛЬЯХ БЕССМЕРТИЯ

Каждый прожитый год все дальше отделяет нас от грозных лет Великой Отечественной. Все меньше остается ее непосредственных участников. Как же нам нехватает наших боевых друзей! Сейчас, когда время требует точных и правдивых оценок, на нас надо взглянуть по-другому.

Все чаще пытаемся воскресить в памяти эпизоды боев стараясь понять, в чем конкретные причины наших успехов и неудач.

Время берет свое, оно безжалостно стирает из памяти, казалось бы, неизгладимые картины. И наоборот, воскрешает забытые боевые эпизоды, которые требуют переосмысления. И я вновь вижу лица боевых друзей и однополчан, их летные шлемы, планшеты и комбинезоны, мне чудятся шум фронтовых аэропланов, взлеты и посадки, суета техников.

Вспоминая прошлое, с каждым раз убеждаюсь, что главной причиной всех наших успехов являются советские люди, мужеством и талантом с их равнодушием и безграничной верой в будущее нашей отчизны.

Сегодня с расстояния прожитых лет я еще раз убеждаюсь, что вряд ли мы смогли бы разбить врага, если бы у нас не было идеалов будущего.

И все чаще встает в моей памяти образ моих друзей - одноклассников Плеткина Арсентия и Филиппа Шербустанова - из плеяды крылатых, которые очень много сделали для приближения Победы.

Ни в одном воинском уставе не существовало команды: «Коммунисты, вперед!» Но любой фронтовик знает: в годы той страшной войны она звучала повсюду - на земле в небе, на море. В самые тяжелые минуты боев, на самых опасных участках когда казалось уже не оставалось сил, именно коммунисты шли впереди, поднимая солдат в атаку.

М.Н.Юман
бывший летчик дальнебомбардировочной
полка, кавалер двух орденов Боевого
Знамени, майор запаса

НА КРЫЛЬЯХ БЕССМЕРТИЯ

Боевой путь летчиков 20-го истребительного авиаполка начался на рассвете 22 июня 1941 года. В 4 часа 30 минут по боевой тревоге они поднялись навстречу врагу с аэродрома в Судилкове, в 15 километрах восточнее Шепетовки. Через воздушное пространство над аэродромом летели группы самолетов. Они шли высоко, но силуэтам летчики без труда опознали их: да, это «юнкерсы» и «Хейнкели».

По одиночке воздушные пираты появлялись над ними и раньше. Летчики рвались в небо, несколько раз, дежуря на аэродроме, они шли на перехват нарушителей границы но сбивать их категорически запрещалось. Поэтому немецкие летчики не обращали внимания на предупредительные очереди, безнаказанно уходили и прилетали вновь. Было ясно, что самолеты врага ведут усиленную разведку советских аэродромов, оборонительных укреплений, важных промышленных и военных объектов, изучают систему ПВО. И не взирая на строжайшее указание не втягиваться в провокации, советские летчики не позволили бы им залетать в советское воздушное пространство.

Но теперь это была не провокация. «Юнкерсы» и «Хейнкели» направлялись бомбить и обстреливать то, что было разведано и отмечено ими на фотопленку. Противник наносил удары наверняка. В эту очередь налетам подверглись те аэродромы, на которых базировались части и соединения, вооруженные новыми типами самолетов. На наши «Чайки» немецкие летчики не обращали никакого внимания, видимо, не считая их серьезной боевой силой, пролетая мимо, даже не пытались бомбить аэродром. Или ничего не знали об нем?

...События развивались стремительно, положение становилось озабочивающим. С первых часов войны господство в воздухе захватила фашистская авиация. Наши наземные части, двигавшиеся к границам, непрерывно подвергались бомбежкам и обстрелу с воздуха. Стали известны, что командующий Юго-Западным фронтом генерал Г. Кирпонос приказал командующему авиацией генералу П. Гухину сосредоточить усилие авиации на прикрытии воздуха двигавшихся к границам войск, нанесении сосредоточенных ударов по танковым и моторизованным группировкам противника и ближайшим аэродромам. До этого было решено перебросить полк ближе к линии фронта.

Неожиданно в небе возник надрывной гул моторов. А через минуту-другую увидели, что к аэродрому приближается армада фашистских самолетов. Организовать какое-либо противодействие уже было невозможно.

Готовы
к вылету.

Засвистели падающие бомбы, загрохотали взрывы, вспыхнули на стоянках самолеты и бензозаправщики. Через несколько минут все было кончено. Густые клубы черного дыма да остовы доражающих самолетов свидетельствовали о постигшей беде. Для многих, необстрелянных, эта трагедия обнажила чудовищную жестокость войны и горькую расплату за беспечность. Авиаторы догадывались, что немцы специально выжидали, пока на аэродроме бралось такое количество самолетов, а потом нанесли бомбовой удар...

...В представлении многих, особенно сегодняшней молодежи как мне кажется, вечер 21 июня 1941 года, вечер накануне войны выглядит в виде выпускницы средней школы - в белом наряде, платье, юной, восторженной и мечтательной. Почему так думать? Да потому, что в литературе, кино в большинстве своем именно в таком духе и изображен этот вечер.

Да, этот вечер был мирным. Как и вся наша страна во времена - мирной. Но не беспечным. До забывчивости беспечным был этот вечер. И тоже - как и наша страна, никогда за все десятилетия своего существования не забывавшая о бдительности. Как не отшумел трудовой день - суббота. И вот после трудовой недели люди спокойно готовились к завтрашнему воскресному дню: на заводах, фабриках, на колхозных полях - везде царил подъем, люди трудились с энтузиазмом, на совесть, стремились делать все, им доверено, как можно лучше.

А как у военных На, а как отдыхали? По-разному... Именно эту субботу командир эскадрильи капитан Семенов и не прикинул будто бы, а посоветовал:

- Далеко не отлучайтесь, в гарнизон прибыли представители высшего штаба, будьте наготове. Высшее командование когда не обходило училище своим особо пристальным вниманием, теперь тем более понятна его озабоченность.

В газетах, по радио часто звучали призывы к бдительности, в духе частенько поднимались курсанты, готовились к выпуску.

Командир эскадрильи словно в воду глядел, точно разгадал мысли «гостей»: с рассветом завывла сирена, и курсанты дружно бежали на аэродром. Рядом кто-то поругивается:

- Уже и в воскресенье нельзя обойтись без этих учебных тренировок. Не дает командир и выспаться как следует...

- Грешно спать в такое утро, - бросает другой.

А утро и на самом деле необыкновенное. Небо как из голубого стекла отлитое - чистое, глубокое. А по городку от аэродрома, издалека, спокойно плывут волны прозрачного воздуха.

На краю аэродрома показалась эмка командира военного училища Ивана Семеновича Батракова.

- Рассредоточить самолеты! - приказывает начальник училища

Курсанты бросились выполнять приказ. Но уже закрадывалось тревожное чувство. И оно будто толкало в спину. Так быстро курсанты никогда еще не растаскивали машины. И стало еще тревожнее. Напряженно ждут: что же дальше? Раздается команда на построение, все замерли в строю...

- Товарищи, - негромко, но твердо, сурово звучит голос Батракова. - Получено распоряжение всем экипажам находиться в полной готовности, никуда не отлучиться от своих машин, ждать дальнейших указаний...

Война! Это слово тяжелым грузом свалилось на курсантов. Сообщение начальника училища было неожиданным. А ведь и вчера, и позавчера после полетов курсанты валялись в траву, густую, сочную, или в свежие копны, пахнувшие молодым сеном, и толковали о жизни. И уж коль курсанты люди военные, а значит, готовиться к боям, то нередко говорили о том, как будем драться в случае нападения врага.

- Теперь надо учиться жить по-новому, - разъясняли старшие инструкторы-наставники, им предстоят тяжелые испытания!

...Проводить ночь на аэродроме курсантам не привыкать, пришлось и раньше. Боевая подготовка требовала этого и в мирное время. Но эта ночь, первая ночь войны показалась совсем иной.

Состоялся досрочный выпуск военных летчиков...

Курсанты получили воинское звание - сержанты и разъехались согласно полученных направлений.

Летчики ловили каждое слово боевого товарища, ведь наставник училища воевал в небе Испании, был удостоен двух орденов Боевого Красного Знамени. Говорил он о том, что в небе необходимо быть очень внимательным к своим боевым товарищам.

В штабе
полка

Стоя в строю, каждый из них, подумать не мог, что война затянется на долгие и долгие четыре года, что впереди столпотворение боевых друзей...

Когда запылали пожарища войны, на плечах Арсентия Пикина, двадцатичетырехлетнего чувашского парня, сияли малиновые кубики. Вместе со сверстниками, прибывшими по комсомольским путевкам из разных уголков страны в Качинскую авиашколу пилотов, он уже учил летать, помогал постигать азбуку военной жизни. Голубые петлицы и красная звездочка на пилотке стали той поры священными символами всей его судьбы, крепко связанной с доблестной судьбой Красной Армии, всего нашего народа.

Перед командирской комнатой Арсентий замешкался. Когда прибыв в полк, он не застал командира, а пакет с личным делом вручил помощнику начальника штаба Бересеневу И.В. Еще раз оглянувшись в коридоре, он решительно вошел в кабинет.

- Докладывает младший лейтенант Плеткин. Прибыл в распоряжение, - начал он и замялся на секунду под внимательный взгляд подполковника. Затем уже уверенно добавил:

- Родину защищаю от фашистского нашествия с первой дивизии Отечественной.

- А до этого? - спросил командир, оглядев крепкую, ладную фигуру младшего лейтенанта.

- Семилетка. Аэроклуб, работа, затем военное училище.

Командир полка снова взглянул на младшего лейтенанта, обратил внимание на его упрямый, решительный взгляд.

- Продолжайте, сказал он, углубившись в личное дело Плеткина.

- После окончания аэроклуба в военкомате мне дали комсомольскую путевку в Качинскую школу военных пилотов, после окончания работал в той же школе инструктором.

- Ну и как, не пожалели? - спросил подполковник и по-ки улыбнулся. Видно было что и он в свое время прошел этот. После этой улыбки напряженность у Арсентия совсем исчезла, чувствовал в подполковнике боевого друга.

- Признаться. Это были самые счастливые годы моей жизни. лись с огоньком... Да что рассказывать? В моем деле, вероят-е есть, - закончил младший лейтенант, заметив, что коман-тает его «Лист оценок», заполненный после окончания лет-колы.

В «Листе оценок» А. Плеткина было записано: «Дисциплина ная, решителен, самостоятелен, физически развит хорошо. итируется в воздухе отлично. Стрельба по наземным целям - но. Перспективный летчик».

На прифронтовом аэродроме молодых летчиков, только что живших авиационную школу и получивших некоторый опыт го применения самолета в учебно-тренировочном полку, встре-тепло. Было сделано все, чтобы они с первого дня почувство-себя членами дружного коллектива и быстро включились в ю службу.

Командир познакомился с каждым из вновь прибывших летчи-представил их личному составу полка, рассказал им о боевых наиболее отличившихся однополчан.

- Теперь познакомьтесь с аэродромом, с районом полетов. - и он в заключение. - Обязательно поговорите с боевыми лет-ми. Они вам многое могут рассказать. Это пригодится. Долго ты не будете, некогда. Фронт не за горами.

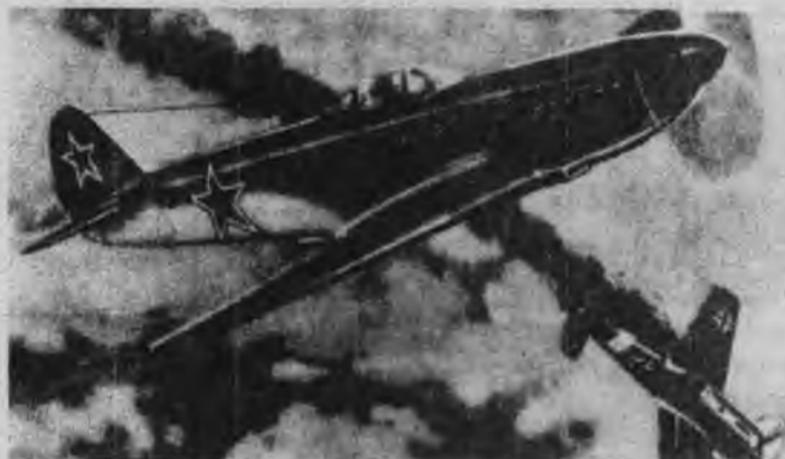
В строю в числе молодых летчиков был и Арсентий Плеткин. нимательно прислушивался к каждому слову командира. Ему ось быстрее вникнуть во все тонкости боевой работы, познать еты» тактических приемов действий штурмовиков.

Наступил вечер. Возвратившиеся с боевого задания летчики азывали о своих впечатлениях, шумно разбирали различные оательства воздушного боя, критиковали отдельных летчиков ибки и промахи допущенные в полете.

На аэродроме кипела напряженная работа, готовили самоле-предстоящему боевому вылету. Технический состав трудился бе и стремясь, чтобы все запланированные для полета самолеты ились в воздух. Заделывали пробойны на крыльях и фюзеля-устраняли обнаруженные в двигателях неполадки. Вместе с шками работали и летчики. И эта дружная работа и взаимопо-ль позволяли делать, казалось, невозможное.

Первый боевой вылет.

Потом их могут быть десятки или сотни, порой значительно

Вражес-
кий сам-
лет сбл-

более ответственных, трудных, рискованных. Но боевое крещение остается в памяти навсегда, особенно если свершилось оно в такой битве, как за Кавказ, дымное небо над полем боя казалось наш голубым разящим свинцом.

Именно сюда, в эту огненную круговерть, вел группу И. командир штурмового полка майор Р.Д.Римов. Ведомым одного звеньев впервые летел в бой и наш земляк, лишь несколько суток назад прибывший в часть из школы пилотов.

В другой обстановке полетел бы новичок на задание попросил присмотрелся к действиям бывалых воздушных бойцов, прислушался к их советам. Постепенно и втянулся бы в напряженный боевой ритм освоил тактические приемы, укрепил волю, развил глазомер. В сущности, вот так, бережно, хотя без излишних сантиментов и затяжек, вводили в фронтовых частях в строй молодых летчиков, членов экипажей.

Но с Плеткиным вышло иначе. Его, как положено, «погоняли» по теории, проверили технику пилотирования одиночно и в строю. Убедились, что летает младший лейтенант, как говорят бывшие летчики, добротню, в строю держится прочно, стрелять умеет хорошо. Да и меньше всего был похож молодой летчик на тех, кто нуждается в опеке - под стать своей крылатой машине, он с первого взгляда располагал к себе, внушал доверие. Окончил аэроклуб. Затем школу младших авиаспециалистов. Летел до войны стрелком на ТБ-3. Теперь вот освоил штурмовик...

Словом, майор не испытывал никаких колебаний, когда делал расчет и когда повел его в первый боевой вылет.

Арсентий, поглядывая на машину командира звена уверенно держится в строю. Ровно гудит мощный двигатель; стрелки приби-

в замерли на нужных делениях. Все привычно, знакомо, как в планировочном полете по маршруту.

Выше по сторонам снуют юркие истребители сопровождения, под плоскостями бесконечной лентой бежит выжженная июльским солнцем, усеянная воронками, опаленная недавними боями земля. С каждым километром она все чернее с каждой минутой все душнее в кабине терпкий запах гари. Значит, скоро и поле боя!

Бой развернулся на западной окраине города. Десять «мессермитов» сразу же разделились на две группы. Шестерка «мессеров» талась на прежней высоте и стала заходить в хвост нашим истребителям. Вторая группа - четыре самолета - полезла вверх чтобы в нужную минуту со стороны солнца атаковать «миги».

Майор Римов разгадал замысел врага и, используя высотные качества Миг-3, резким боевым разворотом пошел за звеном «мессеров» и стал настигать его. Ведущий четверки «мессеров» понял, что ему не выгодно тягаться с нашими истребителями на высоте. Он быстро выполнил полупереворот и пикированием ушел со своей группой вниз. Наше звено - за ними. Фашисты хитрят, пытаются заманить Римова под удар своей шестерки. И тут началось: атаки идут с обеих сторон одна за другой.

Силуэты вражеских истребителей не похожи на силуэты наших, не привычны для наших, советских авиаторов. Длинные, с большими фюзеляжами, вынесенными вперед от кабины к мотору разбросанными крыльями. По виду они напоминали акул. Впоследствии наши летчики прозвали «мессершмиты» «худыми».

«Мессеры» все сильнее и яростнее атаковали четверку «мигов». Время шло, горячее в баках неумолимо уменьшалось. Фашисты спешили во чтобы то ни стало добиться победы. Они ведь уже к этому привыкли там, на западе... И вдруг яркая вспышка сверкнула на небе, и за «мессером» потянулись языки пламени. Немецкий самолет пошел на снижение.

- Горит! Фашист горит!

Когда самолеты приземлились, то все узнали, что первым в полку одержал победу над немецким летчиком майор Римов. Это была меткая очередь прошила и вогнала в землю «мессера». На опросе сбитый летчик сначала растерялся, но потом, почувствовав некоторую уверенность, кичливо заявил, что он летал над всей Европой и ни разу не был сбит. В этом же бою его постигла случайная неудача... Сбитый немецкий капитан носил на груди два Железных креста, которые он получил за победы в Европе.

После боя, когда все вернулись на свой аэродром, командир полка вел разбор первого боя, где были отмечены правильные действия каждого земляка с хорошей стороны.

Плеткин А.Г.

- «Ильюшин-2» - оружие многоцелевое - уникальное по своим боевым возможностям, - говорил командир звена Николай Валувев. - Это и крылатая артиллерийская батарея, и бомбардировщик, и истребитель. Выходит, что нашему брату-штурмовику нужны как бы три диплома: летный, штурманский, стрелковый - и все отличаем, ибо нам ничего нельзя знать делать наполовину или даже на девять десятых. Ведь это штурмовики атакуют врага с бреющего полета под огнем из всех родов оружия; это мы, сопровождая свои войска, выжигаем противника буквально по ногам наступающих передовых частей тогда непростительные, а подчас и преступны даже малейшие ошибки, неточности в расчетах...

Вскоре большинство летчиков убыло из части. Исправные молеты были переданы другому полку. Летный и технический состав в запасном авиационном полку осваивали новые самолеты Ил-2.

Когда Арсентий появился на самолетной стоянке, где его ждал новенький Ил-2, он был уже иным: посуровел, внутренне собран. Больше слушал, чем говорил; больше тренировался в кабине, отдыхал в тени под крылом самолета.

...А боевая страда продолжалась. Советские войска, обескровив противника в преднамеренном оборонительном сражении, пешно развивали контрнаступление, неудержимо продвигались на запад. И почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день вслед за ведущим поднимал во фронтовое небо свой самолет молодой летчик Плеткин А. Вылет за вылетом, бой за боем. Рос боевой счет этого штурмового авиаполка. Наравне с комэсками Федоровым, Сахаровым, Немецко, Сушаповым, теперь в нем есть и вклад Плеткина; теперь знал он, чем отличаются настоящие вражеские танки от фанерных макетов на полигоне, как выглядят сквозь прицел эти изрыгающие огонь серо-зеленые коробки, а главное как подыхают они, прожженные кумулятивными противотанковыми бомбами.

Летать приходилось много. К вечеру, совершив по пять-шесть боевых вылетов, так уставали, что гудело в голове и ныло все тело. Редкий вылет обходился без напряженных боев. Обстановка на земле и в воздухе все ухудшалась. Мощного контрудара, на кото-

деялись все, не получилось. Стало известно, что танки противни-
прорвались в районе Острога. Летчики получили приказ нанести
урмовой удар по врагу. Взлетели тремя группами и, зная хорошо
стность, скрытно подошли к цели. Атаковали и бомбили с малых
сот. Взорвались несколько цистерн с горючим, загорелись танки,
омшины. Движение по железной дороге застопорилось. Налет
азался настолько ошеломляющим, что противник не успел орга-
зовать зенитного противодействия. Посадку произвели на своем
одроме.

Командование предвидело что противник не оставит в покое
опытается уничтожить полк на земле. Поздно ночью была закон-
на подготовка аэродрома к наземной обороне и к отражению воз-
жных ударов с воздуха.

На рассвете появились в небе 25 бомбардировщиков Ю-88. Их
ретили на подходе патрулирующие истребители, немедленно взле-
а и дежурная эскадрилья Яранцева И.А. «Юнкерсы» повернули
отно сбрасывая бомбы далеко от аэродрома. Звено, ведомое май-
ом Ващеевым И.И., оказалось выше противника и, развив ско-
ть, атаковало замыкающую группу. Один Ю-88 загорелся и рух-
на землю. Остальные ушли со снижением.

Разведка донесла: на железнодорожном узле скопилось мно-
ство вражеских эшелонов. Короткая подготовка - и вот уже груп-
из двух эскадрилий Ил-2 во главе с капитаном Леоновым В.И. и
уевым смыкается над полевым аэродромом в плотный строй и
равляется по заданному курсу. Линию фронта проскочили на
ой высоте и большой скорости, не дав противнику прийти в
я, организовать зенитный заслон. Но чем ближе цель, тем чаще
ыхивали в белесом от зноя небе брызжущие горячим металлом
ые шапки разрывов.

Враг встретил шквалом огня. Капитан Валуев выделил часть
для подавления зенитной артиллерии, а ударную группу кру-
разворотом на большой высоте вывел на железнодорожный
и. О том, что первая серия бомб легла точно, Плеткин узнал при
оде на повторную атаку: там, где только что струились лишь
кие дымки паровозных труб, теперь расплзлось, клубясь, бес-
менное черное облако, по пристанционным путям в панике ме-
ись немецкие солдаты и офицеры.

Новый бомбовый удар - и новые очаги пожаров, гулкие,
руго бьющие по самолету ударной волной взрывы боеприпасов...
ббы израсходованы. Но есть еще пушки, крупнокалиберные пу-
шеты. И штурмовики устремляются в третью атаку.

Хоть и недолго воевал Арсентий, но у него уже была своя
звязанность - воздушная стрельба. Конечно, авиабомбы очень

эффектны, особенно это миниатюрная, несолидная на первый взгляд, противотанковая новинка - ПТАБ. Но пока бомбы долетят до цели, подожгут ее, весь изведешься: попал или нет? Да и не всегда поймешь, твои бомбы или соседа по строю накрыли цель. Знать это нужно не столько ради престижа, сколько для дальнейшего боевого совершенствования, учета и устранения ошибок. Другое дело - пулеметы и пушки: сразу видно, куда врезались цветные трассы. А глаз у него оказался верным, рука - твердой. Вот и сейчас бросив самолет в пике, чуть сощутив зоркие глаза, ловит он светящуюся сетку прицела набегающие вагоны и платформы.

Пора! Сухо загремела пушка. Огненные пунктиры вырвались из крыльев штурмовика и вспороли крышу одного из вагонов. Хорошо! Теперь ручку чуть на себя и длинной очередью прошить весь эшелон, повредить железнодорожное полотно, выходные стрелки.

Атака окончена! Палец отпускает гашетку, и в тот миг самолет сильно встряхивает, бросает в сторону. Это ударная волна - на станции что-то взорвалось. Теперь пойдет огонь полыхать!..

Так учился воевать и побеждать летчик-штурмовик Плеткин. Огнем и кровью писались строки боевой летописи родного 657-го полка.

...Чуть брезжит рассвет. Над землей курится легкий прозрачный туман, всхолмленный дымными очагами пожаров. Летят и бреюшем, едва не цепляясь за верхушки деревьев. Навстречу мелят черные клочья дыма, пронизаемого самолетами.

Эскадрилью ведет капитан Трунов В.К., участник боев в Испании и на Карельском перешейке, он имел огромный боевой опыт, что позволило ему упредить возможное противодействие врага. Потому он и рассредоточил силы: в шестерке, в которой летит наш земляк, предназначалось нанести удар по аэродрому, он с остальными должен был прикрыть от ударов врага и обеспечить выполнение боевой задачи.

При подходе к вражескому аэродрому, как это было предусмотрено заданием, покачал крыльями, разогнал скорость своего самолета и взмыл пологой горкой. Шестеро краснозвездных самолетов, блеснув на солнце, устремились ввысь, где уже патрулировали две группы «мессеров», а другая эскадрилья направилась к вражескому аэродрому. Он был буквально забит самолетами и автомашинами, всюду кишели гитлеровцы, подготавливаясь к вылету.

Ил-атаковали с ходу, ударили бомбами, открыли огонь пулеметов. Над стоянками самолетов взметнулось пламя, огромные клубы дыма потянулись к небу, а вокруг аэродрома заструились огненные трассы. «эрликонов» - фашисты решили не выпускать наших самолетов из огненного кольца. Пренебрегая плотным огнем

Плеткиных, летчики делают второй заход, третий. Главное - по-
пышше уничтожить вражеских самолетов. Прорываясь сквозь огнен-
ную завесу, дерзко атакуют аэродром. Сверкающие трассы «эрлико-
в» мечутся над ними, они резко меняют направления и высоту
полета. Долгое время фашистам таки и не удалось поймать в прицел.
Плёткин капитану Балуеву не повезло. Его, казалось, неуловимый
«2» задымил, клюнул носом и, перевернувшись через крыло,
упал в бензозаправщик. По данным аэрофотосъемки за этот вы-
летчиками было уничтожено на аэродроме 6 самолетов врага. Но
стоимость победы омрачилась не только гибелью капитана Балуева. С
этого задания не вернулись из звена Лернера летчики Зверев,
Сидоров. Позже удалось установить что, защищая штурмовую групп
от атак вражеских истребителей, сами погибли в неравной схват-

При штурме вражеского аэродрома героически погиб первый
полковник Николай Андреев Балуев. Тяжело переживал
Плеткин эту утрату, никак не мог смириться с мыслью о неизбеж-
ности жертв в беспощадной битве с врагом. Самому ему не раз
приходилось прорываться к целям сквозь огненную метель, где
кто не застрахован от шального снаряда возвращаться с десятка-
двух пробоин в самолете. Но потерять Балуева... И снова воскрес не-
ожиданный эпизод, который сделал двух летчиков боевыми побратима-

Группа наших штурмовиков нанесла удар по колонне пехоты
техники противника на марше. Плеткин летал ведомым в звене
Балуева, четко повторяя все маневры командира, метко разил врага.
Несколько боевых вылетов вдумчивых разборов их результатов, це-
ленаправленных тренажей и конкретных рекомендаций командира
Плеткин заметно сказались на его летном «почерке», позволили уже
достаточно уверенно ориентироваться в воздушной и наземной об-
становке. В круговерти атак Арсентий выбрал момент чтобы мель-
ком осмотреть воздушное пространство, и невольно похолодел: сза-
дверху на самолет Балуева пикировал «мессершмит». Еще мгно-
уть - и он откроет огонь! Дальнейшее произошло словно само по
себе. Арсентий рванул на себя ручку управления и закрыл своим
лобом машину командира принимая удар на себя. Однако фа-
шист не ожидавший такого маневра, шарахнулся в сторону. Плет-
кин не заметил, что у «мессера» был напарник. Он понял это толь-
ко тогда, когда дробно загремели по броне и остеклению фонаря
шары снарядов, кабину заполнил знакомый тошнотворный за-
пах перегретого моторного масла.

С огромным трудом перетянул тогда Плеткин почти неуправ-
ляемый штурмовик через линию фронта и посадил его в располо-

жении своих войск. Только на вторые сутки вернулся летчик к своему аэродрому и здесь узнал, что повредивший его машину «мессер» не ушел безнаказанным: он нерасчетливо проскочил вперед и был «срезан» пушечным огнем одного из наших штурмовиков. Не забываемой была и встреча с Николаем Валуевым. А теперь вот это не стало...

Нет, Арсентий не согнулся, не опустил руки перед жестокой действительностью. «Если погибнет боевой друг, - говорил он своим подполчанам, - то каждый из нас должен сражаться за двоих, нанести врагу максимальный урон, быть его беспощадно до полной победы». И слово летчик держал твердо. С каждым боевым вылетом крепла его репутация как умелого и бесстрашного воздушного бойца, на которого можно смело положиться, которому можно доверить выполнение любого задания. Так и должно быть - ведь в войне человек на виду здесь, как нигде, объективна оценка его возможностей, дел, поступков. И как нигде, щедро воздается за заслугам.

На следующий день Плеткин вылетел на разведку вражеских войск, двигавшихся по шоссе на дорогах. Дороги были забиты танками, автомашинами, пехотой. Возникло непреодолимое желание спикировать на них и обстрелять из пулемета, хотя этого дела запрещалось: главное - вернуться и доложить о том, что видели. Неожиданно со стороны солнца появилась пара «мессеров». Заняв исходное положение для атаки, они выждали, когда они еще больше углубятся в расположение их войск. Гитлеровцы поняли, что замысел их разгадан, и тоже ринулись на наших летчиков.

Плеткин, наскочив на снарядную очередь «мессера», со свистом потянул в сторону города, уже занятого вражескими войсками. Однако он стал отбиваться от яростных атак. Более скоростные, они свободно уходили вверх и оттуда наваливались на него с одного спереди, другой сзади или слева одновременно. Приходило ни на секунду не упускать из поля зрения врага и он успевал увертываться от прицельного огня, переходя в лобовые атаки. Так маломалом потягивался на восток, где ему помогли наши зенитчики. Метким огнем отсекали «мессера» и он ускользнул вниз и уже через несколько минут докладывал командованию о результатах разведки.

Летать приходилось в очень сложных метеорологических условиях. Частые туманы, сплошная низкая облачность, плотные снегопады, морозы за тридцать градусов значительно ограничивали боевые действия обеих сторон. Молодые летчики, не имея опыта при недостаточной летной выучке, с поставленными задачами справлялись успешно. И в этом немалая заслуга бывалых летчиков. О

Станно учили молодых авиаторов боевому мастерству, умению стратегически грамотно мыслить, быть настойчивыми и упорными в достижении поставленной цели. Благодаря четко организованному взаимодействию с наземными войсками и отлично налаженной связью с ними, каждое задание на вылет ставилось конкретно, давались перывающие указания по его выполнению.

Со смешанным чувством выслушал младший лейтенант при объявленном ему командиром полка перед строем. И пожалуй, для него самого новость оказалась неожиданной. В полку давно обратили внимание на летчика, в котором органически сочетались отчаянная храбрость, с расчетливостью в бою, физическая сила с личной скромностью, твердость убеждений с доброжелательностью к людям. Он уже постиг многого за год фронтовой жизни. На его личном боевом счете - десятки боевых вылетов, уничтоженные танки и автомашины, орудия и железнодорожные вагоны, огневые точки и пехота врага, десятки воздушных боев с «мессерами», «юнкерсами».

Четыре «мессера» круто пикируя на разворотах и разгоняя скорость зашли сзади. Но поздно: звено Плеткина проскакивает сквозь ряды турельных установок врага и оказывается над бомбардировщиками. Три Ю-81 загорелись и пошли вниз, оставляя за собой черные шлейфы. Вводя самолет в глубокие виражи со снижением, Плеткин вышел для атаки бомбардировщиков сверху, открыл заготовительный огонь стараясь сбить противника с боевого курса. Бомбардировщики, боясь то ли прицельного огня, то ли столкновения пикирующими на них краснозвездными самолетами, шарахались в стороны, уходили поодиночке, беспорядочно обрасывая бомбы. «Мессершмиты», взмыв вверх, атаковали звено Плеткина сзади, но не стреляли - свои бомбардировщики тоже мелькали в прицеле. Но для звена Плеткина, проскочив сквозь строй бомбардировщиков пытались выйти из боя, «мессеры» атаковали советские самолеты с разных сторон.

Звено Плеткина крутилось на виражах и постепенно оттягивалось на свою территорию. Боеприпасов не осталось, наши летчики, вводя свои самолеты в энергичный разворот навстречу врагу схватились в лобовых атаках с «мессерами», которым так и не удалось произвести прицельную стрельбу. Наконец фашисты ушли вверх и ушли - видимо, у них иссякли запасы горючего.

Убедительным свидетельством боевой зрелости офицера стало высшее воинское отличие - орден Красного Знамени, врученный 9 сентября 1942 года.

Плеткин еще учил своих первых питомцев по-настоящему летать, а в штабе дивизии готовили представление на присвоение звания «лейтенанта». В заключительной части этого документа было

написано: «... отличный разведчик, бесстрашный летчик-штурман. Его каждый боевой вылет наносит врагу огромный урон в ж силе и технике. Достоин присвоения внеочередного звания «л нант».

В летной книжке летчика-штурмовика лейтенанта Плеткина А.Г. есть такая запись: «Техника пилотирования на самолете о ная. Летать любит. В полетах не устает. Трудолюбив. Летных про ствий не имеет. В воздухе спокоен, летает уверенно». Запись, сд ная еще в конце 1942 года, характеризует всю боевую деятельн отважного фронтовика.

После спасения командира звена от верной гибели в ходили крылатые слова о взаимной выручке летчика. Ведь это сказано:

У летчиков наших такая порука,

Такое заветное правило есть:

Врага уничтожить - большая заслуга,

Но друзей спасти - это высшая честь.

Каждый новый боевой вылет для молодого командира был школой опыта и знаний, закалкой воли, мужества, ма ства, своеобразным экзаменом на зрелость. И Арсентий выде этот экзамен. Все чаще вылетал он на выполнение боевых за во главе группы.

Как-то звено штурмовиков, которым командовал Плеткин, получило приказ нанести удар по колонне танков и мотоп продвигавшихся к линии фронта. Было ранее утро. Прижим лесу, группа на бреющем подошла к цели. Вражескую коз растянувшуюся на несколько километров, заметили сразу. С ровая «горка» - и штурмовики стремительно пикируют на Голова колонны окуталась огнем и дымом. После второго зах дороге возник затор из горящих танков и автомашин. Но шлемофонах раздался взволнованный голос стрелка:

- Атакуют «мессеры».

Плеткин быстро окинул взглядом горизонт. С двух ст группе приближались 20 вражеских истребителей. В такой обс ке выход один - активная оборона. Группа наших штурмо успела быстро построиться в круг, подготовиться к решите схватке. На первые атаки «ИЛы» дали достойный отпор огн силы были неравны. Надо бить готовым ко всему. Отступить н да и некуда.

Оглянувшись, он увидел: на один наш самолет навал четыре вражеских. Прошитый с двух сторон очередями, он нился и, охваченный пламенем пошел к земле. Боль и трево полнили сердце командира. Неужели не удастся вырваться и

енного кольца?

- Ближе к земле! - дает он команду. - Отходить на свою территорию.

И в ту же секунду голос стрелка:

- Командир, сзади два «мессера»...

Они оказались не только сзади. Еще две пары увидел Плеткин и справа, куда хотел сделать маневр, чтобы увернуться от огня. Уловив какой-то миг, Арсентий дает очередь. Она оказалась точной.

- Готов один гад, - успел услышать он голос стрелка.

Фашистский истребитель факелом падает вниз. А сколько еще осталось? Плеткин бросает машину то в одну, то в другую сторону, то прижимается к самой земле, затем вновь набирает высоту, уходя от вражеского огня.

- Давай огня! - кричит он стрелку, но тот не отвечает, пулевого умолк...

В том бою Плеткину удалось почти невероятное: его маленькая группа штурмовиков выдержала бой с противником, имевшим многократное численное превосходство. Он довел до своего аэродрома поврежденную машину с раненым стрелком на борту, и не потерял ни одного самолета.

Успехи Арсентия Плеткина в первые же месяцы войны не были случайными. Еще будучи курсантом, а затем инструктором в авиационной школе пилотов, он в совершенстве овладел техникой пикирования, четко отработал все возможные приемы воздушного боя. Это помогало ему быстро войти в боевой строй, стать отважным воздушным бойцом.

В первом наградном листе Плеткина А. есть строки, написанные более полувека назад во фронтовом штабе: «Плеткин - летчик исключительной отваги, мужества и героизма. В воздушных боях не испытывает страха, обладает огромной силой воли, смело вступает в бой с превосходящими силами врага».

Вот что вспоминает бывший начальник штаба 657-го штурмового авиаполка Басников В.Ф.: «Так оно в действительности и было. Подавляющее большинство воздушных боев Плеткин А.Г. в первые годы войны провел с врагом, на стороне которого было численное превосходство. И не было случая, чтобы он уклонился от боя, спасовал перед фашистскими летчиками, даже если было в несколько раз больше».

- Врага надо бить, а не считать», - не раз говорил Плеткин.

Это правило было для него законом боевой жизни.

...А через час спустя, после возвращения с боевого задания, командир полка к себе вызвал лейтенанта Плеткина.

- Для тебя есть особое задание, - проговорил майор Захитов, обводя карандашом на карте большой населенный пункт. Вот, видишь город. По агентурным данным, на его аэродроме базировалось много фашистских самолетов которые ведут интенсивную боевую деятельность. Аэродром прикрыт зенитной артиллерией, действуют истребители противника. Надо произвести разведку с фотографированием. Цель находится на большом удалении, идти придется почти на полный радиус действия самолета. По времени полета горючего должно хватить. Если встретишься с «мессерами» - не будет как-то выкручиваться. На задание пойдешь парой. Кого возьмем в ведомые? - спросил командир полка.

- Зверева Петра, - ответил Плеткин.

...После взлета Плеткин окинул взглядом аэродром, по радиопередатчику спросил Зверева:

- Двадцатый! Как обстановка на борту? Я - десятый.

- Я двадцатый! Все в порядке.

Линию фронта проскочили без всяких приключений, маневрируя по высоте и курсу на большой скорости. Высота полета - тысяча метров. Пара самолетов, перейдя на снижение все дальше дальше уходила в тыл врага. Плеткин заметил интенсивное передвижение фашистских войск к линии фронта: двигались мотолонны, небольшие группы танков отдельные автомашины.

Плеткин на высоте полутора тысячи метров встал в стрелочный режим горизонтального полета, включил аэрофотоаппаратуру и произвел короткую контрольную фотосъемку для проверки работы фотоаппаратуры в воздухе. Все было в порядке.

До города оставалось несколько километров. С высоты полета уже был хорошо виден город и аэродром. Город разрушен, обгоревшие коробки обгоревших домов...

Аэродром действительно был буквально забит самолетами.

Вот и контрольный ориентир.

- Двадцатый! Я - десятый! Приготовиться, начинаю съемку. Внимательнее следи за воздухом! - передал Плеткин Звереву Петру.
Я - двадцатый! Понял, прикрываю.

Плеткин развернулся в направлении аэродрома, стал на боевой курс, включил фотоаппаратуру и, выдерживая высоту и скорость полета, начал фотографировать. При подходе к границе аэродрома с левой стороны города ударила зенитка. Снаряды рвали воздух вокруг самолетов. Корректируя огонь, фашисты переносили его вперед, то в левый борт самолета Плеткина, но не смогли достигнуть цели. Плеткин старался точно выдержать параметры полета над целью, чтобы получить хорошие снимки!

Проскочив аэродром, Плеткин выключил аппаратуру, следил за

нергично разворот вправо, пошел на повторный заход.

Дежурные «мессеры», стоявшие недалеко от взлетной полосы, почему-то не взлетали...

«Что за чертовщина! - подумал Плеткин. - Сколько на аэродроме стоит самолетов и хоть бы один взлетел!» Почему-то прекратилась огонь зенитка. После второго захода Плеткин развернул на ретий. И только теперь он услышал голос своего ведомого:

- Командир, сзади шестерка «мессеров» пикирует на нас.

«Вот она, обманчивая тишина! - подумал Плеткин. - Крепко нас взяли в клещи: пара справа, пара слева, третья - хвосте!»

Для Плеткина этот замысел был ясен: фашисты хотят взять нас в плен. Посадить на свой аэродром, о том самом доказать - вот, гол, мы какие асы! Русских летчиков схватили за уши и посадили в свою точку...

Зверев открытым текстом по радио передал:

- Командир! Кажись влипли...

- Без паники! Подходи поближе ко мне и будь до предела внимателен! - приказал ему Плеткин.

Шедший слева ведущий шестерки «мессеров» сжал левую руку кулак и большим пальцем стал показывать Плеткину вниз, пора, гол, садиться. В ответ на этот жест Плеткин кивнул в знак согласия. Сам внимательно посмотрел на приборы, подумал, что выход найден!

Горючего в баках становилось все меньше и меньше. Это понимали фашистские летчики: промедление грозит русским упасть на землю с остановившимися моторами.

Фашист начал плавно разворачиваться в сторону аэродрома, который только что фотографировал Плеткин, и заводить нашу пару на посадку.

- Петр, - напомнил своему ведомому Звереву, - следи внимательно за моими действиями!

Плеткин выпустил шасси. Зверев тоже. Оба самолета одновременно начали терять скорость и высоту.

«Мессеры», сопровождающие их по бокам, от неожиданности проскочили намного вперед, а те, что шли сзади, видимо, на какое-то время потеряли самолеты из виду.

Этого только и ждал Плеткин. Воспользовавшись замешательством фашистских летчиков Плеткин мгновенно убрал шасси, пелешел в крутое пикирование и с разворотом на сто восемьдесят градусов резко ушел от «мессеров» к земле.

Зверев точно повторил маневр командира, не отставая пошел за ним. На полном газу на большой скорости наша двойка оторвалась от фашистов. На бреющем полете пронеслись над крышами

домов города, ушли от преследователей!

Приближалась линия фронта.

- Петр! - весело сказал Плеткин ведомому. - Посмотри, гоняются за нами?

- Нет! - ответил Зверев. - Разве им за нами угнаться!

- А как у тебя с горючим?

- На исходе.

Плеткин посмотрел на свой бензомер. Стрелка показывала примерно пятнадцать литров. Это слишком мало...

Когда подошли к своему аэродрому бензобаки были уже пусты.

Все, кто был на КП, с тревогой наблюдали за появившейся над полосой парой наших самолетов. Моторы их заглохли, но теперешнее не было сомнений: высоты, чтобы спланировать на взлетно-посадочную полосу, вполне хватало. В динамике раздался звонкий радостный голос Плеткина:

- Я двадцатый! Задание выполнили, разрешите посадку?

- Посадку вам разрешаю, - облегченно выдохнул в микрофон майор Захватов.

Из воспоминаний Героя Советского Союза, майора в запасе Брагина Алексея Васильевича, проживающего в Москве: «Мы, молодые летчики, прибывшие на пополнение в штурмовой авиационный полк, впервые услышали о лейтенанте Плеткине А.Г.: «Лучший мастер атак с бреющего полета»

Когда приходилось с ним встречаться после очередного боевого вылета, мы часто смотрели на него и думали: а ведь это мастерство не каждому дается! Для этого нужна не только отличная техника пилотирования на малых высотах, но и отличная зрительная память, способная запечатлеть на земле большое количество ориентиров: поля, овраги, железные и шоссейные дороги, различные строения.

При полете над самой землей, да еще на большой скорости горизонт становится как бы суженным из-за быстрого перемещения ориентиров. Порой невозможно опознать даже хорошо знакомый населенный пункт или дорогу.

Да, из всего перечисленного, необходимо что-то иметь бога, поверьте это мне, летчику. Совершившему за годы войны более 200 боевых вылетов.

Когда молодых летчиков эскадрильи начали брать на боевое задание, они сами в этом убедились. Арсентий отлично владел ориентировкой на малой высоте, причем в любую погоду. На выводе выводил группы точно, неожиданно для врага. Еще при подходе к цели, используя рельеф местности летчики группы следуя за опы-

командиром, прижимались к земле так близко, что самолеты этой трудно было заметить. И только перед самой целью, горкой скочив вверх, Плеткин мгновенно переводил самолет в пикирование и атаковал врага. И также внезапно на бреющем полете исчез без потерь уводя свою группу.

Мне, в начале боевой службы посчастливилось полетать с ним в его группе много раз, и мне запомнилось его лицо.

Внешне Плеткин был худощавый. Среднего роста блондин с большими глазами, по натуре энергичный, имел обаятельный характер, обладал чувством юмора. В полку такие люди были, это командиры эскадрилий Витя Москвичев, Саша Лернер, Иосиф Самохвалов, летчики Федот Халимончик, Ваня Курский, Рустав Абдулов. В боевой работе всегда был безотказный».

...С рассветом группе штурмовиков предстояло нанести удар по колонне фашистских танков. От командира полка и ведущего получены все указания до мельчайших подробностей. Сделаны все необходимые пометки на полетных картах, проложен маршрут. Плеткин детально изучает характерные ориентиры. Мало ли что может случиться в полете. Нужно хорошо знать маршрут чтобы выйти на цель, и затем вернуться на аэродром.

Когда все было готово, командир полка сказал:

- А теперь отдыхать, вставать придется рано. В ту ночь Арсентий долго не мог заснуть. Через несколько часов - первый боевой вылет как командир эскадрильи.

Рано утром группа штурмовиков поднялась в воздух и взяла курс на запад. Вначале все было хорошо, но, когда самолеты отошли далеко от аэродрома, мотор стал давать перебои. А ведь накануне Арсентий пробовал мотор. Его охватила тревога.

Что делать? Неужели возвращаться, не выполнив боевого задания?

С большим трудом подобрал Арсентий такой режим, на котором мотор работал лучше, но от группы все же отстал.

«Хоть один, но дойду до цели и сброшу бомбы - думал Арсентий - те же м более цель уже близка».

Вглядываясь вперед, где уже чернели клубы бомбовых взрывов - результат налета наших штурмовиков, - Арсентий одобрял себя: «И для меня найдется цель».

Нанося удар по скоплению танков противника, группа разбилась и взяла курс на свой аэродром. Плеткин к этому времени уже подходил к району цели. Противник открыл по нему сильный огонь. Обнаружив скопление танков, замаскировавшихся среди подсолнухов, Арсентий с разворота перевел самолет в пологое пикирование. Мотор снова напомнил о себе. Но танки противника

все отчетливее просматривались в лобовом стекле фонаря кабин. Пора! Понимая создавшуюся обстановку, он решает сбросить бомбы с одного захода. Он резким движением переводит рычаг аварийного сброса бомб назад до отказа и выводит облегченный самолет из пикирования.

Подбирая обороты двигателя и маневрируя на малой высоте, Плеткин благополучно вышел из района цели на обратном пути, пристроившись к другой группе штурмовиков, возвращавшихся после выполнения задания, он дошел с ней до своего аэродрома.

- Почему не вернулся? - спросил начальник штаба майор Баскаков С.Ф., - выслушав доклад Плеткина.

- Считал, что могу выполнить задачу, - ответил он.

За настойчивость в выполнении боевого задания начальник штаба похвалил летчика, но посоветовал в подобных случаях не рисковать и возвращаться на аэродром.

Шло время. Командир эскадрильи совершил немало успешных боевых вылетов.

Наши войска двигались на запад.

Получено задание: нанести удар по вражескому железнодорожному эшелону. На подходе к цели группу атаквали истребители противника. Завязался воздушный бой. В самый напряженный момент турельный пулемет на самолете комэска замолчал.

- Пулемет отказал! - взволнованно передал воздушный сигнал П.Моисеев командиру.

- Попробуй перезарядить, - ответил командир и стал резко бросать машину из стороны в сторону, стремясь выйти из-под прицельного огня истребителей противника.

Гитлеровцам хотелось чтобы наши штурмовики нарушили боевой порядок. Но летчики строго выдерживали свои места. Сбросив бомбы на эшелон противника и обстреляв его из пушек, группа благополучно возвратилась на свой аэродром. Разбитый эшелон долго надолго закупорил железнодорожный перегон. И опять в разборе командир полка отметил смелость и инициативу Плеткина.

Штурмовики своими действиями с воздуха оказывали нашим войскам большую помощь.

На одном из участков фронта продвижению наших войск сильно мешала артиллерия противника. Командование вызвало штурмовиков. Немцы защищали свои позиции, сосредоточив большое количество зенитных средств. Чтобы успешно выполнить задание, нужно было прежде всего заставить замолчать зенитки.

Вот что вспоминает Герой Советского Союза, бывший командир эскадрильи, майор запаса Москвичев Виктор Александрович: «Прибыл я в 825-й ШАП после окончания Энгельсской школы»

военных пилотов и сразу же был зачислен в одной из звеньев 1-й эскадрильи. Тогда я и познакомился с Арсентием Плеткиным, будущим моим наставником по военной выучке.

Разработали подробный план действий. Первая часть группы должна была нанести удар по артиллерии, вторая, шедшая несколько впереди, - атаковать зенитные точки, когда они откроют огонь и мы демаскируем себя.

На малой высоте Плеткин со своей группой вышел на заданную цель и всю мощь огня обрушил на вражеские артиллерийские позиции. Артиллерия замолчала. Воспользовавшись этим, наземные цели поднялись в наступление. Открывшие огонь зенитки были уничтожены вторым звеном группы. Штурмовики сделали 14 заходов на цель, пробыв над ней 25 минут. Наши войска выбили противника с занятого рубежа и овладели им.

День ото дня совершенствовалось боевое мастерство командирского звена лейтенанта Плеткина. Наибольшее удовлетворение чувствовал он, когда наша пехота, видя своих верных помощников-штурмовиков, летящих на бреющем полете, поднималась во весь рост и с их прикрытием шла в атаку.

Вот что вспоминает бывший командир эскадрильи, майор Паса Леонов Владимир Иванович по этому поводу: «Думается не самым лучшим будет привести некоторые данные о боевой работе полка и эскадрильи в Орловском направлении наших войск. В оперсводке № 66 указано, что 12 штурмовиков, ведомых старшим лейтенантом Рогачевым под прикрытием Як-1 825-го ШАП атаковали и бомбардировали войска противника; в оперсводке № 209 указано что 13.00 19-го июля штурмовики - ведущий первой группы старший лейтенант Рогачев, второй группы - лейтенант Плеткин - штурмовали танки противника в районе Подмаслово-Моховое. Уничтожено 20 танков, сбито 3 самолета типа ФВ-19 сержантами Игошиным, Моисеевым, Козловым.

А вот в телеграмме из штаба армии: Обухову - «За хорошую работу по подавлению скоплений танков и пехоты противника летному составу 225 ШАД, принимающему участие в ударах с воздуха объявлена благодарность».

В боевом донесении штаба 63-й армии указывалось: наша авиация массированным налетом штурмовиков бомбили и обстреливали скопления танков и пехоты противника в районе Подмаслово и восточнее окраины Архангельское.

В наградном листе лейтенанта Плеткина есть такие строки: «За совершение 85 успешных боевых вылетов на самолете Ил-2 на бомбометание и проявленные при этом мужество, отвагу и доблесть достоин награждения орденом Красного Знамени».

Из воспоминаний бывшего командира эскадрильи майор за-

паса Куракина Ивана Ивановича: «Плеткина я знал с 1942 года когда я прибыл на должность командира эскадрильи.

Чуткую утреннюю тишину взбудоражил многоголосый двигатель. Перегруженные бомбами, снарядами, штурмовики долго бегут по траве и только в самом конце аэродрома тяжело отрываются от земли и летят низко над строениями.

Когда начал разбег последний, двенадцатый штурмовик, широкое летное поле из капониров резво выскочила шестерка истребителей. Маленькие, юркие, они, словно делая разминку по ночному отдыху, немного пробежались и все разом взмыли в воздух. Солнце только что взошло. Словно уставшее за день оно сквобелесую дымку горизонта кажется сонным и вялым. Растаял в дым шум моторов, и снова вецарилась тишина. Дыхание фронта, отившегося далеко на запад, не доходит сюда. Но война продолжается - там впереди.

Фашисты, пытаясь вырвать у нас господство в воздухе и тормозить наступление наших войск, подтянули много авиаш. Правда, теперь у них были уже не те сплошь опытные летчики какие воевали в первые дни войны. Поэтому враг посылал самолеты большими группами, надеясь что такая стадная тактика поможет необстрелянным летчикам драться с большим упорством.

Мы стояли на аэродроме. Старший лейтенант Подкорытов сил обеспокоенно:

- Не мало ли шестерки? Вчера под вечер, говорят, нашим «мессеров» было жарковато. При такой хорошей погоде они наверняка, будут опять ходить целыми стаями...»

Война огненным вихрем ворвалась в судьбу молодого летчи Георгия Александровича Цгоева. Но она не вызвала у него расрянности, страха. Георгий заранее готовился к предстоящим боям теперь жаждал встречи с противником.

Прибыв в часть, он был назначен летчиком в звено Плетки. Пройдя обкатку под руководством Арсентия, он нес боевое дежство в готовности «номер один», вели борьбу с одиночными фашистскими разведчиками и ночными бомбардировщиками.

Из воспоминаний бывшего комэска, майора в запасе, живающего в г. Минске:

«...Шли минуты полета. Каждый летчик вел ориентиров посматривал на западный горизонт и думал о встрече через несколько минут с противником.

При подходе к цели летчики неожиданно встретили в воздухе небольшую группу бомбардировщиков Ю-88. Вот он - враг, оказался прямо перед ними. Кресты и свастика четко выделяются на муфлированных серым цветом неуклюжих бомберах. Самолеты!

исполняли разворот для того чтобы встать на боевой курс. Командир звена лейтенант Плеткин принимает решение «атаковать, подает сигнал своим ведомым на атаку и заходит в хвост замыкающему «Юнкерсу».

На «юнкерсах» задвигались пулеметные турельные установки. Вперед наших самолетов на полном газу сближается с противником. Фашистские воздушные стрелки не выдерживают и с большой дистанции открывают огонь. Пулеметные трассы, разрезая воздух, оставляя дымный след, проносятся около наших самолетов. В прицеле Цгоева появился вражеский самолет. Такое впечатление, что это был тот же «Юнкерс», который он видел при учебных стрельбах на полигоне. Резким движением большого пальца Георгий нажимает на гашетку пулеметов.

Пулеметная очередь идет в начале мимо левого крыла «юнкерса», затем сечет крыло, перескакивает на мотор и хлещет огнем фюзеляжу... «Юнкерс» теряет скорость, отстает от группы. Летчик сбрасывает бомбы в поле. Через какие-то секунды по земле пробежала цепочка разрывов, оставляя за собой серию дымящихся «ронок».

Окрыленный успехом, Плеткин продолжает атаковать противника, прицеливается в следующий, впереди идущий немецкий самолет. Но делает трагическую ошибку. Не маневрируя он обгоняет ведомый Цгоевым «юнкерс» из носовой части бомбардировщика. Штурман немецкого экипажа открывает огонь, и пулеметные очереди поражают машину Плеткина. Самолет вспыхивает факелом и падает вниз.

Все это произошло так неожиданно и быстро, что летчики звена на какое-то мгновение растерялись, не поверили в реальность происходящего. Но только на мгновение. Чувство мести охватило Цгоева. Цгоев с яростью пошел в атаку на второй «Юнкерс». На высоте трехсот метров зашел в хвост и меткой очередью подбил самолет. Бомбардировщик завалился на правое крыло и, задымив пошел к земле.

Но при выходе из атаки Арсентий почувствовал неполадки в работе мотора. «Подбит!» — мелькнула мысль. Бросил взгляд на землю. Высота малая, прыгнуть с парашютом поздно. Надо садиться «на живот». Мотор заскрежетал и остановился. Самолет стал резко терять высоту. Он повернул машину в сторону пожелтевшего поля, которое казалось ему более ровным, пошел на посадку. Машина тяжело ударилась о землю, пополз чуть вперед.

Остальное он не помнит. Очнулся на земле. Вокруг него хлопотали пехотные санитары...

Не так давно Арсентий вернулся из госпиталя, там его солидно подлатали. Но пережитая беда еще свежа в памяти.

- Дрожишь, друг. - улыбается Георгий Цгоев. - В госпита под опекой сестричек, конечно, поспокойнее?

- Еще бы! Но вот ты почему-то про сестричек вспомнил? Г белым халатам соскучился?

- Нет. На такие свидания добровольно никто не ходит. Т лучше скажи: на чем летать-то будешь?

Арсентий вопросительно посмотрел на друга:

- Неужели в эскадрильи не найдется для меня машины?

- Вот что, пойдем к командиру полка, - казал начальн штаба. - Представься, скажи что хочу воевать, и попроси для се самолет.

Капитан Семен Федорович Баскаков сидел за командирски столом у стартовой радиостанции. Когда они подошли он встал. Р душно пожал руку Арсентию и пытливо оглядел его:

- Свеженький, как огурчик! Видать, совсем поправился отдохнул. Лицо у него расплылось в улыбке.

- Как же. Без малого полтора месяца только и было забот что спать да есть. Очень долго ожоги не заживали.

- Теперь ты по-настоящему закален в огне. Надеюсь, прибвилось ума?

Дело в том, что Плеткин потерпел неудачу, как он сам прзнавался, из-за легкомыслия: полетел в бой после бессонной но

- Все понял товарищ майор, - ответил Арсентий и тут добавил:

- Но, говорят, кто не хлебнул лиха, тот неполноценный шт мовик!

У начальника штаба удивленно поднялись густые, побелешие от солнца брови:

- Не слишком ли? Разве нельзя провоевать всю войну и быть сбитым?

- Вряд ли.

В карих глазах Арсентия сверкнуло упрямство.

- Воздушный бой - драка. А во всякой драке тумачи - сам хороший учитель.

Из воспоминаний механика самолета Берко Василия Павловича: «Я Арсентия узнал, как он прибыл в 657-й авиаполк и с пор был у него механиком - «ангелом-хранителем», так в шу называли в то время. Я был ему и самым близким человеком, првожал и встречал с каждого полета.

Каждый летчик воспринимает опасность только теоретички, если можно так выразиться. Он не спокоен, как правило, ч ствует приближение инстинктивно, всем своим существом. Имен этим объясняется то обстоятельство что молодые летчики в сво

вых боях бывают невнимательными и редко возвращаются без боин в самолете. А вот у Арсена (я с первых дней начал звать Арсеном), был первый бой на отлично, до сих пор этот бой помню. И когда тогда они почувствуют на себе вражеский огонь, когда ошущают боль и запах своей крови, когда вдохнут дым горящего самолета, только тогда надвигающуюся опасность они будут не только видеть глазами и ошущать всем телом, всей душой. Как я был уверен до самого последнего боя, что у моего Арсена таких промахов не будет. Думаю, что в последнем бою он был очень внимательным человеком по отношению к своему другу Георгию Цгоеву. Он принял снаряд, предназначенный для другого, а это подтвердили все, кто участвовал в бою, все они говорили, как опекал своих летчиков в бою. Очень жаль, что он не выжил до победы».

Начальник штаба пожелал ему чистого неба и сказал:

- Хорошо, тогда и бери мою машину и воюй. Механик у тебя хороший, человек что надо. А для себя из дивизии перегоню другую.

Начальника штаба прервал радио. Послышались торопливые, возбужденные голоса летчиков. В динамике завывало, затарахтело, и отчетливо раздался голос Алферова: «Бей, лапотников!» - И радио замгло.

Все напряженно ждали. Баскаков пробормотал, кусая губы:

- Что за черт, при чем здесь «лапотники»? Кому это он кричит, неужели он штурмовики бросил?

«Лапотниками» наши летчики окрестили немецких штурмовиков Ю-87. За их неубирающихся шасси похожи на ноги, обутой лапты. Летчики любили иметь дело с «юнкерсами» - уж очень неприятно они горели. Пушки у них были расположены спереди, пулеметом которым управлял стрелок, мог стрелять только вверх. Подбежав к «лапотнику» снизу - и бей в упор. Вспыхивает как спичка. Подожжешь один самолет - вся стая «юнкерсов» рассыпается. Летчики этих самолетов, зная уязвимость своих машин, обычно не допускали упорства в бою.

Радио снова ожило. Из динамика понеслись тревожные команды, предупреждения, моментальные ответы.

- «Мессеры» сверху!

- Брось «фоккера»!

- Рустам, Саил, прикрой! Я ударю по «юнкерсам»...

Было ясно что эскадрилья дерется одновременно с бомбардировщиками и истребителями.

Начальник штаба стукнул кулаком по столу:

- Так и есть! Встретили «юнкерсов» и просились на них, а сами остались без прикрытия.

- Не должно быть, - сказал замполит. - Коль зря в бой не

ввяжется. И ребята с ним опытные, выдержанные.

- Есть один! - азартно сообщало радио. Динамик разразился залпами торопливых команд, тревожных предупреждений и про о помощи. Одна фраза прозвучала просто набатом:

- Глядь-гляди! На нас сыплются «фоккеры» и шестерка «мсеров» навалилась на «горбатых» (горбатые - это наши Ил-2, у кабина, словно горб, возвышается над фюзеляжем).

В воздухе, по-видимому, было жарко. Все напряженно мол ли, вслушиваясь в неразборчивый гомон взволнованных голосов.

Баскаков, бледный, с одеревеневшим лицом, стоял согна шись, прижав ухо к динамику. Это были скверные минуты командира полка и начальника штаба: они боялись, что штурмо ки остались без прикрытия и сделались легкой добычей для враж ких истребителей.

Радио замолкло, и Баскаков выпрямился.

- Кончается, кажется.

И крикнул врачу-полковнику:

- Санитарную машину приготовить!

Молчало радио, все встревоженно переглядывались. Капи снял фуражку, бросил ее на стол и грузно опустился на скамея Но вскоре вскочил и уставился в пустое небо на западе.

- Должны бы уже появиться...

Заложив руки за спину, он проходил вокруг стола.

- Почему комэск ввязался в драку с «лапотниками»? «ИЛы» должны бы уже возвращаться, а их нет. Вот, если посби их?..

И в этот момент на горизонте низко-низко показались ш мовики, над ними маячили истребители.

- Идут! - заорали все хором и принялись торопливо счита один, два, три...

Из воспоминаний механика самолета Берко В.Л.: «Мы, в раны полка, очень придирчиво относились ко всем вновь прио шим. Но этот крепко сложенный, во всем очень строгий и обс тельный младший лейтенант сразу пришелся всем по душе, я и в виду Арсентия Плеткина.

Летал он много и очень здорово. С первых же дней полет понял, что Плеткин - это вихрь, огонь! Врагов он бил с ход любого положения. В бою ходил на предельных скоростях, с мадными перегрузками. Никакой враг не в состоянии был уи него в бою. Мне оставалось только одно: на совесть готовить с лет к предстоящим боям. Летчики в звене быстро научились п мать друг друга и уверенно ходили звеном в любой бой. П первых же боев летчики поняли, что им здорово повезло, - зва

мандует замечательный ас, достойный человек!

Кстати, хочу передать свои данные о работе звена Арсена: за время командования звеном не было сбито ни одной машины, а это указывает и доказывает мастерство командира звена. Ведь бывшие летчики звена Арсена почти все стали командирами звена или командирами эскадрильями, все до единого награждены орденами и медалями.

Да, командовал эскадрильей не только достойный, но и мужественный, благородный человек. Личным примером офицера логично вдохновлял своих летчиков на победы в смертельных боях с коварным и опасным врагом.

Еще раньше, когда служил в 657-м полку, Арсен, выполняя задание командования произвел около ста боевых вылетов, из них двадцать два - на штурмовку войск противника, звено, в котором командовал Арсен, уничтожило пять самолетов и две зенитные точки противников.

В особенно сложной обстановке ему пришлось сражаться в районе Ростова. За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, он был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Да, в 1942 году так то было получить орден! И эта награда за бои, из которых он всегда выходил победителем, за личное мужество, отвагу, за свой талант летчика, командира звена, командира эскадрильи».

...Арсентий, выключив мотор, неподвижно сидел в кабине. - С ним, не ранен ли? -

Подошли к машине. Он откинул назад голову, глаза закрыли, счастливое лицо покраснело - после тяжелого боя, он наслаждался покоем. В такие секунды летчику не хочется ни говорить, ни слушать. И механик самолета, понимая это, не спешил вскочить к крылу и спросить о работе машины.

С видом хорошо потрудившегося человека Арсентий вылез из самолета. Из нижней губы, прокушенной или треснувшей в бою, текла кровь. Не торопясь, он снял с мокрой головы шлемофон вытирая платком лицо и шею, проговорил:

- Мировая драка была! Крепко пришлось подражать, думая, о пропаде. Но главное не в этом...

Он облегченно вздохнул и замолчал, поправляя изрядно пошатанный ржавого цвета реглан.

- Ну, говори, Арсен! - поторопил механик Берко.

- Дай сначала папиросу.

Он хорошо знал, что Плеткин не курит, но сейчас не пошел об этом. Он весь еще был во власти пережитого.

Подошел заместитель начальника штаба Бурмистров.

- Задание выполнено: цель на земле уничтожена, эскадрилья пришла очень слаженно.

Он стал рассказывать о выполнении боевого задания.

Однако к ним форсированным маршем спешит бог огня дыма капитан Яранцев И.А. Всегда спокойный и невозмутимый, он сейчас был явно взволнован. Заговорил еще не дойдя к стоящим:

- Только что получена телеграмма от командующего 40-й армией. Он сам лично видел работу наших штурмовиков и предложил всех участников представить к орденам.

Из воспоминаний близкого друга Георгия Александровича Цгоева, полковника медицинской службы: «Арсентий - человек обаятельный, общительный, добрейший души человек. Характер у него, как говорят, покладистый. Новичку, конечно, не известно, но не поверит, что в бою у этого человека железная воля и мгновенная реакция. Не зря народ говорит, что о душевной силе и красоте нельзя судить по словам и внешнему виду - качества эти проверяются только в делах: стойкость в опасности, мудрость в гневе, дружба в беде. На войне лучший экзаменатор - бой. В нем раскрывается весь человек. Но раскрывается не всегда сразу. Боевое мастерство, как и всякое иное, приобретает длительным и упорным трудом. Мне, как никому другому известно о его человеческих достоинствах. И мне дано все это помнить и не забывать до моих последних дней. И я должен сказать сердечное спасибо, такому человеку, как земляку Арсентию Григорьевичу - страстному краеведу, бессеребреннику Петру Пантелеймоновичу Таллерову, который начал поиск такого человека, как моего лучшего, незабвенного человека как Арсентия Григорьевича. Земной ему поклон!

За то, что сделал он, чтобы вырвать его из безвестия, однако, этим он не успокоился, готовит рассказ о нем, о его подвигах совершенные в те грозные годы войны.

Я приношу свои извинения за то, что не смог своевременно решить эти проблемы, связанные с его смертью, с местом захоронения, сами знаете, была война, после войны служба за границей долгие годы. В России живу всего-то пять лет, и тут мне подвело здоровье: врачи запретили поездки по стране, по местам боев, по сетить могилы однополчан и положить цветы, а как все это исполнить все желания.

Хочется пожелать моему другу Петру Пантелеймоновичу крепкого здоровья на долгие годы, чтобы он смог исполнить все наши мысли, желания выполнить все задуманное вдвоем...»

...К стоящим чуть в стороне летчикам из 2-ой эскадрильи подходит начальник по вооружению ст. лейтенант Фомин Г.С.: «Хитит, братцы! Сейчас в полк звонил командир дивизии и приказал подробно разобрать бой. Сделайте это сейчас, пока есть время. Техническим составом вечером побеседует замполит. Да. Чуть не

л, Обещают из нашей армейской газеты «На страже Родины»
ислать корреспондента. Видно, работой наших штурмовиков из
рой эскадрильи заинтересовались по-настоящему.

Все три недели общего наступления Брянского фронта воз-
зные бои то ярко разгорались, то затухали.

...Вот уже второй день в небе идут большие бои.

Командир полка, ставя задачу на вылет предупредил:

- Прошу смотреть в оба. Фашисты сейчас только зазевавших-
и ловят. Учтите, половина наших самолетов была сбита из-за
внимательности летчиков. Теперь вас, «стариков», осталось около
идцати. Все мы уже стрелянные да перестрелянные. В наш полк
ишла молодежь и мы за нее в ответе.

Молодые летчики, сгрудившись стайкой, внимательно слу-
ли командира. Среди них Александр Лернер, Николай Игошин,
ан Курский и другие. Без молодых как не замечаешь роста своего
евого мастерства, как не замечаешь скорости самолета, летящего
шом. Только в тот момент, глядя на новичков, летчики ощущают
оисшедшие в них перемены, и слово командира об ответственно-
и за молодежь обрели для них реальный смысл.

Тяжелые тучи и проливные дожди прижали авиацию Брянс-
го фронта к земле.

Середина дня. Мягко светило солнце. Летчики второго эскад-
льи собрались в кружок и читали вслух газету. Рядом оружейница
исия Стоянкина набивала патроны в ленту. Недалеко от нее Свет-
на Галикова прямо на траве укладывала парашют и тихо напевала.
Летчики перестали читать, стали слушать:

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли,

Смертный бой гремел, как гроза.

Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,

И вода твоя, как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьет,

Захлебнется он той водой.

Славный день настал, мы идем вперед

И увидимся вновь с тобой...

Песню заглушил рев мотора. С бреющего полета на аэродром
рядом выскочил «Як». Все, словно по команде, вскочили. С сере-
ны летного поля истребитель взмыл кверху, ввинчиваясь в небо.
ана бочка, вторая, третья, четвертая... Звук оборвался. Самолет
руг замер на месте, а потом красиво перевалился через крыло и
тремился вниз. У самой земли он вырвался, снова взмыл вверх,
едал петлю, иммельман, переворот и пошел на посадку.

- Наш комэск! - с восхищением сказал Саша Лернер,

Все завидовали Плеткину. Летал он превосходно. Летчики по-

нимали что эти головокружительные фигуры над аэродромом не спортивный азарт и не красование командира перед подчиненными. Он всегда учил показом. «Летчик без воздушной акробатики не истребитель», - не раз говорил он.

Комэска любили: он для подчиненных был и старшим товарищем, и побратимом, и требовательным командиром, умелым наставником. Он всегда был для подчиненных примером воздушного бойца.

Подрулив на стоянку свой самолет, не вылезая из кабины, снял с головы шлемофон и надел фуражку. Легко спрыгнул с крыла на землю и направился к летчикам своей эскадрильи. Поздоровавшись, он спросил, шуря глаза:

- Значит, без работы скучаете?

- Надоело баклуши бить, - ответил Лернер.

- А мне, думаете, нет? Но ничего, нет худа без добра не бывает. Хоть отоспались за все прошлое. Теперь отдыхать придется наверное, поелс Орла.

Летчики с любопытством насторожились.

- Ну что притихли? Или нет желания перелететь ближе к Орлу?

- Мы можем хоть сейчас, - баском отозвался Леонов В.И.

...Полк летел на новый аэродром. И приступил к боевой работе в новых условиях.

Но пока что праздник ожидался, скромный, хотя для всех и значительный, - полк отметил свою двухлетнюю годовщину. По такому случаю был издан приказ. В нем отмечались большие заслуги личного состава второй эскадрильи в защите Родины.

Из воспоминаний бывшего комэска Лернера: «И каждый из нас понимал, что до большого праздника, до заветной победы над оголтелым врагом еще далеко, что предстоят тяжелые бои, и мы готовились к ним упорно.

Да, хотелось бы вспомнить моего незабвенного командира Арсентия Плеткина, который не дожил до светлого праздника Победы.

Земля. Привыкли смотреть на нее сверху как поле боя, привыкли отыскивать на ней ориентиры для определения своего места в пространстве.

Комэск Плеткин возвратившись из полета, доложил начальнику штаба данные разведки. Майор Баскаков все, что говорил комэск, торопливо нанес на рабочую карту. По карте от Орла и до Курска тянется жирная красная линия - это линия фронта.

Майор Баскаков, задав ему уточняющие вопросы, поспешил на КП. - Выходит, немцы сумели сосредоточить много танков

пехоты? - спросил у Плеткина.

- Да, трудно здесь будет нашим, но все-таки не то, что было сорок первом.

Когда всей эскадрильей уселись на землю с полными тарелками борща, комэск снова заговорил про сорок первый год. В июле и августе гитлеровцы рвались к Киеву. Летчики тогда по несколько дней не выбирались из кабины своих самолетов. То и дело вылетали на штурмовку пехоты и техники врага.

Ничто не вызывает столь бурного счастья и радости, как победа в бою. В возбуждении размахивали руками и дружелюбно перебивая друг друга, летчики делились впечатлениями. В эти минуты все было хорошо. Все вернулись домой. После сурового неба земля каждый раз кажется новой, по-особому желанной, теплой, приветливой. А как легко дышится? Может быть, поэтому в такие минуты каждый видит в товарище только хорошее доброе, не желая замечать сделанные в бою ошибки. Но это быстро проходит. Возбуждение остывает, и наземная жизнь пройдет своим чередом.

- Понимаете, прицелился в упор по «мессеру», - захлебывался Васильев М., - не стреляет, после взлета позабыл включить оружие. Пока возился с пулеметом, вы уже двоих сбили, а остальные - наутек. Мой тоже шархнул. Но я уже очень близко присосался к нему, жалко было бросать мерзавца.

- Зато ты удачно завалил «лапотника», - похвалил комэск.

Под вечер для летчиков война как бы кончилась. Здесь, на новом аэродроме Дегтярска, летчики чувствовали себя совсем по-домашнему. Боевой день позади. Нервы, мысли - все отдыhalo. Даже самолеты, словно понимая настроение хозяев, стояли присмирившие, ни одним «вздохом» не выдавая своего присутствия.

Возвращаясь от командира полка, которому докладывали о результатах разведки, он увидел Берко В.П. - механика своего самолета. Сильной струей воды Василий с носа до хвоста окатывал самолет, мыл его мочалкой, снова окатывал водой, потом до лоска протирал ветошью.

- Купаешь, спросил он у своего механика.

- А как же, чистота - залог здоровья. Машина всегда должна быть в форме.

Летчики собрались на КП и усевшись за длинным столом, сколоченным из сырых, пахнущих еще смолой досок, внимательно осмотрели новую землянку.

На аэродромах командные пункты строились обычно небольшими. Рыли прямо угольный котлован, перегораживали на две части, стены обкладывали досками или бревнами, сверху накатывали толстый кругляк и засыпали землей - и землянка из двух комнат

готова. Этот же КП был больше обычного. Начальник штаба майор Баскаков сказал:

- Для нашего полка на аэродроме никаких хоромов больше нет, а дело близится к осени, поэтому сделали такой большой КП. Здесь будем работать, столоваться и отдыхать днем.

В землянке стояла духота. Майор Баскаков стал говорить собравшимся летчикам:

- Есть очень важная новость. Полк с завтрашнего дня начинает работать по прикрытию наземный войск южнее Орла.

Это известие молодые летчики встретили безразличным молчанием, а «старики» одобрительно.

- Вот ознакомьтесь с обстановкой южнее Орла, - снова заговорил начальник штаба. - Нанесите линию фронта на свои полетные карты. Они стали разглядывать штабную карту. В землянке установилась тишина. Через минуту посыпались вопросы, зашелестели карты, вынимаемые из планшетов. Баскаков, дав указание о полетах на завтрашний день, заметил:

- Вы давно хотели такой работы. Ну, как теперь довольны? Обмозгуйте только, как лучше поставить дело, чтобы не осрамиться в дивизии. А завтра окончательно обсудим все. Учтите главное: какие бы условия боя не сложились, на позиции наземных войск не должна упасть ни одна вражеская бомба.

Из воспоминаний бывшего адъютанта начальника штаба полка: «В воздухе разгорелись такие бои, что порой от бушующего огня и множества самолетов меркло солнце. С утра на патрулировании обычно вылетали по графику, но уже через часа два-три график нарушался. И поднимались навстречу врагу, как правило, по готовности машин к полету, уставали от такой круговерти.

Только что возвратился на землю под номером двенадцать. Около самолетов хлопочут техники, оружейники, готовя их к новому полету. Солнце припекает, словно летом, безветрие. После тесных кабин мышцы просят разминки.

Кончился рабочий день. Эскадрилья только что возвратилась с задания, при штурмовке фашистских войск был пробит самолет Лернера. Летчики огорчены неудачей.

- На кой черт тебе понадобилось выразить так низко? - упрямкнул его Плеткин. - Неужели ты не видел, как зенитки шпарили? Разве можно в таких случаях задерживаться у земли в одном положении? Атакнул - и сразу же наверх. Ты же вздумал выразить нас самими батареями.

- Хотел получше разглядеть, где стоят и подавить, - виновато сказал Саша, нервно теребя в руках шлемофон.

- Когда зенитки стреляют из-за леса, их нужно высматривать

сверху по вспышкам и трассам. Наверху у тебя большой обзор и свобода маневра. Как увидишь, откуда они стреляют, пикируй и атакой им глотки. А если, находясь у земли, ты и заметишь, где они стоят, то пока набираешь высоту для атаки, можно потерять их позиции.

Подошел старший техник эскадрильи Леонов и, чтобы не отвлекать летчиков от разговора полусшепотом сообщил:

- Начальник штаба просил не задерживаться. Сегодня на ужине командир дивизии будет вручать ордена второй эскадрилье. Хотя говорил он тихо, а слышали все. Настроение разом изменилось, было уже не до разбора вылета. Все пошли на КП, где их ждала машина.

Позади главного стола, за которым разместилось командование дивизии и полка, во всю стену красное полотнище с надписью: «Слава летчикам второй эскадрильи!»

Вручение наград - большой личный и коллективный праздник. Они давно вросли в войну, и воздушные бои были для них так же будничны, как труд рабочего человека. Летчики, как все трудовые люди, радовались успехам и печалились при неудачах, гордились, если их награждали, и обижались, когда незаслуженно обходили.

О второй эскадрилье 825 ШАП надо сказать отдельно несколько слов. Повезло ему на комэсков: с начала войны почти все командиры стали Героями Советского Союза, кроме Плеткина А. и Тошилова П.

Здесь надо сказать о них справедливо: на них были подготовлены представления на это высокое звание по какому-то недоразумению эти документы не оказались в штабе дивизии. Можно только сейчас признаться, тут что-то нечисто, это случилось после смерти боих. Есть предположение, что здесь замещана жена. Что теперь судить-рядить, - это все только остается предположением.

Следующее, что еще надо отметить особую черту летчиков второй эскадрильи: «Сам погибай - а товарища выручай».

Первым командир дивизии полковник Обухов вручил ст. лейтенанту, комэску Плеткину Арсентию, затем комдив подошел к Алексею Брагину Виктору Москвичеву, капитану Вальковичу и др. Затем были вручены ордена и медали техническому составу. Вся вторая эскадрилья изо всей силы крикнула «Ура» в честь любимого командира, тепло поздравили со вторым орденом Боевого Красного знамени.

Во втором наградном листе есть такие лаконичные строки: За прошедший период он пролетал на штурмовике, стал перво-классным мастером вождения самолета, бесстрашным в бою. Умело

выходил из самых затруднительных положений. Семь раз Ил-2 Плеткина получал тяжелые повреждения, но пилот неизменно привозил израненную машину на аэродром».

В 1943 году Совинформбюро сообщало о налете группы наших самолетов на вражеский аэродром в Орле хорошо прикрытый огневой зенитной артиллерией и истребителями. Прорвав мощный заслон штурмовики, в том числе вторая эскадрилья, снижались к самым ангарам и посадочным полосам, метко расстреливали немецкие машины. Плеткин со своими летчиками в этом налете сожгли на земле 12 самолетов и столько же повредили.

Вечерело. Над аэродромом плыли низкие облака. Под маскировочными деревьями стоят притаившие самолеты. Из-за непогоды второй день летчики без работы. В ожидании отъезда на ужин летчики эскадрильи лежат на зеленой траве, рассказывают разные байки из своей жизни. Только запах пороховой гари напоминает о том, что битва не стихает».

В упорных, ожесточенных боях, взломав оборону противника, наши части подошли к Орлу. Чтобы сдержать натиск советских армий, немецкое командование стало перебрасывать подкрепления. Воспрепятствовать этому маневру лучше всего авиации, но прижатые к земле облаками, мало чем могли помочь наступающим войскам.

Из воспоминаний бывшего механика самолета В.П. Берк «Вдруг в образовавшийся просвет прорываются лучи солнца:

- О-о, замаячила погода! - обрадовался Саша Лернер, к этому времени назначенный в должность командира звена.

- Да, дым идет кверху, - показал Суханов на дымок, ниткой вьющийся над землянкой командного пункта полка, - значит завтра будет ясно.

- Хорошо, если бы твое пророчество сбылось, - заметил комэск. - А то все только ахаем, что не летаем. Об этом наземным войскам пользы ни на грош.

5 августа 1943 г. Аэродром Стальной Конь под Орлом. В этом новом аэродроме обосновался 825-й ШАП (штурмовой авиационный полк). С этого аэродрома поднялась вторая эскадрилья Плеткина.

...Группа без комэска возвратилась домой. Победа омрачена напряженным ожиданием смотрят в сторону Орла. У летчиков еще чутье выработанное в совместных полетах. Никто не видел, куда девался комэск. Но все были убеждены, что человек, который уничтожил вместе с эскадрильей 23 вражеских самолета, участвовал в одной сотне вооруженных боев, хорошо изучил все повадки фашистских летчиков, водоворот войны не мог так незаметно унести из жизни.

- Зря он начал атаковать «юнкерсов» в одиночку, - говорит И. Цгоев. Он переживает сильнее всех: не вернулся его комэск и самый близкий друг.

Снова тишина и напряженное, тягостное ожидание. Отчетливо слышатся шаги командира полка, подходящего к летчикам. Узнав, что нет Плеткина, он упрекает:

- Такого человека не уберечь! И даже не знаете, что вы не уберегли будущего Героя.

Баскаков, словно захлебнувшись от негодования, смолк и тоже, как все, впился глазами в небо.

Летчики и технари собираются, а тишина стоит гнетущая, тяжелая.

Не вернулся с боевого задания...

Однако по истечении многого времени была восстановлена картина того боя: в круговерти самой драки (это надо назвать так, а никак иначе) самолет Плеткина был атакован шестью «мессерами». Выбрав удобный момент. Стрелок поймал в прицел одного немецкого «мессера» и сбил, однако силы были слишком неравны, прямым попаданием, точнее сказать, роковое попадание решило судьбу экипажа.

Никто даже не предполагал, что такое может случиться, вся эскадрилья винила в смерти комэска...

В записной книжке нашли такую запись: «Меня воспитала Ленинский комсомол и Коммунистическая партия, я всегда был предан своему народу. Вот в чем я черпал силы. Находил всегда помощь и поддержку.» Крестьянский сын, он отдавал ему в тяжелую военную годину все свои силы и знания, всю пламень своего горячего сердца, до конца остался верным словам присяги.

Давно отгремели залпы Великой Отечественной войны. Канули в прошлое, стали достоянием истории суровые дни военного шехольства. Ни никогда не забудут земляки отважного летчика, никогда не забудут этого и те однополчане, которые воевали вместе с ним.

Прошли десятки лет. Я был приглашен ветеранами полка, где звал Арсентий Плеткин, на одну из встреч, которая состоялась в городе Ростове на Дону.

Мы сидели в тени ветвистых тополей на берегу Дона и ветераны вспоминали былое, схватки в воздушных боях.

Вдали минувших десятилетий померкли кровавые сполохи войны. Но не меркнет слава всенародного подвига. Ярко высвечивается и величие подвига, совершенного нашим земляком - летчиком Арсением Плеткиным.

Не раз я был приглашен ветеранами полка на встречи одно-

полчан и каждый раз я ездил на это незабываемые встречи, где каждый раз узнавал новые подробности из боевой жизни нашего земляка.

Встречаясь с его однополчанами, я собирал материал для будущей книги, как это получилось судить будут живые однополчане А.Плеткина.

Сердечно благодарю моих друзей - однополчан моего земляка, генерал-майора в отставке Обухова А.И., Героев Советского Союза В.Москвичева, А.Брагина В.Вальковича, майоров в отставке Бурмистрова В., Баскакова С., Лернера А. Цгоева А. за оказанную мне помощь в подготовке материалов для написания рассказа. Благодарю и всех участников встречи в Ростове и Риге - за их рассказы о себе и за добрые воспоминания о моем земляке.

Особую благодарность и признательность выражаю моему большому другу - бывшему механику самолета Плеткина А. бывшему сержанту В.П.Берко за непосредственную помощь в работе над рукописью.

ОТВАЖНЫЙ ЛЕТЧИК

Глава 1

Шербустанов Филипп Александрович родился в 1916 году в деревне Нюргечи. Окончил Нюргечинскую начальную школы.

После свержения царя, жизнь в деревне жили как везде в России. Из разрухи, из отсталости усилиями вырвалась молодая страна Советов на широкий простор будущего.

В стране бурно развивалась промышленность, создавались колхозы, крепила свои Вооруженные силы, создавала отечественную авиацию.

Он всегда слышал от отца:

- Наше счастье сынок наше будущее зависит только от нас самих. Надо учиться и работать, только глубокие знания и труд приведут к намеченной цели.

В те годы в стране было очень популярным лозунг: «От модели к планеру, от планера - на самолет».

В октябре 1937 года был призван на действительную службу и направлен в школу авиационных специалистов. Способного парня переводят в отделение военных летчиков.

После окончания школы был направлен для дальнейшего прохождения службы в авиационную часть, которая дислоцировалась в районе города Львова.

В 1941 году он побывал в отпуске в родной деревне. По словам жителей деревни по нему сохли самые красивые девушки, однако, он все отшучивался, что будет жениться в следующий отпуск.

...И-153 («Чайка»). На этой машине он начинал войну. Для того времени. Чья молодость пришлось на середину тридцатых годов, они были можно сказать эталоном авиационной техники. Еще их впервые поднял в воздух Валерий Чкалов, они прекрасно рекомендовали себя в Испании и на Халхин-Голе. Да и сказать по правде, не так много у нас в то время было машин лучше, чем И-16. Этот самолет пользовался среди советских летчиков особой любовью. «ишачок» - ласково называли его авиаторы. Маленький, верт-

кий, с прекрасным горизонтальным маневром и сильным пулеметно-пушечным вооружением, он был способен нести еще одно грозное оружие - реактивные снаряды.

Но уже первые недели войны показали что у этих самолетов были существенные недостатки: обшивка сделана из фанеры, следствием чего являлась легкая воспламеняемость и недостаточная бронезащита, открытая кабина - недостаток, особенно заметно во время дождя, снегопада, во время полетов над морем и в северных районах, и целый ряд других.

И как же им, фронтовым летчикам, обидно было слушать теперь необъективные, пренебрежительные слова об этом истребителе. Ведь это неуважение не только к отличной для своего времени машине, но и к сражавшимся на ней летчикам. Ведь именно на И-16 они в первые месяцы войны вогнали в землю не одну сотню фашистских самолетов, которые по многим параметрам превосходили нашего «ишачка». Нельзя забывать что на войне многое решается не просто техника, а в первую очередь вера в справедливость, правоту своего дела, мастерство и мужество.

Группа в составе которой учился Филипп, стал осваивать И-16 во фронтовых условиях.

...Солнце вышло из-за горизонта и начало подниматься к полдну. Над городом плыло марево, но никто из летчиков в это время не знал и не предполагал, что будет боевая тревога, что многие из них в боях за Отчизну погибнут смертью храбрых на земле или сгорят в воздухе, так и не дождавшись отбоя тревоги, объявленного под утро 22 июня 1941 года...

Принимая эскадрилью, знакомясь с ее личным составом, боеспособностью, командира И.Е.Егоров, капитана, участника боя в небе Испании, с двумя орденами Боевого Знамени на груди, многие молодые летчики принимают холодно, замкнуто: мол, ты следи «варяга». В его сердце закрадывалась досада, чувство незащищенной обиды. Хотя нетрудно было понять его подчиненных. Многие из них имели боевой опыт и все основания для повышения в службе, к тому же некоторые были одну-две ступени старше его званию.

В штабе полка молодые летчики были распределены по эскадрильям. Шербустанов, Егоров Тимофеев попали в первую эскадрилью, где командиром был Чернов И.В.

Эскадрилья летчиков оказалась больше чем по штату, самолетов было мало, потому ввод в строй молодежи затягивался. Надо было проверить технику пилотирования каждого, сделать несколько летов на групповую слетанность и боевое применение...

Вечером в землянке собрались руководящий состав эскадрильи.

Фрагмент боя

льи и командиры звеньев, чтобы поближе познакомиться друг с другом, выяснить степень готовности к выполнению боевой задачи.

Беседы показала. Что летная выучка и боеспособность звеньев находится на хорошем уровне, а вот тактику авиации и средств ПВО противника все знают поверхностно. Командир полка высказал свои соображения по этому поводу, он поставил задачу заместителю по летной части и адъютанту: организовать изучение этих вопросов и каждый боевой и учебно-боевой вылет тщательно готовить. Инженеру эскадрильи был отдан приказ - срочно, за ночь, поставить на все самолеты рацию, в течение трех суток летчикам хорошо изучить рацию, особенно ее настройку и использование на земле и в воздухе.

...Погода с утра стояла теплая, малооблачная с хорошей видимостью. В воздухе, поблескивая на сол-

це, бесчисленное множество паутины. Бабье лето в полном разгаре. На землянке, где сидели летчики, подошел командир эскадрильи и капитан Чернов И. Все летчики и командиры звеньев, как по команде, встали.

- Садитесь, товарищи! - сказал капитан и движением руки указал на скамейки, стоящие около землянки.

Все сели. Наступила тишина. Все ожидали, что скажет командир. Наверняка, есть боевое задание. Комэск подошел к столу, сел на лавочку и, раскрывая планшет, спокойно, проговорил:

- Товарищи! Командир полка приказал нам в полном составе произвести разведку вражеских переправ через Южный Буг. Нужно уточнить, какие переправы действуют. Звено на задание поведет сам. Слева ведомым пойдет Шербустанов, справа поведет сержант Михайлов.

- Есть, товарищ капитан! - обрадованно отчеканили вместе с сержантом.

Капитан Чернов продолжал:

- Вылет в девять ноль-ноль. Над аэродромом делаем круг с

И-153

набором высоты, затем ложимся на расчетный курс. Все замеченно в полете запоминать. А вам, товарищ Шербустанов, надо будет особенно внимательно смотреть за воздухом и не забывать про ориентировку, - напомнил комэск.

Ровно в 9.00 часов звено комэска Чернова было уже в воздухе.

Шербустанов точно выдерживал свое место в строю, внимательно следил за воздухом. Солнце было на востоке, поэтому надо было уделять особое внимание заданной полусфере, чтобы не быть внезапно атакованным противником.

Вскоре Филипп почувствовал, что волнение, которое он испытывал перед полетом, как-то само собой исчезло. Впереди в направлении по курсу полета показалась блестящая на солнце узкая лента реки. Приближаясь, река становилась все шире и шире. Там - линия фронта.

Вот хорошо виден с 1500 м высоты характерный изгиб реки - первый поворотный пункт. В это время комэск качнул самолет левом крыле и начал разворачиваться на второй отрезок маршрута. Картушка компаса с оцифровкой поползла по кругу и остановилась на курсе 260 градусов. Впереди слева появились два встречных самолета. «Неужели вражеские?» - подумал Филипп.

Да, это были «мессершмиты». Капитан Чернов их тоже выжидая и качнув крылом, энергично ввел самолет в глубокий вираж, чтобы зайти в хвост «мессерам». Но фашисты тоже оказались в вираже и набором высоты пытались зайти сзади к звену капитана. Шербустанов словно прилип к самолету ведущего: не отставал и не сбавлялся. Перегрузка росла. Комэск все сильнее и сильнее закрутил самолет в вираже, сближаясь с «мессерами». Фашистские летчики поняли, что в хвост звену И-16 им не зайти - так крут был вираж - и полуповоротом ушли вниз. Капитан Чернов после виража «мессерами» снова встал на прежний курс.

«Так вот они какие, эти самые «мессеры», - подумал Филипп».

хорошо запомнил тонкий силуэт «мессера» с чересчур маленьким, как ему показалось, хвостовым оперением и большими черными крестами с белой каймой, но словно обрубленных по концам крыльях, вынесенных близко к мотору.

Вдруг неожиданно вокруг самолета засверкали огненные пышки, появилось множество разноцветных дымовых шапок. Самолет Шербустанова резко бросило вниз и в сторону. Он понял, что их обстреливают вражеские зенитки.

Шербустанов вновь пристроился к ведущему и, повторяя провозглашенный маневр пошел к намеченной цели. Через некоторое время зенитки перестали бить, обстрел совсем прекратился. Филипп чувствовал некоторую усталость. Да, неприятная эта штука - битка. Не знаешь, когда и какой снаряд угодит. Но постепенно успокоился. Посмотрел вниз, на реке увидел узкую ленту, соединяющую его берега. Переправа? Вот почему вражеские зенитки с таким упорством били по ним...

После посадки на своем аэродроме Филипп, отрулив на столбе, выключил мотор и, откинув голову на бронеспинку сиденья, глубоко вздохнул. Он прикрыл глаза и мысленно вообразил свой полет: от взлета до посадки не сплеховал ли где. Не подвел ли товарищей в бою? Он впервые встретился с «мессерами» и не знал, как вел себя командира, испытал на себе разрывы зенитных снарядов и пролетел по опасным трассам. Нет, все вроде сделал правильно, без суеты и лишней спешки. Он сегодня стал фронтовым летчиком, совершил свой первый боевой вылет.

Привычным движением отстегнул привязные ремни и быстро выбрался из кабины на землю, сбросил с себя парашют.

Механик самолета уже стоял у самолета, первым обнял его и поздравил с возвращением, пожелал как можно крепче бить врага.

Глава 2

Город он увидел из иллюминатора и не узнал. Руины вместо домов, обгорелые деревья одиноко торчащие на развалинах заводских труб, серые беззвучные столбы взрывов, встающие то там, то там. Ему объяснили: немцы заминировали при отходе все, что могли, сожженные кровати сохранившиеся печи в домах, рухлядь, старую горку в сарае.

Он учился в городе, в школе пилотов и очень любил этот тихий, уютный город. Увидев город сейчас, особенно эти серые, дымящиеся взрывы, впервые обжигающе остро понял, что такое фашизм. Ненависть к врагу закипела в груди, погасив все опасения,

Разбор полета

сомнения - справится! Теперь он почувствовал себя сильным, вынесет все.

...Полк базировался по городом с февраля сорок первого года. Задачей полка было: во время бомбардировочных налетов противника прикрывать горю и также подходящие к участку железнодорожных веток и мостов через реку по которым непрерывно шли эшелоны.

Взлетная полоса была рядом с военным заводом, часто взмывали на серебристых, «ястребках» курсанты школы пилотов.

Вихрем пронеслось все это в голове Филиппа, когда он встал на землю.

Осмотрелся вокруг. Сразу бросились в глаза два красавца «И-16», стоящие на старте. Алые звезды сияли в лучах солнца, и даже здесь, на земле, «ишачки» казались стремительными. В кабинах увидел лица в шлемофонах. Летчики настороженно следили за небом. Он тоже поднял глаза и сразу заметил взрывающуюся зеленую ракету. В ту же минуту оба «яка», как две блестящие стрелы, ушли в небо. Техники в синих комбинезонах быстро убрали колодки, инструменты, а к взлетно-посадочной полосе вырубивала очередная пара «И-16», чтобы застыть в первой боевой готовности.

Лукаво играя яркими глазами, высокий и статный, с пышной красной копной русых волос, летчик дружелюбно смотрел на него.

- Разрешите представиться, товарищ лейтенант. Техник в первой эскадрильи сержант...

Эти минуты он не забудет никогда. Перед ним стояла сложная задача: в тяжелейших условиях военных действий стать душой и поддержкой, примером для каждого юного летчика, механика, санейника, связиста, стать настоящим другом, стойким способным мудрым и чутким товарищем.

- Ловко они пошли, правда? - улыбнулся Василий. Тревога замерло сердце, когда увидел совсем недалеко от взлетной площадки режущие знаки: «Осторожно, мины!»

Спускался вечер. Беседуя, шли по самолетной стоянке второй эскадрильи, командир полка. Часть истребителей заруливала на взлет в конониры. Технари, подстриженные накоротко, хлопотали у машин. Лица у них были очень усталые.

Он направился к серому полуразбитому зданию, видимо

шему заводууправлению, в котором расположилось общежитие.

Тоненький дневальный лихо козырнул и улыбнулся приветливо:

- С прибытием, товарищ лейтенант. Дверь слева к лестницы - в вашу комнату.

Лестница и не лестница вовсе: четыре широкие доски оперты на перекрытие второго этажа, скреплены поперечинами. Вместо пола - слой свежего песка. Стоит большущая бочка с водой.

- Вода чистая, питьевая, - охотно объяснил дневальный.

На войне - как на войне. Он приоткрыл плохо пригнанную фанерную дверь и вошел к свое новое жилье. Видимо здесь был умывальник: узенький топчан едва помещается ядом с тумбочкой. На тумбочке коптилка - стреляная гильза, сжатая сверху, фитиль торчит судорожным комочком. В комнатке пахнет бензином, за мутным окном громоздятся покореженные бетонные балки, вывороченный взрывом фундамент бывшего цеха. Филипп задумался на минутку. Вспомнился дом родной мать... Поставил в угол маленький чемодан и вышел.

Под лестницей висела стенгазета. ОН глазами быстро пробежал ее. Заметки были неконкретные, совсем без критики рисунков мало.

- Эскадрилья! На ужин становись! - На ужин становись! - звонкий голос дневального произнес слово «ужин» так аппетитно, что у Филиппа засосало под ложечкой - он и забыл, что целый день ничегошеньки не ел.

Столовая - серое наспех сколоченное здание, словно нахмурилась, стояло на отшибе за полуразрушенной узкоколейкой. Неуютно было в столовой. Тусклые алюминиевые тарелки на столах, вместо кружек - банки из-под консервов.

Ужин был невкусный.

Перед тем, как лечь спать, он написал коротенькое письмо: Маша, не волнуйся - у меня в порядке. Завтра решающий, очень решающий день - приступаю к подготовке к полетам. На днях напишу письмо длинное-длинное...»

Когда вышел, чтобы опустить письмо в ящик полевой почты, ахнул от неожиданности: хлынул на него весенний воздух. Дурманяще пахли пробудившаяся земля и какие-то неведомые первые цветы. Небо - темное, синее, в ярких мерцающих звездах: не было природе до войны дела...

Глава 3

Враг после поражения под Киевом готовился взять реванш. Почти беспрерывно, одно за другим, устремились крупные вражес-

Останки
вражеского
самолета

кие воздушные соединения и на вверенные под защиту полка. Летчики постоянно патрулировали железные артерии фронта с танками, бойцами орудиями, боеприпасами, прикрывали наземные войска, штурмовали огневые позиции противника, то и дело вступали в небе в жестокие схватки с опытейшим врагом.

И было очень важно, что аэродром встретил героев дружной слаженной, строго организованной жизнью, в которой бился пульс родной страны. Учеба - военная и политическая. Информация обо всем, что происходит на фронтах и в тылу. Душевное тепло и поддержка такие, как если бы это было в семье. Еда в достаточном количестве, чистая постель, наконец, полевые цветы на тумбочке, банке, да и многое другое. Цветы в то лето росли по всей границе аэродрома: синие, белые, розовые лиловые - разноцветная грядочка колышущаяся от ветра. Их аромат вселял в сердце легкую, едва различимую тревогу. Она странно не соответствовала напряжению в котором жили люди, и все же не заметить ее было трудно.

...Перед обедом выдалось относительное затишье.

Филипп стоял возле старта. Только что получили шифровку от том что в полк на днях прибудет пополнение - пять новых летчиков.

Время близилось к полудню: для дежурящих на старте экипажей к дощатой комнатке привезли обед.

В боевой готовности на старте самолеты Брагина и Самохвалова. Лица у летчиков строгие, какие бывают, когда ждут летчик сжимая штурвал, сигнала ракеты - «воздух».

Тишина повисла вдруг над аэродромом - и так же быстро кончилась: на старт выруливал истребитель майора Потапова Иванна, Филипп понял что зам.командира полка дал радио сигнал Громову - «взлет», потому что зеленый огонек ракеты, блеклый лучах солнца, беспомощно поник в воздухе, когда оба истребителя уже стремительно набирали высоту. И снова, как всякий раз

ремя такого вот мгновенного взлета навстречу врагу, отсчитывало отдельные секунды громкими ударами.

На КП штурман полка капитан Терехов сообщил отрывисто:

- Бой будет, враг обнаружен - И немного погодя: - Они встретились, идет бой.

Весь личный состав полка, замерев, слушает команды с КП. Кто сказал, что время идет одинаково? Видно, человек, который знает войны. В небе идет смертельный бой. Минуты, словно тягучий расплавленный металл, прожигают мозг, кажутся бесконечной ленткой. Филипп понимает, что труднее всех сейчас техникам сражающихся самолетов. На эти двух мальчиках - двойное напряжение: своего за товарищей, своих командиров, - и ответственность. Ведь они сражались сейчас, ибо их руками пригнан, проверен, смазан каждый винтик боевой машины...

И когда наконец из облаков вырывается и идет к посадочной полосе зеленая красноезвездная птица, громкое «ура» разрывает напряженную тишину, смешивается с гулом мотора.

Летчики несутся в вихре пыли и песка, поднятых с грунтовыми дорожками пропеллером и все бегут к изрешеченной пулями боевой машине. Командир уже стоит у крыла. Снимая краги улыбается радостно, скупно - по-мужски.

- Ну? - глядит на него летчик Иванов.

- Четыре... Один «юнкерс» и три «фоккевульфа»...

- Что - четыре?

- Да сбили, мы четырех фашистов!

Потапов стаскивает с взмокшей головы шлемофон.

- Где Самохвалов? - Он с тревогой смотрит в небо, в яркие просветы среди белой июньской кутерьмы облаков.

- А вот идет. - И действительно все ближе, ближе ровный, новитый гул моторов - за Лешу не беспокойтесь, дрался он как всегда - под стать летчику-асу, хватка у него - истребительская.

Вечером шел теоретический разбор боя. Все летчики и политруки полка заново переживали воздушную схватку.

...Майор Потапов первым увидел Ю-88. Вражеский бомбардировщик шел очень высоко, тысячах на семи, и преимущество в высоте все же было у нас - метров семьсот. Атаковали, Ю-88, не боясь на вызов, пытался уйти. Снова атака. Вспыхнул правый мотор «юнкерса», он нырнул в облака, пытаясь скрыться. Но Братин, пронизав облака, нагнал врага третьей атакой. И тут Потапов начал дел над его самолетом алюминиевую ленту трассирующих пуль: против «ястребков» заходил для новой атаки «Ф-190». Молниеносная команда командира: в самое сердце вражеской машины вошли две снарядные очереди; почти вертикально, распуская шлейф дыма,

пошел к земле вслед за «юнкерсами» и «фоккер».

Из облаков вывернулись еще две «фоккевульфы». Потапов атаковал. Но истощился боекомплект - замолчали им пулемет, и пушка... Облака... «Надо уходить в облака, дать поискать себя, - подумал майор. Когда, пикируя, он вырвался из облаков, один из вражеских самолетов пошел прямо в лоб «ишачка». «Резко вверх», тихо приговаривал Филипп, выводя безотказную, слившуюся с ним машину. «Вот так! И порядок» - Тот, что преследовал его, и тот, то заходил в лоб, столкнулись. Огромным столбом огня и дыма падали они на землю, которую так жаждали завоевать...

Вот какой это был день. Еле успокоился на аэродроме и пошел к самолету...

Глава 4

О технарях, как ласково называли в полку авиационных техников, командир полка думал часто. Физическая нагрузка и моральная ответственность на них лежат огромные. И замполит вместе со всем политическим составом полка старались чутким отношением, заботой облегчить их тяжелый труд. Обеспечили всех удобным обмундированием: ушить, обменять, чтобы удобно работалось да приятно было хотя и мужчины.

Комэск пришел к техникам минут за сорок до отбоя. В комнате чисто, большинство топчанов заправлено, несколько солдат улеглись, вытянулись устало. Некоторые сидели за столом вокруг копилки. Федя Васильев писал письмо, и лицо его было озарено тихой радостью: так пишут письма домой с войны, когда нормально иде служба, когда не коснулась смерть друга, командира - того, кто рядом. Федя был далеко мыслями, даже не слышал как вошел комэск.

- Не помешал я, мальчики?

- Конечно нет, товарищ комэск. Садитесь, расскажите нам что-нибудь о своей жизни.

Надо было поговорить со всеми техниками об их огромной роли в полку. Тут налицо комплекс: «Летчики - это да. Они подвиги совершают. а мы, мазюки, возимся целый день и ночь с мотором да дыры в крыльях латаем. Хотя, конечно, летчикам без нас не обойтись». Комэск уже не раз слышал такое. Что ж, надо работать.

Разговор шел обо всем, но комэск остался довольным.

Заглянул дневальный в дверь, изобразил лицом какой-то смущенно-настойчивый знак. Он полян: отбой, пора спать.

Комэск сидит, склонив усталую голову над сообщением СС винформбюро. Снова ночь. Коротким - всего три-пять часов - сна

былся аэродром. Лишь застыли в боевой готовности на старте дурные истребители: зорко следят за небом глаза дежурных.

Враг сосредоточил ударные группировки в многотысячном составе техники и живой силе.

Полку поручено прикрывать переброску наземных войск Степно фронта по железным, шоссейным и грунтовым дорогам. Каждый день вылетают летчики и на сопровождение особо важных самолетов, идущих к линии фронта. По пять, а то и больше вылетов в день делают летчики. Каждый боевой вылет - напряжение всех сил. Когда самолет садится на аэродром, лицо летчиков кажется вконец измученным. А неугомонные техники с неизменными своими, охваченными, как драгоценность, инструментальными сумками, кинувшись к самолету. Заправляют бензином баки, перехватывая друг у друга БЗ, дотошно осматривают каждую деталь в машине. Катят, катившись в три погибели, баллон со сжатым воздухом - под семьдесят килограммов в нем! Быстро пополняется боевой комплект, и это и не просто: пушка, например, сорок пять килограммов весит...

Вслед за вооруженцами радисты гортанными голосами - «Как слышите? Как слышите меня?» - проверяют связь. И вот уже снова в воздухе ракета, словно и не было смертельной усталости, летит - за штурвалом.

Трудно солдатам. К напряжению физических сил примешивается у многих и душевная боль: потеря близких, отсутствие известия об оставшихся в оккупации. И наряду со многими боевыми обязанностями не менее важным считает комэск внимание к душевному состоянию однополчан - готовность сразу прийти на помощь, когда это требуется. Очень помогают агитаторы в минуты передышки перед вылетами. Есть общая, страшная беда, и только пережив эту беду с плеч народа русского - разгромив фашизм в его родине, - можно будет пожаловаться и на личное горе...

Глава 5

Комэск зашел в землянку. На топчане лежал Михаил Ямщик в открытых, устремленных в потолок глазах застыла мысль. «Я уже не могу, у меня кончились силы. Взгляд был так выразителен, что Филиппу показалось на миг, будто эта фраза звучит в тишине, повисла под потолком, отрываются, падают вниз слова: «Я не могу, не могу...»

Ему захотелось подойти к Михаилу, схватить его за плечи, притянуть к себе, говорить, говорить хорошие слова, но понимал - не мог.

- Почему ты валяешься в постели, Михаил? - строго спросил он.

- Не могу...

- Можешь, ты все можешь. Все говорят, что ты - можешь! Судорога пробежала по лицу Миши.

- Застегни воротник, надень ремень, подтянись.

И Миша поднялся. Медленно застегнул воротничок, аккуратно расправил под ремнем гимнастерку.

- Я готов, товарищ, комэск.

Они вышли из землянки и пошли по краю рощицы. Долго говорили о том, что случилось в воздухе и оба пришли к одному выводу: надо пересилить себя и взяться за дело уверенно, что и не было того случая в том бою. К слову сказать, в этом бою Миша потерял себя на момент, и по той причине был сбит его друг Николай Леонов, командир второго звена второй эскадрильи.

На вечерней проверке, когда о работе звена за день докладывал уже не Коля Леонов, а он, комэск видел, как до боли сжались кулаки летчики, как потемнели от боли и ненависти их глаза, но страха в глазах не было.

И тогда комэск сказал: «Своей смертью Николай завещал нам жизнь. Почти неуправляемый самолет он из последних сил направил на вражеский состав».

Филипп вышел из землянки, прошел мимо часового ткнув его за плечо, окунулся в предрассветную синеву. И тут вдалеке, на фоне едва светящегося неба увидел раненую березку.

Он подошел к дереву, прижался к нему воспаленным лбом. Береза была прохладная, чуть влажная от ночного тумана, ветви шептали что-то знакомое, родное, успокаивающее душу.

Долго стоял так Филипп и, казалось, как по раненому стволу поднимается, заживляя его молодой сок, родившийся глубоко в самом сердце непокоренной, бессмертной русской земли.

В оборонительном сражении, которое в прах развеяло наступательные планы гитлеровцев, огромная роль принадлежала советской авиации. Уже на исходе третьего дня оборонительных боев стало ясно: господство в воздухе немцы потеряли, и потеряли навсегда.

Контрнаступление Красной Армии поддерживали с неба четыре тысячи триста краснозвездных самолетов!

Силы, казалось, напряжены до предела. Но комэск знал: потребуется больше - сможем. Всего тяжелее переносить потери.

...И снова бой в раскаленном небе. Радио приглушенно донесло на КП одерживаемую ярость слов «за Лешку, за Ваню!»

И снова, мысленно кляня свою аэродромную службу, всматривались технари в расплавленную синеву над головами.

Наконец чей-то возглас - словно вздох облегчения: «Иду-у-у»
Пара за парой приземляются «И-16».

- Нет комэска!

Томительно, как часы, тянутся минуты. Нескончаемые, тая-не смерть, они гулко отбиваются стуком сердец. Где же комэск?

И вот - точка над кромкой высоких облаков. Она быстро еличивается, приближается уже видны очертания самолета...

Ведомый, лихо приземляется, быстро выпрыгивает на до-жку, бежит к командиру.

- Докладываю, - голос прерывается. - Докладываю: на подхо-к аэродрому нас атаковал выскочивший из облаков немецкий требитель. Командир эскадрильи Шербустанов сб... сб... - Про-ачные в три ручья слезы бегут из его глаз.

Но комполка вроде бы и не слышит горького доклада: чут-м опытным ухом он слышит другое - приближающийся знако-ый гул моторов.

- Иде-е-ет! - неровный хор голосов, похожий на взрыв.

Самолет Шербустанова горит, он объят дымными, струящи-ся язычками, но летчик ведет его уверенно, заходит на посадку, окойно приземляется. Механик вместе с другими кидается к про-вопожарным средствам, хватает баллон, тащит его к самолету.

Жив наш Филипп, жив...

В самолете был пробит бензобак, струились пары бензина, шистский снаряд чудом не попал в голову летчика; на счастье илипп резко повернулся, и снаряд прошел бронеспинку...

Ему помогают вылезти, отстегивают парашют, он пытается ыбнуться но как подкошенный падает на траву. Больше не нужды есь, среди своих, самообладание и поистине стоическая выдерж-

Десятки мелких осколков извлекла полковный врач Мария атапова из тела летчика.

Вечером, перед самым отбоем комполка в который уж раз вестил Шербустанова.

- Спит, - сказала медсестра Валя, - только уснул. На нем ьвого места нет, а улыбается вместо жалоб.

«Это и есть то главное, чего никак не могут понять фашисты, ьглавное, чего никак не мог учесть ни один враг, посягнувший на ьшу свободу- сила духа советского человека, его воля к победе. ьместо одного павшего в бою встанут на врага десять...» - так ду- ьл командир полка.

Так было уже не раз и не два в его жизни: перед важным событием оживал для нее памятный день.

...С замирающим сердцем Филипп впервые без инструкта садится в самолет. Осторожно вырубивает, осматривает пространство: не заходит ли на посадку кто, свободна ли взлетная; несмело поднимает руку, следя за дежурным по полетам. Старт! И вот он первый стремительный взлет, первый разворот! Время как бы отанавливается, и сердце тоже готово остановиться от счастья. Вдвигает в наушники - отрезвляющий голос инструктора: «Так, так, торопись, убирай газ, тяни, смотри у меня, чтобы посадка была в три точки!» Взмокший от волнения, идет он к своему учителю судьбы, и сердце теперь радостно стучит...

Этой ночью Филипп испытал все заново. Возможно он спал, но был лишь сон но такой отчетливый, что, вроде и не просыпаясь, услышал он торопливый топот сапог по сходням, увидел солнце просвечивающее сквозь развалины за окном, и вскочил с тюфлячек.

На КП дежурил начальник химической службы полка старший лейтенант Скоробогатов, сдержанный, с глубоким, задумчивым взглядом.

Солнце распластало над аэродромом свои лучи. От столовой тянулись летчики, техники, вооруженцы, направлялись к самолетам. Начинался новый боевой день.

Филипп тихо шел к старту и думал вот о чем. Воюют юные почти мальчишки, на губе чуть-чуть русый пушок, не вполне окрашенные физически, зато у всех до одного - горячие отважные сердца. Все пришли в военкоматы добровольно, отправки на фронт добывались с трудом и упорством. А ведь там их ждала кровь и смерть, ждало напряжение всех физических и душевных сил, которое мужчинам порой не выдержать. К тому же условия жизни полета аэродрома предполагают оторванность, изоляцию.

Летная столовая на самом краю аэродрома оказалась чистой и маленькой, наспех сколоченной. У санитарной машины постоянно работала связь и были известны все новости, Филипп познакомился со всеми звеньями второй эскадрильи.

Вечером шло общее партийное собрание полка. Многие выступали. Потом слово взял Прокопьев, который недавно вернулся с боевого вылета.

- Я сначала не понял, что это бомбардировщики: много-много черных точек. Птицы? Потом решил: нет - слишком большая высота, к тому же идут ровными рядами: - Я просигналил крыльями, чтобы за мной держался и - на сближение с «птичками». Подход

внизу под нами десятки фашистов. Пулеметами ощерились, тонны бомб несут на станцию, а станция-то уже близко, ни минуты нельзя терять! Тогда мы с Иваном решаем использовать преимущество в высоте и внезапность, чтобы развалить первую группу. Из крутого пикирования открываем огонь по самой середине!

И хоть не раз слышали летчики рассказ отважных друзей, сейчас, когда собрался торжественно весь полк, происходило, может быть, самое важное: осмысление подвига, проникновение в его глубь. Филипп видел, как сопереживая подвиг товарища, загораются молодые, подтягиваются невольно, готовясь тоже совершить подвиг. Такое обсуждение - необходимо.

- Вышли из атаки - два бомбардировщика горят, к земле приближаются - взрывы столбами. Мы снова атакуем уже рассыпавший строй, сближаемся до предела, я даже стрелка в последнем самолете разглядел...

Долго и горячо идет собрание. Собрание - праздник и урок мужества, разбор недавних боев. Осмысленное, оно останется в сердце и памяти навечно.

Звонили из штаба дивизии: сражение в воздухе летчиков полка рассматривается по всему фронту в авиачастях как пример отличного ведения боя истребителей при отражении массированного налета. В такое с трудом верили прославленные асы: два юных летчика полка, встретив в воздухе сорок два фашистских бомбардировщика, вступили с ними в бой и сбив четырех, обратили остальных в бегство, заставили побросать бомбы где попало...

Глава 7

Хотя каждый день боевой жизни полка запомнился, врезался в память со всеми подробностями и деталями, каждый был особенно по значимости своей, - этот день стал как бы аккордом, могучим, сильным аккордом, заключающим напряжение дней предшествующих: вместе с радостной вестью об освобождении Новороссийска, о стремительном наступлении, советских войск на Киев, пришла радиограмма о перебазировании полка на следующий аэродром. В воздушных боях и на аэродромах уничтожено много техники противника.

Предстояла тяжелая боевая работа. Немцы ожесточенно, словно обезумев от страшных поражений, кидали и кидали на Киев, на прилегающие участки одно воздушное соединение за другим.

Раздалась команда «Воздух»! Фашистские бомбардировщики шли на аэродром. Навстречу поднялись стремительные «И-16». «Не выйдет нас бомбить! - Филипп сверкнул синими молниями глаза-

ми. - Не выйдет!»

И, разумеется не вышло у фашистов ничего из этой затеи: наши летчики так стремительно преградили им путь, покидав бомбы где попало, развернулись фрицы и ушли восвояси...

На КП беспрерывно работала связь: шел бой. Поднята в воздух дежурная пара, вырывают на старт вторая третья... Сообщения поступают на КП утешительные, теперь летчики опытные, огонь их пулеметов меток.

Но на этот раз возвращаются не все.

...Молодой летчик Саша Болдырев зорко следил за ведущей, выполнял разворот на заданный курс. В просвете между облаков увидел мелькнувший на миг вражеский самолет. Как быть? На его самолете вышел из строя передатчик, так не может предупредить ведущего. Но и врага упустить нельзя.

Болдырев резко развернулся, увидел как уходит фашист к линии фронта.

- Э-эх, была не была... - тихо сказал и стал нагонять вражеский самолет. Расстояние между ними сокращалось. Так ясно представил лицо своего наставника - Филиппа Шербустанова, который терпеливо, строго учил его в небе над аэродромом искусству военного летчика. Даже услышал его голос: «Выжди, подойди к противнику ближе - прицельная стрельба с близкой дистанции вернее...» И все-таки юношеская горячность подвела - Саша вспомнил наставление своего учителя, четко слышал их мысленно, но, не подойдя на нужную дистанцию, нажал гашетку пулемета. Фашист понял, что его атакуют и перешел в крутое пикирование. Болдырев решил, что уйти ему не даст. Самолеты сблизилась. Саша атаковал еще дважды, и черный дым все же повалил за удирающим врагом. И тут летчик ощутил сильнейший удар и жгучую боль. Линия фронта совсем рядом. Где приземлится самолет, который он из последний сил вел к земле. Саша не знал...

В полк поступило донесение: «Горящий самолет летчика Болдырева упал на землю, занятую врагом».

Снова горе, потери в части...

Комполка понимал: однополчан не сломить горем. Ни у одного из летчиков не дрогнет рука при мысли о том, что может быть, завтра с ними случится то же. Война. Но были летчики эмоциональные, ранимые, только-только постигающие значение прекрасного слова «жизнь». Смерти они не боялись, но - жить, они очень хотели жить!

- Не вешать головы, - сказал замполит собрав личный состав полка - Сашу будем искать.

Вместе с командиром эскадрильи вместе с замполитом обле-

тал все близлежащие аэродромы - нигде о Болдыреве ничего не знали. С постов ВНОС тоже приходили ответы: «Нет сведений».

На старте каждый день вывешивался листок о розысках Саши. Надежды найти летчика не теряли.

Замполит и парторг срочно провели общее партийное собрание полка: шел суровый и твердый разговор о воинской дисциплине об ответственности ведущего и ведомого за слитность, неразрывность в бою.

Комдив назначил совещание командования полка вместе политработниками: заново проверили состав эскадрильи, звеньев, каждой боевой пары. Хотя все понимали, что спаялся коллектив, выкристаллизовывался в огне, в тяготах жестких условий фронта, но еще раз до донюшка, до предела исследовали, изучили все исходные возможных промахов, чтобы избежать, не допустить потерь.

Саша Болдырев не погиб. Но об этом долго еще не знали в полку - узнали лишь после войны через 25 лет.

Глава 8

Сквозь приоткрытую дверь землянки до слуха ее доносится заладивший не на шутку глухой, монотонный дождь Сыро и холодно стало в землянке, особенно по ночам, но дверь Шербустанов не закрывает: съжившись под влажной шинелью, слушает дождь и размышляет. Бывают минуты, когда думается сразу о многом: совсем-совсем давнее сливается с тем, что произошло только вчера, и идет себе общей панорамой, не смешиваясь.

Трудной была жизнь у комэска, трудной, но потому и счастливой. Зато теперь, имея богатый запас пережитого, впитанного сердцем, он легко понимает каждого человека в жизни эскадрильи. Хорошо и другое: тот климат дружбы, в котором живет эскадрилья, естествен. О нем не думают а тем более не говорят: это сродни воздуху, которым дышишь, не думая о нем, но без которого нет жизни. За этим кропотливая, каждодневная работа и забота вышестоящих начальников. Все заметить, все предусмотреть, чтобы никаких обид, недоговорок, разладов. Ведь дружба - прежде всего безграничная вера друг в друга, понимание с полуслова. А в бою без полного доверия нельзя. Это напряжение не только всех знаний и мнений, но и душевных сил.

...Штурмовой удар для истребителей - задание обычное, но очень ответственное и трудное. Не всякий опытный летчик способен на быстром самолете нанести штурмовой удар. Даже воздушный бой для летчика-истребителя легче: освоены, приняты на «воружение» и внезапность нападения, и смекалка, помноженная на

опыт, помогающая применить единственную, самую верную именно для данного боя тактику...

В штурмовке внезапность нападения затрудняется из-за шума мотора при подходе к цели. Значит - встретит зенитный или пулеметный огонь противника, через который надо прорваться. Кроме того, жди нападения «мессеров». Да и многое другое. Короче, полученная телефонограмма определяла три важных условия. Первое - доверие командования, второе - необходимость доверие оправдать третье - в короткий срок сделать все необходимое.

Командир полка отобрал для участия в штурмовке вторую эскадрилью в полном составе. Комэск тщательно готовил эскадрилью. Каждый день занимались: изучали район действия, порядок захода на цель, анализировали маневры...

И наконец-то получена команда: «Самолеты - в первую боевую готовность».

По аэродрому словно вихрь пронесся. Техники, радисты, оружейники в который уже раз проверяют машины, выделенные для штурмового удара. Летчики уточняют с комэском характер цели, порядок действия над ней и ухода от нее; разбирают варианты боя с вражескими истребителями.

Сигнал - ракета, и девять красnozвездных «Илов», ведомых старшим лейтенантом Климовым, ложатся на курс...

Эскадрилья Петрова отлично справилась с поставленной боевой задачей.

Возвращаясь на аэродром, на почерневшей земле летчики увидели сверху то, что осталось от грозной и могучей военной техники врага: целее кладбище танков, орудий, самолетов, пушек.. Искореженный, обгоревший лом. Впрочем, немало исправной техники и вооружения было брошено немцами в панике.

Глава 9

На следующий день Шербустанов вылетел на боевое задание в составе своего звена. На этот раз задача была другая - сопровождать легкие бомбардировщики СУ-2.

Точно в назначенное время к аэродрому истребителей прикрытия подошла группа СУ-2. Звено взлетело, набрало высоту и пристроилось справа с небольшим превышением над легкими бомбардировщиками. При подходе к линии фронта Шербустанов заметил одинокий самолет, с виду похожий на наш истребитель И-16, идущий встречным курсом. Пока Филипп к нему присматривался самолет сблизился и вдруг энергичной полупетлей начал заходить в хвост самолета командира звена.

Шербустанов молниеносно левым разворотом перешел в атаку и оказался на хвосте противника. Фашистский летчик пытался резким разворотом через крыло уйти из-под атаки вниз, но не тут-то было. Филипп тоже переворотом бросает за ним свой самолет. Дистанция быстро сокращается - сто пятьдесят, что метров. Фашист жмет к земле и пытается уйти на свою территорию, но длинная очередь с пулемета. Филипп настигает его. Вражеский летчик боевым разворотом делает последнюю попытку уйти от преследователя. Но Шербустанов, ни секунды не мешкая, бросает свою машину за фашистом, в азарте боя снова нажал на гашетку и с недоумением замечает, что трассы его очередей летят как-то дугой вниз под самолетом врага. Что за чертовщина? Но тут же понял, что стрелял по самолету противника, на этом развороте не взяв упреждения, и, конечно, трасса разлеталась веером, не попадая во вражеский самолет.

Фашистский летчик пустился наутек, на свою территорию: там было его спасение. Филипп берет в прицел врага чтобы добить. Нажимает на гашетки. Молчит пулемет: все ясно - расстрелял боевой комплект. Как жаль, что недобитый враг уходит...

Шербустанов резким боевым разворотом набирает высоту, возвращается, ищет свою группу, но ее нигде не видно. Принимает решение идти домой на свой аэродром...

...Землю прикрывал туман. И все же летчикам удалось обнаружить небольшую автоколонну из пяти машин, движущуюся в южном направлении. Но капитан Чернов атаковать ее не стал, он прижался к облачности, подав Филиппу знак «внимание», резко развернулся почти на восток. Только теперь Шербустанов заметил над грядой облаков «Хеншель» - фашистский разведчик - корректировщик, или попросту «Костьль».

Фриц, видимо, заметил наших и ушел в плотную облачность. Командир звена и Филипп - за ним. Пробив в облачность, увидели «Хеншель», то сразу нырнул в облака. Чернов - вновь за ним, и снова встретились под облаками. Немец в облака - Чернов за ним! Филипп подумал: «Началась игра в кошки-мышки», и не пошел за облака, а, делая небольшую змейку, внимательно следил за воздухом. И вдруг неожиданно Хе-126 вывалился из облачности в метрах пятидесяти, Филипп машинально немного прибрал газ, чтобы не столкнуться с ним прицелился и дал длинную очередь.

Фашистский самолет начал крениваться влево и, не выходя из тикирования, спустился вниз к земле и взорвался...

В этот день Филипп был самым счастливым человеком в полку!

...В сентябре с тяжелыми боями наши войска продолжали от-

ступать на восток. С воздуха видно, как по полям и дорогам Левобережья Украины движутся вражеские войска. Их колонны танков, самоходных орудий, бронетранспортеров, автомашин с боеприпасами и пехотой устремились в Донбасс. Большими и малыми группами в плотном боевом порядке бороздят небо «юнкерсы» и «Хейнкелы».

Около них роем вьются истребители - длинные и тонкие, как веретено - «мессеры». И вся эта армада живой силы и боевой техники, сея смерть и разрушение, перемещается все дальше и дальше вглубь нашей страны...

...Комполка вошел в хорошо освещенную землянку. Окинув взглядом присутствующих, он понял, что летчики эскадрильи готовы к выполнению задания. Их полетные карты были сложены так, чтобы был виден весь ближайший район боевых действий.

- Товарищи! - обратился он к присутствующим. - За железнодорожную станцию и деревню Н... войска 54-й армии несколько суток ведут ожесточенные бои. Тяжелая артиллерия гитлеровцев наносит большие потери нашим войскам. Она находится километрах в восьми-десяти южнее деревни Н. Наша задача - в течение дня вместе со штурмовиками фронта подавить ее активность. Мы будем первыми наносить удары по одной из батарей.

Боевой порядок назначаю следующий: ударное звено веду я, ведомый сержант Шербустанов. Вторая пара: лейтенант Климов и старший сержант Закиров. Звено обеспечения: ведущий Агуреев, ведомый - старший лейтенант Петров. Вторая пара - замыкающая: ведущий лейтенант Кожухов, ведомый - старший лейтенант Цыганов. Маршрут полета по схеме, вывешенной адъютантом перенесите в полетные карты. Линию фронта пересечем в районе деревни Михайловка на предельно малой высоте. Первый удар, а он должен быть внезапным, нанесем ракетами и пулеметным огнем с высоты не боле четырехсот метров. Полет до цели при полном радиомолчании.

Запомните: позиции батарей, а их в том районе три, будут видны по темным конусам на снегу, направленным широкой стороной к деревне Н. пуск реактивных снарядов производить прицельно с дальности 350-400 метров по дворикам орудийных позиций. Атакуем орудие парами.

Далее ... Выходим из атаки в Южном или Западном направлении в сторону тыла врага. Там меньше зенитных средств. Обратный перелет через линию фронта в 15-18 километрах восточнее деревни Н. В случае повреждения одного из самолетов в паре из боя выходить вместе с напарником.

Подавлять зенитные средства а это потребуется при повтор-

ной атаке, должны или ведомые в паре, или замыкающая пара в звене. Бой с истребителями ведем всей группой и только на малой высоте методом встречно-пересекающихся курсов... Еще раз напоминаю: на маршруте до цели - полное радиомолчание скорость над территорией врага повышенная. Ясно?

Летчики закивали, лица их были внимательны, а лица летчиков прямо светились с улыбкой в предвкушении предстоящего боя.

И вот, прижавшись к макушкам чахлах сосен, на большой скорости, на предельно малой высоте углубились в тыл врага.

И вот черные пятна на снегу, огненные вспышки черные фонтаны от взрывов снарядов. Идет артиллерийская дуэль.

Четыре пары «ишаков» нацелившись, опускают тупые носы и переходят в пологое пикирование. Все четче в его прицеле оружейный дворик - подковообразный снеговой вал вокруг длинноствольного орудия. Два реактивных снаряда, показав языки пламени, сорвались с плоскостей и через полторы секунды взорвались внутри «подковы». Длинная очередь из пулеметов - три трассы упираются в дымящийся круг.

Повторная атака тоже оказалась успешной. На батарее противника взметнулись еще два взрыва.

Приземлились на аэродроме благополучно. Осмотрев самолеты, больших повреждений нет.

- Замысел удался полностью, - начал разговор после сбора всех летчиков, которые выполняли задание.

На разборе комэск поблагодарил всех за хорошее понимание маневра ведущего и особенно за скоротечную, смелую вторую атаку и дружное подавление зенитных средств, в результате чего не было потерь и тяжелых повреждений самолетов.

...23 декабря 1941 года. Передовые части фашистов подошли к рубежу обороны. Пришлось спешно перебазироваться на другой аэродром.

В эти зимние дни стояла нелетная погода. Свинцовые тучи, нависшие над аэродромом медленно плыли, принося с собой сильные снежные заряды видимость в которых не превышала одного-двух километров.

...Утром Шерустанов в составе девятки И-16 под командованием командира полка Тарасова вылетел на штурмовку наземных войск противника южнее города Изюм. При подходе к цели сплошной завесой повисли впереди шапки зенитных разрывов. Внизу по дороге на Изюм двигались колонны автомашин. Комполка подал команду перестроиться в правый пеленг и пошел сквозь эту завесу огня в пикирование на автомашины.

Филипп взял в прицел большую крытую брезентом автомашину, пустил два снаряда. Они впились в землю рядом с автомашиной: один впереди, около капота, другой - справа. От мощных взрывов машина перевернулась набок и загорелась. Он поймал в прицел следующую, нажал гашетку. Самолет слегка задрожал от работы двух пушек. Снаряды рвались прямо в машине. Яркая вспышка вырвалась фонтаном вверх.

Шербустанов при выводе истребителя из пикирования почувствовал взрыв под самолетом что-то сильно ударило по левой ноге. Она начала тяжелеть, появился в кабине запах гари.

Филипп уже заходил в следующую атаку, когда увидел за своим самолетом шлейф серого дыма. «Подбит!» - с досадой подумал он и круто развернулся в направлении линии фронта.

Группа, отштурмовав, левым разворотом уходила от цели. Внизу было видно, как горят вражеские машины.

Филипп срезал круг и пошел на сближение со своей группой. В ноге ощущалась острая боль. А тут еще появились подтеки масла на фонаре кабины. Бросил взгляд на манометр, показывающий давление масла, - его стрелка стояла на нуле.

Мотор перегреет, вот-вот заклинит.

Только бы перелететь линию фронта...

ИЗ ПЛЕМЕНИ КРЫЛАТЫХ

Юманков Михаил Никитович родился 21 ноября 1918 года в деревне Нюргечи Комсомольского района Чувашской АССР.

В 1935 году окончил Нюргечинскую ШКМ (школа крестьянской молодежи).

В 1938 году уехал работать на фабрику в город Кунцево, в том же году без отрыва от производства поступил в Кунцевский аэроклуб.

После окончания аэроклуба поступил в летную школу г.Кировабад Азербайджанской ССР.

Все курсанты проходят медицинскую комиссию. Врачи решали его судьбу: быть или не быть.

За длинным столом люди в белых халатах смотрят документы, переговариваются:

- Все хорошо, но комплекция... - доносится голос.
- А вам что, Муромец нужен? - возражает другой.

Наконец-то председатель комиссии произносит заветное слово:

- Годен!

От радости хочется плясать, смеяться:

- Молодец, Миша! Теперь-то точно будешь летать на боевых самолетах.

И опять потянулись напряженные, заполненные учебой дни: теория, полеты, политзанятия, учебные тревоги.

На аэродроме, курсанты учебе отдавались полностью, до конца. Понимали что это для них в настоящее время - выполнение учебной тревоги. Но все чаще и чаще среди курсантов раздавались голоса:

- Пора на боевые самолеты пересадиться.

Шел 1941 год. Закончив летную школу почти с отличием, получил направление в 83-й дальнебомбардировочный авиационный полк.

Не сразу же узнали бы родные Мишу, когда перед ними предстал бы он,. Высокий лоб полускрывала темная пилотка, скрипящие ремни, ловко охватывали широкоплечую форму. Только глаза ласковые и спокойные выдавали прежнего Мишу.

В июне сорок первого, когда страшная весть о войне облетела страну, полк в котором служил Юманков, находился на южной границе.

Август 1941 года. Он в составе полка совершил два боевых влета на Иран.

По радио, в печати ежедневно сообщалось о зверствах фашистов, о массовых расстрелах советских людей. Погибшие зывали к мести, к расплате. Глядя на товарищей, двадцатилетних парней, он видел, как они меняются буквально на глазах. Исчезла былая захватская удаля. Правда войны сурова и беспощадно. Исчезло представление о легких схватках с врагом. Так зарождалась, приходила бойцовская зрелость.

И вот 10 августа 1941 года. Вторая половина дня. Все экипажи в сборе. Комполка читает боевую задачу: совместно с группой самолетов, взлетающих с другого аэродрома, надо будет нанести бомбовый удар на аэродром противника. Летчики и штурманы экипажей разложили на столах полетные карты. Производят необходимые расчеты и прокладку маршрута к фашистскому аэродрому.

Легко проложить курс на планшете, куда труднее выдержать его в полете, на многих участках которого большая облачность, а снизу - зенитный огонь и ослепляющие лучи прожекторов.

Из воспоминаний Михаила Никитовича: «На одном порыве патриотизма преодолеть трудности боевой задачи оказалось невозможно. Неудачи начались на взлете. На самолетах ТБ-7 двигатели были ненадежными. И это привело к нескольким авариям тут же, вблизи аэродрома.

Нашему Р-2, перегруженному бомбами и горючим, потребовалось взлетное поле большего размера, нежели предполагалось.

Мой Р-2 стоял на предварительном старте в ожидании своей очереди, и я видел, как взлетали товарищи. Это были не те обычные полеты, которые мы привыкли наблюдать на аэродроме, а цирковые трюки. Одна машина, оторвавшись от земли, буквально повисла в воздухе, качаясь с крыла на крыло. Потом, протянув немного дальше, за пределами аэродрома ударились колесами о землю. Поднялся столб пыли. От такого удара мог бы произойти взрыв. Многие попадали, опасаясь поражения осколками. Но произошло чудо. Когда рассеялась пыль, мы увидели - самолет летит. Он с трудом перетянул через лес, почти по макушкам деревьев, и пошел на выполнение задания.

Настала и наша очередь. С полным полетным весом я никогда еще не взлетал, но это не пугало. Боялся другого - как бы не отменили взлет. «Только вперед, - думал я на фашистский аэродром, через любые трудности и преграды».

Подготовка к полету

Наконец красный флажок опущен. Получив разрешение на взлет я вывел двигатели на форсированный режим работы, отпустил тормоза, и самолет начал разбег...

Сколько бы ни прошло лет с того времени, а я во всех деталях буду помнить этот взлет.

Когда под самолетом мелькнул край аэродрома, мне ничего не оставалось, как взять штурвал на себя, хотя скорость для отрыва была еще мала. Движение штурвала заставило самолет нехотя поднять нос. Основные колеса повисли в воздухе, а хвостовое продолжало катиться по земле. Самолет не летел, он висел на моторах, ему еще немного не хватало скорости. Преждевременно увеличенный взлетный угол ухудшил его аэродинамику, и он вновь опустился на

землю основными колесами.

Может, и обошлось бы все, но за пределами аэродрома была канава дренажной системы. Туда и попали колеса. Последовал резкий, огромной силы удар. На некоторое время все - и небо, и земля - смешалось с пылью. В сознании было ясно одно: сейчас последует взрыв, и мы взлетим на воздух. Но не на крыльях самолета, а орт наших же бомб.

На аэродроме снова попадали на землю, ожидая взрыва. Но его не последовало. Постепенно пыль улеглась, и все увидели, что в ста метрах за пределами взлетного поля, у лежавшего на брюхе самолета, стоят четверо людей.

Командование приняло решение прекратить отправку самолетов - слишком очевидным был риск.

Боевая работа нашего полка началась неудачно. Это было видно и нам, молодым летчикам. А руководителям постарше, задуманное большое мероприятие нужно было готовить серьезно, с глубоким знанием дела, и не только исполнительным, но и, в первую очередь, руководителям.

Полк перебазировался. Местом его дислокации стало около станции Коренковская. Шла обычная работа бомбардировщиков. На предельную дальность полетов не было - уничтожали конкретные объекты. Над сразу же отметить, что первые налеты нашего 6-го БДАП на военные объекты фашистов были успешными. Это после

Уточняют маршрут

памятных августовских неудач придавало им силы. Летали с необычайным рвением. И, понятное дело, все они с каждым днем набирались боевого опыта летали уверенней, смелей.

Но сложности были в другом. Наши бомбардировщики уходили на боевое задание без прикрытия истребителей. А фашисты - тут как тут.

«Мессершмиты», вооруженные пушками и крупнокалиберными пулеметами, подстерегали наши, в общем-то слабо оснащенные для такого боя, тяжелые, а значит, и менее маневренные, воздушные корабли.

Ошибок тогда было немало. Еще не приобретен достаточный опыт, не отобраны, не систематизированы тактические приемы, отвечающие требованиям войны. Не было той слаженности, четкости и организованности, которые удесятерят наши силы в небе и на земле. Не хватало еще и первоклассных машин, без которых так трудно вести бой с мощной гитлеровской авиационной армией, на пол Европы распростершей свои черные крылья. Но было другое: беззаветная отвага и чувство высочайшей ответственности за судьбу Родины.»

Фашисты лютым зверем шли по земле. Рушили жгли, убивали. Надо было делать все возможное и даже невозможное, чтобы остановить врага...

Из воспоминаний штурмана экипажа Гаврилова И.В.: «Экипажу приказано вылететь в район населенного пункта маяк. Произвести разведку, при обнаружении больших скоплений вражеских войск - нанести удар. И немедленно сообщить и по радио о результатах наблюдений.

Накануне вылета вместе с Мишей проложили по карте маршрут, уточнили все детали полета. Погода была хмурая, осенняя, на редкость плохая. Моросил дождь.

- Отменят, наверное, вылет, - сокрушался по пути на аэродром Миша.

Но никто ему не ответил. Хотя и думали об этом все. Волновались, как бы не пришлось не вернуться.

Нет, вылет не отменили. Грузенный бомбами, Р-2 тяжело ото-

рвался от земли. Берем курс на запад. Традиционного круга не делаем: в целях маскировки строго-настрого запрещено задерживаться над аэродромом, даже на минуту.

Летим над осенней землей. Внизу в черной вуали перелески. Будто трещины земли, извилины оврагов. На длинном марше колонны лесополос. А рядом другое движение - по дорогам к фронту идут автомашины. Упорно, сосредоточенно ползут они по раскисшей от дождя земле.

- Подлетаем к линии фронта - раздается в наушниках шлемофона голос штурмана.

- Ясно.

Для маскировки самолет заходит в облака.

- До цели - тридцать минут, - снова докладывает штурман.

Командир начал пробивать тучи - грязные, косматые. Они прямо-таки ложатся на землю. Поэтому идет над самыми верхушками деревьев. Отыскиваем заданный объект.

Под нами - шоссе. Летим над ним. Внимательно просматриваем местность. Под крыльями бомбардировщика мелькают мокрые крыши. К центру - огромное скопление вражеских танков, артиллерии, автомашин. Увидев наш самолет, фашисты стали разбегаться в разные стороны.

- Бросай бомбы! - дал команду командир.

- Зайди еще раз, - просил я.

- Что это тебе, полигон? - сердито кричит Миша.

Но я невозмутим.

- Развернись, пожалуйста, - прошу я командира.

Радируем командованию о своих наблюдениях и вновь берем курс на цель. По самолету открывают ураганный огонь зенитки. Снаряды рвутся слева, справа, спереди и сзади а маневрировать нельзя, штурман ведет прицеливание. Теперь его воля. Он командует, куда и на сколько градусов повернуть самолет.

- Чуть правее - один градус... - слышен его голос. - Так держать... Хорошо... Теперь - левее градуса два... Отлично!

- Открываю бомболюки, - докладывает он.

И кажется, что самолет, как грузчик, сбросивший с плеч тяжелую ношу, облегченно вздыхает. Машина рвется вверх. И тут раздается оглушительный треск: снаряд.

- Товарищ командир, - кричит штурман, все горит.

Решение созревает мгновенно. Командир притворился сбитым. Кладет машину на крыло, чтобы быстрее потерять высоту. А терять-то нечего.

С трудом у самой земли командир выравнивает самолет. Идет курсом на восток. Маневр удался. В дураках остались гитлеровцы.

Кстати, позже командир пользовался этим приемом: делал вид, будто самолет подбит, и всегда ему удавалось обмануть фашистских зенитчиков.

Я заметил: еще над целью упали обороты и он потерял половину мощности. И вот теперь самолет начало трясти. Вся надежда на исправный мотор. Исправный ли? Но пока хорошо работает. Дотянет ли хотя бы до своей территории? Лететь-то еще долго.

Дотянули. И не только до своей территории. Даже до аэродрома. А когда приземлились вышли из машины посмотрели на машину и ахнули: потрепан он был изрядно, чтобы не сказать изрешечен.. Две дыры в кабине стрелка, множество мелких пробоин в фюзеляже, отбит киль с рулем поворота и многие повреждения.

Но как бы там ни было мы на своем родном аэродроме.

Наш самолет потащили на ремонт.

- Ах ты, мать честная! - все восклицал техник нашего самолета Василий Баранов. - Вот так изрешетили!

Да, пусть битый-перебитый, искореженный, пусть на одном, как говорилось, крыле прилетели, но все же вернулись домой, долетели. Но, к сожалению, не всегда это страстное желание сбывалось. Выходили из строя машины, гибли друзья. Тяжело, невозможно смириться со смертью товарищей... Но война есть война. Она все же более ожесточила нас, учила ненавидеть. И мстить! Никакой пощады захватчикам! Мы рвались в небо, там наш фронт, наш передний край!

- Товарищи, мои родные, - обратился командир к технику и механику, - поднатужьтесь, ускорьте ремонт.

- Будем стараться, товарищ командир, - без привычной бодрости в голосе ответил Алеша Пономарев, потом почесал пятерней затылок и добавил: - Да уж больно дырявый, что твое сито...

- Не волнуйтесь, товарищ командир, отремонтируем. Ночей не доспим, а все как надо сделаем- заверил механик и тут же распорядился: - Хватит, затылок чесать, давай-ка браться за работу.

Много их было, скромных ребят техников и механиков самолета и эскадрильи. Но самых близких и родных, которые стояли всегда рядом с нашим, общим для всех самолетов, забыть невозможно. Это Алеша Пономарев, Вася Баранов Саша Семенов. Какие нужно найти слова, чтобы воздать им честь по заслугам? Трудно подыскать... Мы. Летный состав, им обязаны всем и жизнью, и подвигом.

Подумать страшно, как только они могли выдержать четыре длинный года войны! Летный состав и отдыхал между полетами, нас и кормили лучше, а они наши техники - наши золотые руки,

Май. Победа

золотые сердца, - зимой и летом, в мороз и под палящими лучами солнца, не всегда сытно накормленные на кулаке поспавшие, не очень-то тепло одетые, не всегда вовремя замеченные и отмеченные, работали, работали, работали. И так - четыре года.

Говорили о них? Да, говорили. И награждали, но меньше, нежели нас, летавших в бой. Техники, эти люди с шершавыми, обветренными, в мозолях и ссадинах но золотыми руками, понимали, как неизмеримо трудно нам в небе».

11 мая 1942 года. Утром комиссар полка Юманкову вручил кандидатскую карточку ВКП(б). Молодой летчик в присутствии коммунистов полка обещал, что за дело партии и за Родину приложит все свои знания и умения.

В тот же день молодой коммунист получил боевое задание: немцы к населенному пункту Марфовка на автомашинах перебросили большой резерв.

Экипажи вылетели с интервалом через 10 минут. Долетели до Бзовского моря, над целью была облачность 5 баллов. Немного пролети и развернулись на боевой курс, штурман уточнил данные бомбометания и видна цель: большое скопление автомашин. Снизу стали стрелять зенитные пушки. Штурман дал команду повернуть и самолет замер на боевом курсе и начали бомбить. Радист доложил, что видит 4 немецких истребителя. Над морем они догнали и начали атаковать. В ходе боя экипаж Юманкова М. подбил одного «мессершмитта». Его сильно ранило в левую руку и самолет загорелся, перестал действовать руль глубины т.е. с большим трудом коленом правой ноги нажимал на штурвал, потому что самолет тянул вверх и терял скорость, хотя и контролировать было не с чем, только наугад, потому что от попадания снаряда выбило приборную доску. Штурман, радист и стрелок были ранены. Командир направил самолет к берегу. Но доходя до земли немецкий истребитель вновь атаковал. Чувствую близость земли. Командир ослабил нажим штур-

вала и машина коснулась земли. От удара переднего борта панели командир на время потерял сознание. Левая сторона самолета горела, члены экипажа помогли командиру выскочить из машины. Командир был ранен в руку и левую ногу, помогли отстегнуть парашют.

Через некоторое время экипаж двинулся, приполз к землянке в расположение наших войск, где им была оказана первая помощь, а потом отправили в город Керчь.

Командира с радистом отправили на лечение в город Баку, где находились в течение двух месяцев. После лечения они вновь прибыли в свой полк.

За этот бой Михаил Никитович был награжден первой медалью «За отвагу».

Из воспоминаний техника Алексея Пономарева: «Да, много приходилось нам, техникам и механикам, возиться с разбитыми самолетами. - чинить, приводить их в боевое состояние. Поэтому мы почти физически ощущали потерю каждой машины. А летчики тоже ощущали, что это такое «безлошадник».

«Безлошадными» у нас называли всех. Кто не имел самолетов. Их, к сожалению, становилось все больше. Пришло время, когда полк уже нельзя было назвать полком: самолетов стало меньше, чем в полноценной эскадрильи.

... конце декабря наш полк направили в город Рыбинск на пополнение. Юманкову было присвоено звание «младший лейтенант».

Полк перевооружился на ИЛ-4.

Внешним видом ИЛ-4 был совершенно не похож на Р-2. При создании машин конструкторы шли в этом своими разными путями. Но в тактико-технических данных в принципе большой разницы не было. Экипаж ИЛ-4 тоже состоял из четырех человек. Правда, здесь вначале было три пулемета ШКАС-7,62 мм скорострельные авиационные пулеметы конструкции Б.Г.Шпитального и И.А.Комарницкого, потом один из них заменили на крупнокалиберный пулемет. Дальность полета 3300 километров. А потолок без бомб и с остатком топлива на один час полета был 8700 метров. Скорость составляла 340 километров, практически была равна 280 километров. Максимальная бомбовая нагрузка при полной заправке топливом - 1000 килограммов но летчики брали на борт в два раза больше. ИЛ-4 вполне устраивал летчиков дальней бомбардировочной авиации, на нем можно было выполнять любые боевые задания.

Из воспоминаний Михаила Никитовича: «В первые дни тыловая обстановка прямо-таки ошеломляюще подействовала на нас фронтовиков.

- В этой тишине хуже, чем под бомбежкой, - заметил штурман экипажа.

Мы никак не могли привыкнуть к новой обстановке, забывали, что не надо лететь на боевое задание. Ночью, когда не было тренировочных полетов, мы спали беспокойным сном, ежеминутно ожидая сигнала тревоги, знакомые команды «По машинам!» И это естественно. Все мы уже свыклись с войной, с разрывами зенитных снарядов, с пулеметными очередями вражеских истребителей, с раздирающим душу воем сброшенных фашистами бомб. Все это вчера. И если потом, через годы после войны, мы ветераны, будем вздрагивать во сне, снова лететь в бой, гореть в самолете, выбрасываться из пламени на парашюте, то уже тогда через день-два после фронта, разве мы могли все забыть и привыкнуть к тишине?

Мы рвались на фронт. И не только на словах. Но и на деле. А это значило что мы учились и учились, не зная усталости, не ведая сна, не деля на сутки на дни и ночи. Учились.

Перевооружение полка на новый тип самолета - дело непростое. Требуется времени.

После окончания учебы и комплектования полка в августе 1943 г. Юманков М. будет участвовать на Курско-Орловской битве в составе 6-го ДБАП (дальнебомбардировочный авиационный полк).

Более двух лет мне довелось воевать на самолетах отечественного производства. Дальний бомбардировщик ИЛ-4, при своих недостатках, позволял нам наносить удары по различным военным объектам врага. Наши летчики выполняли боевые задачи, иногда казавшиеся фантастическими для самолетов данного типа. Бомбы сыпались на головы врага по всему обширнейшему фронту войны, от берегов Черного и до Белого морей. Не было покоя гитлеровцам и в их глубоком тылу. Экипажи дальней авиации на самолетах ИЛ-4 пробирались всюду и выполняли поставленные боевые задачи.

После курской дуги меня назначают командиром звена присвоением звания «лейтенант» и переводят в 815-й ДБАП, при этом даже не спросив моего согласия. Дела в нашем звене шли хорошо. Это прежде всего заслуга моих заместителей Андреева С.И., Пименова В.М.

Исполняя обязанности командира звена, я нес полную ответственность перед командованием полка за выполнение его распоряжений и приказов. В свою очередь, этого же нужно требовать и от подчиненных.

За многолетнюю службу в авиации в моей памяти остались самые приятные воспоминания о службе в эскадрильи. В маленьком коллективе, где всего 10-12 самолетов, я по-настоящему научился летать, научился управлять людьми, понял силу коллектива, силу партийной и комсомольской организаций.

В годы войны, и потом более десятка лет я летал на различных тяжелых самолетах. Много прекрасных офицеров сержантов было в составе летного экипажа. Если мы во фронтовое время громили фашистов и наш труд влился в короткое слово «Победа!», то в послевоенные годы мы крепили боевую мощь нашей авиации, ставили ее на новое крыло, и все мои успехи - это труд товарищей, летавших со мной.

Я благодарен им, дорогим моим летным братьям. Но пусть не примут они в обиду, если я выделю среди них лучшего из лучших - моего боевого друга, штурмана нашего экипажа первых годов войны Алексея Парамонова.

Наступило 1 января 1944 года. И снова время подводить итоги. Полк был передислоцирован на Ленинградский фронт.

...На выполнение этого задания вся наша эскадрилья уже летала на новых бомбардировщиках. Инженер эскадрильи капитан Родионов Иван Алексеевич организовал подготовку машин к полетам отлично. На каждой - по две тонны бомб, солидный запас патронов для пулеметов.

Когда мы в полете, техническому составу полагалось отдыхать. Но как можно спать, когда самолеты улетели за линию фронта, подвергаются опасности. И техники не спали. Они не отходили от командного пункта полка, наводя справки о своих улетевших самолетах.

Все это мы знаем, что такое ждать. Это неприятно. Утомительно, время кажется идет очень медленно, даже в обыденных условиях. Редко, но приходилось и мне оставаться на земле, когда боевые товарищи были в полете. Тогда я не находил себе места.

Мы совершали успешные вылеты на военно-морские базы противника в Финском и Рижском заливах.

...До цели полета проходил привычно. Все члены экипажа были заняты своим делом.

Не долетая до цели, я дал команду экипажу.

- Смотрите внимательно в районе цели «мессеры».

- Как вы это определили? - тут же спросил новый стрелок

Стариков.

- Очень просто - ответил я невозмутимо. - Смотрите вперед: на земле пожары и взрывы - это рвутся бомбы, сброшенные нашими ранее улетевшими товарищами, - объяснил я стрелку. - В воздухе же снарядных разрывов нет, они только что прекратились. Значит, зенитчики перестали стрелять. А они прекращают огонь тогда, когда в небе появляются их истребители. Ясно?

- Очень даже ясно, - ответил Стариков.

В эту минуту мы увидели воздушный бой. Шла дуэль между

«мессершмитом» и советским бомбардировщиком. В небе появилось пламя. Сначала небольшое, круглое затем вытянутое, как шлейф. Этот огненный шар с хвостом резко пошел к земле. Кто же это - свой или враг? Вскоре поняли - горел бомбардировщик. Из пылающей машины летели трассирующие пули бортового орудия. Советский самолет падая вел огонь из всех огневых точек. Экипаж героически сражался до последней секунды своей жизни. Мы так и не узнали, чей это был самолет: в ту ночь не вернулись на свои базы несколько бомбардировщиков из разных полков.

- Выходим на цель, - доложил штурман.

Сбросили бомбы. Развернулись на курс домой. И тут внезапно на нас напал истребитель. Пока стрелки готовились для отражения атаки, фашист, выпустив по самолету длинную очередь. Успел скрыться. Машина получила повреждение, но моторы работали исправно.

Не выдержав такую нерасторопность стрелков, я обругал стрелков. Понятно, они не искали слов для оправдания. Чувствовали: виноваты. Немного успокоившись, я сказал им уже более миролюбиво:

- Ладно, проморгали фашиста, теперь смотрите как следует, атака может повториться.

И не ошибся. По самолету вновь ударили пушки. И снова стрелки упустили врага.

Летим на одном моторе.

- Все живы? - спрашиваю.

Стрелки отвечают подавленно, со вздохом:

- Живы.

В августе 1944 года мы перебазировались на территории республик Прибалтики.

Тихой августовской ночью летим на Тильзит. Линию фронта проходим благополучно. Только в двух-трех местах рванулись было из темноты узкие лучи прожекторов, заметались по небу, отыскивая нас: заискрились разноцветные россыпи трассирующих пуль, крупнокалиберных пулеметов - гитлеровцы видимо, стреляли наугад.

Наш экипаж идет в конце боевого порядка одного из полков дивизии. Помимо бомбардировки заданной цели нам надо еще контролировать результаты поражения объектов.

Впереди показываются красные зарева пожаров. Гитлеровцы не успели их погасить после вчерашнего налета наших бомбардировщиков. Тильзит горел.

Сбрасываем бомбы на цель и начинаем ходить невдалеке от города. Наблюдая, как бомбят другие. Вдруг замечаем в воздухе истребителей. Они пытаются подойти к нашим бомбардировщикам и

нанести внезапный удар. Но советские летчики упреждают маневр гитлеровцев и успевают открыть огонь раньше противника.

...Вот и Кенигсберг. Он уже окружен, сопротивление бессмысленно. Однако немецкое командование утверждало, что город превращен в неприступную крепость. Здесь созданы позиции с долговременными сооружениями. Каждый дом - опорный пункт обороны. Уже в шести-восьми километрах от центра города начиналась сплошная линия обороны, состоявшая из минных полей, сплошных заграждений, дотов, фортов. Вторая позиция была оборудована на окраинах города, а третья - проходила по старой городской стене. Оборона, казалось фашистам, не имеет уязвимых мест. Это, трубили гитлеровцы, - неприступная крепость. Кенигсбергская группировка располагала крупными силами. Как на земле, так и в воздухе.

Чтобы овладеть такой крепостью, нужна была сила - сила, превосходящая, врага, в том числе и авиационная мощь. Оборонительные сооружения врага подверглись массированным ударам с воздуха. По аэродромам противника были нанесены упреждающие удары совместными усилиями штурмовиков, бомбардировщиков авиации дальнего действия. В воздухе непрерывно патрулировали наши истребители. Сотни наших тяжелых самолетов обрушили бомбы на фортификационные сооружения, опорные пункты крепости, на огневые позиции. Зенитная артиллерия противника была подавлена. И это позволило снизить нам высоту с 3000 до 1000 метров, что обеспечило еще большую точность бомбометания.

За боевые действия по разгрому Кенигсбергской группировки лейтенант Юманков М. был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

После полного снятия блокады Ленинграда полк был перебросен в Заполярье, где он выполнял боевые вылеты особой важности.

За участие в боевых заданиях по освобождению Заполярья, лейтенант Юманков М. был награжден медалью «За освобождение Заполярья».

В марте 1945 года полк был перебазирован на территорию Польши в районе города Познань.

Хорошая организация и четкое управление, богатый опыт, приобретенный в длительных сражениях, стремление людей скорее приблизить конец войны - все это позволило полностью освободить территорию СССР. Война, развязанная Германией, давно переместилась на территорию противника. На нашем участке от переднего края наших войск всего семьдесят километров до логова фашистов.

Берлин был рядом. По теперешним представлениям - это час

езды. А тогда? Тогда потребовалось полмесяца, чтобы подойти к центру фашистской столицы.

На берлинском направлении гитлеровцы сосредоточили миллионную армию. Прорвать глубоко эшелонированную оборону врага мы могли только совместными усилиями всех родов войск. Мы не ринулись сразу в бой, хотя заманчивая развязка войны - победа - была рядом.

16 апреля 1945 года в назначенный час с аэродрома Познани взлетели 3 эскадрильи дальних бомбардировщиков в том числе наша чтобы принять участие в прорыве обороны врага на кюстринском направлении. Мне не раз доводилось быть очевидцем пылающего неба в различных условиях дня и ночи. То что я вижу сегодня, уже где-то было и вот вспомнил - на курской дуге, но тогда прорыв глубоко эшелонированной обороны осуществляли немецкие войска, и чем это кончилось, нам известно.

Мы подлетаем к линии фронта, которая четко определялась по артиллерийскому огню.

Наша боевая задача была несложной. Мы легко отыскивали заданный объект на Зееловских высотах и поразили его бомбами. Противовоздушная оборона противника была слабой. Наша авиация имела полное господство в ночном небе фашистской Германии и на подступах к Берлину.

Сегодня нам мешало другое - самолетов было как никогда, летели в темноте, не видя друг друга. В заданное время наш полк тяжелых бомбардировщиков вышел в назначенный район. В течение десяти минут положили все бомбы на позиции противника.

В пять часов тридцать минут с земли взвились в воздух сотни, а может быть и тысячи, разноцветных ракет. На участке прорыва, о чем нетрудно было догадаться, зажглись более сотни прожекторов, которые светили в сторону противника. Мы ночные летчики, знаем, что значит попасть в лучи прожекторов. Можно себе представить положение фашистов. Слепленные, корчились в агонии враги. Разрывы наших бомб вливались в эту канонаду.»

За боевые вылеты по выполнению задания командования на Берлинском направлении Юманков М. был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени.

8 мая экипаж сидел в самолете ждали команды на взлет. До него оставалось минут пятнадцать. Вдруг слышно:

- Отбой! Вылета не будет!

Утром 9 мая, всех разбудила сильная стрельба. Летчики выскочили из полуземлянок с пистолетами в руках, думая, что на аэродром напали фашисты. Оказалось, что стреляют техники, оружейники, связисты...

- Победа! - кричали они, выпуская в небо обойму за обоймой.

Победа!

Как долго мы шли к ней. Как дорого она нам досталась! Какое это выстраданное, героическое и нежное, святое слово.

По-бе-да!

После окончания войны полк был переброшен на Забайкальский фронт, воевал против японских милитаристов.

За все время войны было произведено 147 боевых вылетов..

За ратные подвиги после войны он был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды.

Из воспоминаний бывшего командира звена капитана в отставке Юманкова М.Н.: «Я еще до 1958 года прослужил в рядах Вооруженных Сил СССР. Был участником боевых действий в Китае.

В боевой обстановке, где опасность всегда стоит за спиной некоторые из нас полагались на судьбу, рассуждали так: кому повезет, тот и выйдет из боя победителем, останется жив. Правильно ли это? Да, частично с этим можно согласиться, но только частично. Громадный боевой опыт, приобретенный нами за годы войны, доказал что нужно в любой, самой сложной обстановке бороться за дачный исход боя, за победы над врагом. В любом равном или неравном бою до конца драться за жизнь, а если и отдать ее, то только дорогой ценой.

Лично я в этом глубоко убежден, хотя в годы войны мне тоже иногда просто везло.

Везло на жизнь,

Везло на борьбу...

Награжден медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За воинскую доблесть. В честь 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» и юбилейными медалями.

За отличное выполнение боевых заданий командования имею одиннадцать благодарностей Верховного Главнокомандования».

Умер 2 декабря 1999 г.

Часть III. КТО ВИНОВАТ

Посвящается бывшим солдатам,
прошедшим круги ада
фашистского плена...

От автора

События, которым посвящена данная повесть, имеют большое значение для понимания первых месяцев Великой Отечественной войны - наиболее трагические и вместе с тем героического периода.

И хорошо, что эти события до сих пор еще не в полной мере освещенные в печати, нашли своего летописца в лице наших земляков Коновалова Василия Самуиловича и Гладкова Семена Ивановича - очевидцев и участников трагического сопротивления 6-й и 12-й армий превосходящим силам противника.

Беспримерное мужество и героизм были проявлены защитниками Родины и там, где мы терпели временные, довольно серьезные по масштабам поражения. И об этом у нас еще мало написано. Есть книга Е.Долматовского «Зеленая брама», где и описывает на основе рассказов защитников «Зеленой брамы».

Тень поражения легла на рядовых солдат и командиров, которые, не щадя своей жизни, штыком и гранатой отбивали яростные атаки вооруженных до зубов гитлеровских головорезов.

Предлагаю Василию Самуиловичу то, что надо бы написать в народный музей в селе Подвысокое о себе, что воевал в тех местах и защищал эту землю он ответил сразу же, что он недостоин там побывать, потому что защитникам не удалось тогда защитить это село.

Но тогда и теперь я лично убедился, что победители - не только те, кто героически сражался, защищая и освобождая города и страны, но и те кто сражался и побеждал, отступая; сражался, закладывая фундамент будущих побед. По происшествии более пятидесяти лет, время настоятельно требует выявить имена и рассказать о них, донести до сознания молодого поколения об ужасах, первых месяцах войны - тез, кто своим мужеством сорвал планы гитлеровского «блицкрига».

Удалось проследить судьбу солдата, не сумевшего вырваться из окружения по ранению, и попал в гитлеровский концлагерь, прошел все муки ада на земле. Не его вина в том, что они, остатки двух армий, были окружены, часть - одна треть с боями вырвался из окружения, две трети 75 тысяч попали в плен в районе города Умани. Данные цифры подтверждаются документами Нюрнбергского процесса. Они сделали все, что было в их силах и многие выше своих сил.

И теперь, узнавая об этом из собранных материалов мы вправе отдать должное стойкости и мужеству наших бойцов и командиров, даже если они проиграли сражение. Мы обязаны сказать, что, приняв на себя поражения, они помогли победе других фронтов победе всего нашего народа над захватчиками.

Думаю, что данная повесть чрезвычайно нужная и благородная работа. Она несомненно вызовет живой читательский интерес как среди ветеранов минувшей войны, так и среди тех, кто не знает ее ужасов.

П. П. Таллеров,
заслуженный работник культуры
Чувашской Республики.

ОКРУЖЕНИЕ ПОД ПЕРВОМАЙСКОМ...

Глава первая

Опять мы уходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...
К.Симонов

Эх! Широка мать - Россия...

Видит бог, они сражались достойно, честно, и потому и заслуживают священной памяти погибшие и доброго человеческого участия те, кому повезло остаться в живых.

Да, слишком широка, а потому и нельзя, чтобы ее судьбой распоряжались узколобые и злобные эгоисты, мстящие своему же народу за свои поражения...

Страшен был 1941 год: но вдвойне кажется он страшнее, когда узнаешь что Сталин повелел при отступлении выжигать все, что доступно огню. Запылала Русь, дымное зарево обагрило наши селения и деревни.

Тяжело было у солдата на душе. Отдаем все, что было накоплено для будущей жизни, а она оказалась призрачной, как утренний рассвет.

Семен Иванович Гладков родился 18 февраля 1915 года в семье крестьянина-середняка. Родители до и после революции занимались земледелием. Учился в школе крестьянской молодежи.

Когда началось строительство вагоноремонтного завода в г.Канаше с июля 1934 года начал работать бетонщиком, трудолюбивого парня позднее назначают бригадиром бригады бетонщиков.

23 мая 1937 г. был призван на действительную военную службу и направлен на пополнение 119-го кавалерийского полка 16-й кавалерийской дивизии Львовского военного округа. Смекалистого парня направляют учиться на курсы младших командиров в г.Ленинград, после окончания учебы он вернулся в дивизию на долж-

ность заведующего продовольственного отдела.

С 6 июня 1940 по 23 марта 1941 г. учился на курсах усовершенствования командирского состава, после окончания учебы он был назначен начальником АХО штаба 49-го стрелкового корпуса.

Начало войны Семен Иванович встретил в вышеназванной должности в звании старшего лейтенанта.

Думаю что надо читателей ознакомить с положением войск 6-ой и 12-ой армий окруженных под Уманью районе Подвысокое и Первомайск, для этого мы должны будем обращаться к книге Е.Долматовского «Зеленая брама», где достоверно описана ситуация тех дней, на основе писем окруженцев и документов.

Да Семен Иванович был бы жив, мог бы подтвердить мои слова, но пусть земля будет ему пухом, царство небесное ему!..

Печально, больно, если уж говорить что на духу, дело сложное: он из сорок первого года, и та битва на Кировоградской земле, участником которой ему выпало быть через месяц с небольшим после начала Великой Отечественной войны, относиться к событиям, трагическим в его жизни, суровым, тяжелым, позорным, какие только можно себе представить.

Читая сухие строки допроса после освобождения из немецкого плена, можно восстановить картину первых дней в окружении.

Что случилось возле деревни?

Подвысокое... В вишневом саду рядом со школой удачно замаскировались спецмашины 49-го стрелкового корпуса, где и был уничтожены ценности и документы, вечером этого же дня пошли на прорыв по направлению Первомайск, где бились горстки солдат и сержантов, вышедших в одиночку и группами из окруженной 6-ой и 12-ой армий.

Деревня Подвысокое - большая, расположившаяся вдоль оврагов. Хаты под соломой, скрепленной мазками извести, почти не видны, в окружении густо разросшихся садов. Тогда как раз поспела вишня. В последнюю ночь перед решающей атакой - точнее уже четвертые сутки без еды - солдаты на ощупь собирали вишни в горсти, торопливо и жадно ели их. Утром оказалось, ладони и губы, потемневшие от пороховой гари и земли, щедро измазаны алым соком. Но солдаты без труда отличали вишневый этот цвет от другого красного, выделяющегося на фоне наскоро намотанных бинтов.

Теперь я хочу привести несколько строк из письма бывшего рядового Евгения Андреева, который живет в деревне Вишневки в донских краях: «Я был участником этих боев и долгое время воспоминания тех людей, которые были во время боев в окружении. Места боев называют «Зелёная брама».

Сначала о Зеленой браме: в переводе на русский язык - зеле-

ные ворота, которые почти вплотную к селу подступает лес, светлая и таинственная, умытая дождем дубрава с необычным, может сказочным названием. Дубрава, свод которых образуют смыкающиеся вверху кроны! Но этот свод не мог прикрыть солдат от бомб и пулеметных очередей с воздуха, от навесного артиллерийского и минометного огня.

Подвысокое... Очень редко приходится встречать название этого села в мемуарах и исторических книгах, но о событиях географическим центром которых было оно, сказано во втором томе «Истории Великой Отечественной войны»: «Окруженные войска вели героическую борьбу до 7 августа а отдельные группы до 13 августа, пока не иссякли возможности сопротивляться. В ходе этих боев часть войск прорвалась из окружения, но многих бойцов и командиров постигла тяжелая участь фашистского плена».

Глава вторая

Вот несколько строк из приказа командующего фронтом: «В целях повышения боеспособности всем командирам надлежит докладывать старшим по званию обо всех случаях нарушения дисциплины, воинской присяги. Всем, без исключения применять самостоятельно меры к нарушителям дисциплины. Наказанию без суда и следствия подвергнуть изменников, трусов, распространителей панических слухов...»

И если уж битва в районе Подвысокое-Первомайск осталась безвестной, не мудрено, что именно там пропали без вести тысячи красноармейцев и командиров кадровой службы, с рассвета 22 июня находившихся на линии огня. В горестном огне этой битвы сгорели, исчезли, развеялись в дым и важнейшие документы, относящиеся к предыдущим боям, во всяком случае - к тем что гремели во второй половине июля 1941 года, когда 6-ая и 12-ая армия находились в полукольце, а многие полки и подразделения буквально кочевали из окружения в окружение, продолжая отчаянно сражаться на свой риск и страх...

Все же хоть редко, а случалось встретиться с людьми из сорок первого года, и то в документах бывших военнопленных, приоткрывается завеса тайны и забвения: «Сталин признал всех военнопленных изменниками Родины» и потянулись эшелоны с заключенными в Сибирь, на Воркуту, поплыли баржи на Магадан...

Почти все сибирские таежные поселки обязаны своим развитием - а многие и рождением - советским концлагерям.

Советский концлагерь - это почти экономически независи-

мое образование со своей администрацией, сельским хозяйством, промышленностью - иногда весьма мощной, - вооруженной охраной, а также штрафными лагпунктами, бараками усиленных режимов и карцерами для тех, кто не подчинялся законам ГУЛАГа.

Начальник ОПЛ - отдельный лагерный пункт - это удельные князья: он мог сгноить заключенного в шахте, умертвить непосильным трудом на лесоповале, уморить в штрафном изоляторе или, наоборот, послать его на усиленный паек, особое питание, или положить в больничку на отдых. Каждый такой начальник имел в подчинении начальников помельче, те в свою очередь, набирали помощников, которые тоже изображали из себя начальников.

...Далее читаем показания Семена Ивановича, написанные твердой рукой следователя: «По приказу командующего армией были уничтожены ценности и документы...» Скупые, сжатые строки я должен расшифровать, что скрывается за этими строками.

На основе изученных наших, к великому сожалению, скудных оперативных данных, а также трофейных карт и вышедших книг на Западе, можно представить достаточно подробную схему боев у Подвысокого.

К северу и востоку от Новоархангельска наши войска отражали натиск 11, 16, 9-й танковых дивизий а также двух механизированных (одна «Адольф Гитлер» другая - 16-я немецкая танковая группа). С запада надвигались 297, 24, 125 97-я пехотные немецкие дивизии. На юге и юго-западе (наши рассчитывали пробиться на юг!) против наших были выставлены 1, 4-я горнострелковые 257-я и 96-я пехотные 110-я и 101-я легкопехотные дивизии, да еще находилась итальянская дивизия, впоследствии оккупировавшая Первомайск.

Может быть, сегодняшнему поколению мало что говорит данный перечень дивизий немецкой армии. В таком случае должен добавить что за каждым номером дивизии до 12 тысяч хорошо вооруженных солдат, десятки танков, сотни стволов артиллерии и минометов а не простой солдат, отборные бойцы вермахта, и воинственный раскат по дорогам Европы!

...Тяжелый, слышный теперь отовсюду гул нарастая с севера от реки, тянулся по земле, прижимаемый книзу ветром, и то заглушался им, то становился отчетливо ясным. Бойцы притихли.

Нет на свете ничего тяжелее последних перед боем минут. когда все, что было за долгую или недолгую жизнь, превратившись в одно сияющее мгновение, в последний раз мелькнуло перед глазами и исчезало; когда душа надев чистую рубашку, уже приготовилась в любую минуту покинуть тело; когда мысленно прощены все долги, забыты обиды и когда вчерашний недруг отдает тебе

свою последнюю сигарку, а командир взвода, забывшись, называет по имени...

...Слева, подсвечивая небо малиновыми всплесками догорал Первомайск. Канонада слышалась теперь за ними - мощная, она была похожа на немецкую, ожесточенно-испуганную, а ровными, уверенными басами перекатывалась по равнине с одного края до другого. Ее слушали затаив дыхание.

- Хлопцы - сказал Гладков, - ведь это немецкая артиллерия гремит!

Из-за реки еще стреляли - над окопами с шорохом проносились тяжелые снаряды, рвались в поле. Вверх летели бесформенные клочья тел, каски, которых почему-то оказалось здесь слишком много, поясные ремни, котелки.

Потом выстрелы за рекой прекратились. Над притихшим миром вставало утро. В самой высокой части единственного здесь высокого холма, слабо дымило...

Отчаянные бои, которые вели 6-я и 12-я армии, в оперативном, а потом тактическом окружении с конца июля почти до середины августа, оказались в историческом плане вкладом в разгроме гитлеровского блицкрига!

В показаниях со скупыми словами описан бой за 5 августа, этот день в его жизни оказался самым черным днем.

Тогда он еще не знал, как яростно сражались разрозненные части 49-го стрелкового корпуса, стараясь пробиться к своим!

Перед ними была поставлена задача - открыть путь войскам 6-й и 12-й армий для выхода на Первомайск. Получен приказ: ликвидировать просочившегося противника. Войска занимают круговую оборону. За считанные часы были открыты траншеи.

Атака захлебывается: здоровый красноармеец несет на плече, как куль, командира. Он дотягивается до опушки вместе со своей ношей опускается на землю, густо усыпанную прошлогодними желудями и свежими патронными гильзами.

«Но прорыв не принес успеха многие наши бойцы остались на поле боя, а я в этом бою был ранен в ногу: рана оказалась несмертельная. В последнем бою вместе с оставшимися бойцами повторно пошли на прорыв, но силы были слишком неравны, не смогли прорвать оборону фашистов», - написано в протоколе допроса Гладкова С.И.

Предлагаю знакомство с протоколом допроса: «7 августа вновь собрались силами и попытались прорваться из окружения, был ранен в грудь и с большой потерей крови потерял сознание. Весь день я провалялся среди убитых, на поле боя громоздились разбитые машины, повозки и трупы наших солдат. Что-то мне снилось, как

сразу же исчезало и растворялось в безжалостной действительности. Может быть я побывал по ту стороны жизни. Сознание пришло ко мне, и увидел около себя расщепленную винтовку, вижу, гимнастерка потемнела и задубела от крови. Одним глазом я видел двойное изображение.

К счастью, я не знал, сколько потерял крови, наверное, именно неведение позволило меня подняться и зашагать.

Куда? - Раненым положено уходить в тыл. Не было тыла, вокруг шли бои, вокруг был враг невидимый на данный момент.

Ночью, 7 августа я очутился около реки. Название подзабыл после ранения».

Глава третья

Захваченные в плен наши красноармейцы томятся в загонах, в колхозных конюшнях, на скотных дворах во многих окрестных селах. Постепенно фашисты свою добычу - раненых и обессиленных бойцов - конвойные команды сгоняют в пригороде Умани в то страшное место, которое останется в истории под именем Уманской ямы.

По рассказам местных жителей узнаем, что в середине августа специальные команды вермахта разъезжали на грузовиках по округу и собирали трупы своих солдат и офицеров.

Вокруг Зеленой браны, на берегах реки Синюхи и других местах выросли холмы трупов. Они быстро начали разлагаться, солдаты спецкоманды натягивали противогазы. В качестве дезинфицирующего средства употребляли известковый раствор, поэтому в селах у жителей отбирали известь и преследовали за ее утайку (надо же белить хату...)

Снова заглянем в протоколы на вопрос уполномоченного Особого отдела, он ответил, что 49-й корпус до начала войны дислоцировался в городе Чертхов и командиром корпуса был генерал Сергей Яковлевич Огурцов, который руководил боевыми действиями от первого дня войны до последних боев под Подвысокого и погиб 28 октября 1941 г.

На вопрос «Когда вы расстались с генералом Огурцовым», он ответил, что с генералом Огурцовым расстались после второго ранения, потерял сознание около реки Синюхи в камышах.

Далее читаем протоколы: «Утром 9-го августа цепи немецких солдат расчесывали места прошедших боев чтобы подобрать раненых советских солдат. Впереди шли четыре красноармейца, подошли ко мне и помогли подняться, повели нас всех подобранных на колхозный двор в Подвысоком, где было загнано примерно около ста

человек. Потом раненых перевезли в Уманскую яму, где я пробыл до февраля 1942 г.»

В историю фашистского палачества в черную книгу мук и страданий наших солдат и офицеров вписан на украинской земле - Уманская яма.

Окупанты дали лагерю номер 182, но оказался он одним из первых на Украине, к тому же и печально знаменитых. Леденящее душу название его - Уманская яма - неизвестно как родилось но распространилось мгновенно, и не только пор окрестным селам но и перешло через фронт.

Хотелось бы чуть-чуть рассказать историю создания лагеря для военнопленных «Уманская яма».

«Фабрика смерти» начала работать в первых числах августа 1941 года после боев в окружении части подразделений 6-й и 12-й армий, общее количество военнопленных достигло более 48 тысяч, большинство из них в плен попали ранеными и контуженными.

Ферму, где разводили индеек на окраине Умани и примыкающий к ней карьер, где добывали глину для кирпичного завода, основательно загородили несколькими рядами колючей проволоки, каждые 50 метров сторожевые вышки, установили пулеметы, привезли из Германии специальные сторожевые собаки натренированных смыкать челюсти на горле безоружного человека.

Привожу выдержки из протокола допроса командира немецкого охранного батальона: «Пленные солдаты находились под открытым небом, на голой земле. Для тяжелобольных, вроде навеса, где раньше сушился кирпич, ни кухонь, ни уборных не было. Сюда привозили захваченных в Подвысоком и в округе солдат и командиров 6-й и 12-й армий. В Уманском лагере охрану несла рота нашего, 783-го охранного батальона, и поэтому я был в курсе всех событий, которые происходили там.

Данный лагерь был рассчитан при нормальных условиях на 6-7 тысяч человек, однако в то время содержалось 74 тысячи человек. Сказать, что они были размещены, нельзя, так как под каждым навесом вмещалось самое большее 200-300 человек, остальные же ночевали под открытым небом. Ежедневно в лагере умирало 60-70 человек. Кормили плохо, дневная норма составляла одна буханка хлеба на 6 человек, который, однако, нельзя называть хлебом.»

Из протокола допросов Гладкова: «Первые дни в лагере ушли на то, чтобы осмотреться и разобраться, что с нами случилось, как жить дальше. Никакие пулевые, осколочные раны, никакие увечья и контузии не могут сравниться с душевной контузией очутившихся там военных людей. Мы безоружны, брошены за колючую проволоку, беззащитны, обречены на гибель. Нет, Родина нас не

бросит! Она числит нас в своем боевом расчете, а нам осталось бороться с ненавистным врагом. Но как?..

«Сначала надо вырваться из-за колючей проволоки, - думалось по вечерам сидя на голой земле Уманской ямы. Так думали большинство военнопленных.»

Они знали, что немецкий шпионаж заползает в яму: гестаповцы, украинские националисты, подосланные белогвардейцами, шастают в этом человеческом «котле»? Заявляли о себе уголовники, которых война освободила из тюрем и неизвестно как успевшие возвратиться из ссылки, кулаки. Один предаст - гибнут многие. Если же когда пленник убегает из лагеря, то наказание получают многие заложники.

Окружение... И никаких надежд вырваться из котла не осталось, как не оставалось боеприпасов, не оставалось генералов - все героически погибли во время отходящих боев. «Котлы» устраивали не только немцы, но и свои и не без помощи излишне «вдохновенного» маршала Тимошенко.

Глава четвертая

Почему так? Бездарные и самовлюбленные карьеристы не раз сдавали в плен врагу целые армии, а их подчиненные, попав в неволю, потом на всю жизнь носили несмываемое клеймо изменников и предателей, чтобы после войны из гитлеровских концлагерей перебраться в концлагеря сталинские...

Окружение... В лесах и на дне мелких и крупных оврагов еще были слышны редкие выстрелы. Нет, не советские солдаты отстреливались от врагов, а стреляли в себя чтобы избежать позора и адские муки. чтобы не легло позорное клеймо на всю жизнь на детей.

Окружение... Партийные разводили маленькие костерки, на которых стыдливо отворачиваясь сжигали партийные билеты и документы и личные письма и фото родных и детей. У кого были кое-какие награды и те старались в приметных местах питая ничтожную надежду на то, что после победы вернуться сюда и откопать свои ордена и медали.

Окружение... По древним дорогам день и ночь тянулись длинные и неряшливые колонны военнопленных. Берлинские фанфары извещали на весь мир, празднуя победы. Геббельс возвестил по радио. что вермахт непобедим и пленил более 200 тысяч советских солдат и командиров. И каждый из этих пленных уносил в своем сердце большую гражданскую и человеческую боль, от которой не избавиться до конца всей жизни...

Окруженцы... Кто они такие?..

Эти те наши солдаты и командиры, в том числе и наши земляки, прошли фашистский плен: кто четыре, что три - два года. А кто и меньше лет. Таких у нас с двух деревень более 12 человек, думаю надо перечислить пофамильно:

Герасимов Степан Герасимович, 1899 г.р., находился в плену с 7.07.1942 по 30.04.1945 г. в Киль, Германия

Гладков Семен Иванович, 1915 г.р., находился в плену с 9.08.1941 по 2.05.1945 г. в Германии.

Воронов Арсентий Сергеевич 1903 г.р., находился в плену с 05.1942 по 8.04.1945 г. в Германии.

Касмаков Петр Никифорович, 1899 г.р. находился в плену с 12.07.1942 по 2.05.1945 г. в Германии.

Кудрявцев Мефодий Александрович, 1900 г.р., находился в плену с 13.11.1941 по 9.09.1944 г. во Франции.

Коновалов Василий Самуилович, 1918 г.р.. находился в плену с 6.08.1942 по 31.05.1945 г. в Германии.

Краснов Алексей Герасимович, 1918 г.р., находился в плену с 20.10.1941 по 3.01.1942 г., умер и место захоронения неизвестно.

Лепешкин Илья Сергеевич, 1917 г.р., находился в плену с 23.07.1941 по 13.04.1945 г. в Германии.

Никифоров (Феофанов) Антон Никифорович, 1915 г.р., находился в плену с 1.08.1941 по 22.01.1945 г. в Германии.

Петров Николай Петрович, 1921 г.р., находился в плену с 2.03.1942 по 02.05.1945 г. в Германии.

Смирнов Алексей Васильевич, 1904 г.р., находился в плену с 10.08.1942 по 9.10.1943 г. в Польше.

Тимофеев Петр Данилович, 1902 г.р., находился в плену с 02.02.1943 г. по 1.10.1944 г. в Германии.

Фомин Николай Фомич, 1916 г.р., умер в немецком плену 21.12.1941 г. Место захоронения неизвестно.

Юманков Сергей Андреевич, 1919 г.р., находился в плену с 28.06 1941 по 17.04.1945 г. в Германии.

Да, данный список подтвержден Комсомольским РВК, является официальным документом и хранится в архиве Комсомольского РВК.

У земляков, которые пробыли в плену, нет вины - все они попали в плен ранеными или контуженными.

После проверки Особым отделом армий, некоторые успели воевать в рядах Красной Армии и доказали то, что они не изменники, не предатели, достойные сыны своей Родины. Все они реабилитированы, являются участниками войны.

Так, Смирнов А.В. после плена, успел получить орден Славы

3 степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией».

Немногие земляки дожили до 40-летия Победы и были награждены орденом Отечественной войны 2 степени, в знак признания доблести и храбрости.

Кто ушел от нас рано, всем им царство небесное. Пусть земля будет им пухом!..

Глава пятая

Извините, я чуть-чуть отошел в сторон рассказом о других земляках, прошедших круги ада на земле.

На последующих допросах, а их за время прохождения проверки было без счета, мы узнаем о дальнейшей жизни в лагерях немецкого ада.

- После заживления раны на ноше и в груди, меня вместе с 18 чел. увезли в лагерь для комсостава в городе Владимир-Волынский. После сбора офицеров отправили в лагерь военнопленных в Гаммельбурге, расположенный на юго-восточной части Баварии.

В конце августа 1942 года, военнопленных в количестве 18 человек, в том числе и меня перевезли на завод электрооборудования в городе Баденштадт. Работая на заводе нелегально была образована группа из военнопленных, с целью организации саботажа. Неудачным была эта акция для меня - я был отправлен в штрафной лагерь на один месяц, да там не сладко.

После отбытия наказания нас привезли на станцию Андерлаурер в лесопильную команду.

Нас разместили в бараке по 50 человек, ночью 8 августа 1943 года маленькими пилами разрезали стену и убежали 15 человек, в том числе и я, разделившись по 3 человека, разошлись по тропинке. В основном шли ночью, чтобы не поймали нас.

Однако 29 августа 1943 года поймали нас на польской земле и потом были отправлены в тюрьму сроком на один месяц. Мы там пробыли до 25 июля 1944 года. Здесь же по подозрению в саботаже меня и еще 14 человек отправили в штрафную команду, а потом карцер г.Гаммельбурга.

По подозрению на саботаж 26 июля 1944 года повторно отправлен в штрафную команду в город Варсбург, где я пробыл до 2 апреля 1945 года.

Я со своими товарищами по лагерю Вагановым Т.И., Козыревым Н.М., Бережным Ф.М., Рыжих В.А., Астафьевым Е.И., убежал к союзным войскам, которые находились недалеко и 13 апреля 1945 года перешли линию фронта.

25 мая 1945 года мы были переданы нашим войскам, после чего были отправлены в спецлагерь НКВД № 269 на фильтрацион-

ную проверку.

После многомесячной, тщательной проверки был отправлен в 43-й запасной стрелковый полк 5-й запасной стрелковой дивизии.

Привожу строки из заключения от 18 октября 1945 года: «Я, оперуполномоченный ОКР «Смерш» 5-й з.с.дивизии старший лейтенант Киселев В.П. рассмотрел учетно-проверочное дело на Гладкова С.И., нашел, что в процессе фильтрации компрометирующих материалов на бывшего военнопленного Гладкова С.И. по состоянию на 8 августа 1945 года не получено. По другим секретным документам по розыску агентуры противник никаких данных не обнаружено».

Почитаем другие протоколы допросов товарищей по плену Семена Ивановича. Выдержка из допроса военнопленного Ваганова Тимофея Ивановича от 4 июля 1945 года: «При совместном пребывании в лагере военнопленных в городе Варсбурге с 6 июля 1944 года, я хорошо знаю бывшего военнопленного Гладкова Семена Ивановича. В свое время работал с ним на земляных работах, могу характеризовать только с положительной стороны, никогда в РАО не служил, не пользовался привилегиями.

Из показания Козырева Николая Максимовича от 4 октября 1945 года: «Его, т.е. Гладкова Семена Ивановича, я знаю по совместной работе в лагерях военнопленных, в трудную минуту всегда поддерживал добрым словом и делом, никогда и никакими благами, подачками не пользовался.»

Из показания Бережного Федора Михайловича от 24 октября 1945 года: «Я всегда относился к нему с пониманием, за все время нахождения во всех лагерях военнопленных никогда на «сачковал» на тяжелых работах».

Аналогичные показания давали во время допросов при прохождении проверки военнопленные Рыжих В.А., Астафьев Е.И., которые прошли все страдания немецкого плена.

После повторного прохождения спецпроверки, по имеющимся документам, комиссия при Особом отделе восстановила военное звание техника-интенданта 2-го ранга и уволен в запас с 6 января 1946 года.

После возвращения в родную деревню, Семен Иванович начал работать простым колхозником, а больше не полагалось бывшему военнопленному, а позднее был назначен бригадиром. Все эти годы его постоянно вызывали в РОВД и повторно устраивали допросы - проверки.

Все эти годы он нес клеймо военнопленного. Много было худого, разноречивого разговора, в каждом углу велись неприят-

ные разговоры о нем, видимо, все это напряженной жизни сказались на его здоровье.

Как в народе говорят: «На каждый роток, не накинешь платок».

Думаю, что в его смерти есть вина, при том большая доля вины злых языков многих жителей деревни, да и не только наших, а в округе.

Кому это было выгодно, пока остается тайной...

Думаю, что вытащив на суд читателей часть документов, которые касались его жизни в плену, к тому же эти документы никто из деревни не читал, да и не могли в то время, так как дело Семена Ивановича находилось под грифом «совершенно секретно».

Прочитав данный очерк, я думаю, что люди должны понять умом и сердцем, что человек не виновен перед государством и односельчанами, чиста его совесть перед богом и людьми!!!

Прошу прощения перед Семеном Ивановичем, что тревожу его прах словом, его прошлое с добрыми намерениями, чтобы раз и навсегда восстановить доброе имя человека, отца, мужа и дедушки.

Думаю, что он заслужил доброго имени, хотя бы тем, что он никогда не предавал Родину, семью, чувашскую землю, на которой он родился, вырос, где продолжают жить внуки и правнуки, которым я думаю, не безразлична чистота имени деда и прадеда, на которого многие годы вешали разные ярлыки весьма неприличного характера.

Приношу свои извинения перед его родными, если как-то и чем-то случайно задел его честь и достоинство, который прошел все круги ада немецкого плена.

Рассмотрим некоторые аспекты времени, который привел почти всех пленных.

Особое место в определении людских потерь в армии в годы войны занимает проблема, связанная с уточнение количества пленных и пропавших без вести.

Бнезапное нападение фашистской Германии на СССР поставило в тяжелые условия войска западных военных округов.

При этом было потеряна связь с войсками. Быстрое передвижение вражеских танковых группировок, их выход на фланги и в тыл обороняющихся войск, непрерывные удары авиации, диверсионные действия различных групп противника вызывали в ряде случаев растерянность как командного, так и рядового состава. Далеко не все смогли выдержать такие испытания, небывалое физическое и моральное испытание.

В результате большие группы отступающих войск, исчерпав все возможности к сопротивлению, лишены всякой поддержки,

попадали в плен - одни будучи ранеными, другие - психологически надломленными, третьи - до предела изнуренными от голода, холода и других лишений.

В любой войне бывали пленные и пропавшие без вести. Эти потери - неизбежные спутники вооруженных столкновений.

Надо полагать, условия, приведшие солдат к пленению, были разные. Как правило, этому предшествовали ранения, физическое истощение, отсутствие боеприпасов. Каждый знал, что добровольная сдача в плен по трусости или малодушию всегда признавалось воинским преступлением. Однако для основной массы советских бойцов слово «добровольно» не приемлемо. Почти все что попал в немецкий плен, испытали в трагический час тяжелый психологический удар, отбросивший их из рядов советских воинов в беззащитную массу военнопленных. Многие из них предпочитали смерть мучительному позору.

К сожалению, долгие годы, военные и послевоенные, эта тема по указанию Сталина и его окружения была запретной.

Германия вела войну против СССР в расчете на полное его уничтожение. Эта преступная деятельность наглядно проявилась и в особо жестоком обращении гитлеровцев советскими военнопленными. Их массовое уничтожение было предусмотрено в плане «Барбаросса» и в других документах. Многочисленные лагеря стали для них кладбищами. Об этом свидетельствуют документы Нюрнбергского судебного процесса над главными военными преступниками. Особенно свирепствовали над военнопленными особые команды «СС».

Приведу цифры о военнопленных: в 1941 г. в плену находились 672 705 сержантов, рядовые и офицеры. В годы войны было уничтожено 4.058.849 человек.

К сожалению, мы не можем со всей определенностью сказать о судьбе тех, кто не вернулся на Родину, где их ждал другой концлагерь - сталинский, превосходящий по жестокости обращения к заключенным.

Всем это известно, что с обоих деревень в плену в разное время побывали 12 человек. Из 12 человек, никто добровольно не сдавался в плен, это нам доподлинно известно из протоколов при перепроверке в разные годы. Надо полагать, что эти сведения находятся под грифом «секретно».

Многие документы, которые имеются в фильтрационном деле, пропущены, считаю не представляют интереса для читателя: перекрестные допросы, допросы очной ставки, свидетельские показания военнопленных, с которыми им довелось встречаться на длинных обмотках дорог в чужом краю.

Прочитав данный очерк о двух односельчанах, думаю, доста-

точно документально доказано, что они были не виновными ни перед отцом и матерью, ни перед всевышним, чисты как серебро.

Простите, нас грешных на земле, что человеческий рот как ворота, открывается и закрывается, ни о чем не думаем, что говорим...

Пусть земля будет вам пухом, царство небесное вам на века...

Глава шестая

Земля смоленская, древняя, героическая. Сколько чужеземных врагов встречала она за свою многовековую историю на всхолмленных приднепровских полях и в перелесках, грудью защищала сердце Родины - Москву. Ожерельем Руси, ключом-городом богатырской заставой величали Смоленск, за неукротимое мужество его людей, их стойкость и храбрость при защите Родины. Как писал поэт:

Не раз было небу от пламени жарко:
Ключ-город в осаде пылал.
И прежде чем вступил Минин с Пожарским,
Атаки Смоленск отбивал.
Не раз и не два заслонял он собою
Просторы великой страны.
И прежде, чем быть Бородинском убою,
Был бой у смоленской стены.

В лад этим строкам добавим прозой: ем быть сокрушительному разгрому гитлеровских полчищ под Москвой в декабре 1941 года, было знаменитое Смоленское сражение. Здесь на исконно русской земле во второй мировой войне гитлеровцы вынуждены были на главном направлении своих действий перейти к обороне. Захватив 15 июля южную часть Смоленска, фашисты в течение двух недель не могли овладеть городом. До конца июля в Заднепровье шли ожесточенные бои за каждую улицу и каждый дом. «Бои в Смоленске, - говорил бывавший командующий 16-й армией, оборонявшей наш город М.Ф.Лукин, - в северной его части, хотя и в небольшом масштабе, стали как бы прообразом борьбы за Сталинград».

Великая Отечественная война - тяжелейшее испытание в истории нашего государства.

Совершив нападение на СССР, гитлеровская Германия ставила своей целью быстро разгромить Красную Армию и уничтожить Советское государство. Планировалось массовое истребление и

порабощение его народов.

Первые удары врага приняли пограничники и дивизии, располагавшиеся вблизи границы. Начались ожесточенные сражения. Положение наших войск осложнялось внезапным нападением Германии. Войска приграничных военных округов не были развернуты полностью, имели меньшую численность по сравнению с агрессором. Дивизии противника, укомплектованные и хорошо вооруженные, обладали высокой подвижностью. На ряде направлений враг превосходил советские войска в 3-4 раза. Против СССР выступили также Италия, Румыния, Финляндия, Венгрия.

В тяжелейших условиях, в которых оказалась наша армия, советские бойцы проявили исключительное мужество, героизм, самопожертвование. Однако отрицательный исход приграничных сражений вынуждал советские войска к отступлению. Неблагоприятные обстоятельства, при которых началась война, сказались и на потерях Красной Армии. Велики они были в первый период войны.

Жертвы первых ней войны оказались велики, а неожиданно обрушившаяся трагедия, вызвавшая нарушение управления и связи, привела к тому, что порой штабам было не до учета потерь. Поэтому при обобщении этих данных использованы сведения о списочной численности личного состава соединений и объединений, фактически разгромленных противником или оказавшихся в окружении, а также архивные материалы немецкого командования.

Части и соединения попавшие в окружение, информацию о своем положении не представляли. Многие убитые, раненые на поле боя считались пропавшими без вести, часть попавших в плен стали также пропавшими без вести. Ряд неудачных оборонительных операций, и вновь количество пленных и пропавших без вести достигло почти до 35 %.

В военно-стратегическом плане Великая Отечественная война делится на три периода в каждом из которых было проведено несколько кампаний.

Первый период, продолжавшийся с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г. включая три кампании: летне-осеннюю 1941 г. зимнюю - 1941-1942 гг. и летне-осеннюю 1942 г.

Мы рассмотрим период с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г.

Киевская стратегическая оборонительная операция проводилась с 7 июля по 26 сентября 1941 г.

Операция проводилась войсками Юго-Западного фронта и частью сил Пинской военной флотилии. В ходе боевых действий дополнительно были введены 21-я армия Центрального фронта, 6-я и 12-я армии Южного фронта, 37, 38 и 40-я армии. Вновь созданные в составе Южного фронта, всего 28 дивизий и четыре бригады.

Продолжительность операции - 82 сутки. Ширина фронта боевых действий - 300 км. Глубина отхода советских войск - 600 км. Численность войск к началу операции составляло 627000 человек. Людские потери в данной операции составили: безвозвратные - 531471 чел., санитарные - 54127 чел. Всего - 585598 чел. Среднесуточные - 7141 чел.

Результаты операции. В ходе длительных (более 2,5 мес.) непрерывных ожесточенных боев советские войска оставили Киев и ряд районов Левобережной Украины, понеся при этом тяжелые потери. Однако длительная и упорная оборона войск Юго-Западного фронта и крупные потери соединений немецкой группы армий «Юг», вынудили вражеское командование усиливать эту группировку за счет войск группы армий «Центр», наступавших на главном, московском направлении. Это сыграло важную роль в срыве гитлеровского плана «молниеносной войны», безостановочного наступления на Москву.

Глава седьмая

Война!

Его как оглушило это слово. И он вдруг почувствовал что в его жизнь ворвалась такая большая беда что сравнить ее нельзя н с чем.

ОН думал о том, какое горе и испытание постигли всех наших людей и какое место он займет в общенародной борьбе.

...Рвутся бомбы, грохот, душераздирающий вой бомбардировщиков, вой несущихся к земле бомб - и солдаты оглушенные, жалкие, вживались в землю, как дети в материнский подол. На самом деле все случилось в какие-то минуты. И только слышен крик о помощи: «Санитар!»

Недалеко от станции Иваново солдаты попали под бомбежку. Ночью вдоль дороги встала вереница автомашин, тягачей повозок. Задремали уставшие водители, а на рассвете налетели самолеты с черными крестами и стали бомбить, обстреливать из пулеметов.

Появились убитые и раненые, неспособных передвигаться без посторонней помощи. Перевязку делали в основном из индивидуальных пакетов бойцов.

В ходе боев на Ржево-Вяземской операции наши части и соединения отошли в глубину на 140-400 км. Эта операция проходила в условиях, когда войска брянского Юго-Западного Южного фронтов, не восстановив силы после предыдущих тяжелых боев и не успев закрепиться в обороне, вынуждены были отражать удары пре-

восходящих сил противника. Они не сумели удержать оборонительные позиции и с тяжелыми потерями отходили в район Воронежа и на реку Дон. Противнику удалось развернуть дальнейшее наступление на Ростов и Сталинград.

...Обстоятельства разгрома дивизии таковы. На рассвете гитлеровцы начали теснить наших. В помощь отступающим нашим частям советское командование бросило стрелковую дивизию, которая вступала в бой прямо с марта. Не дав нашей дивизии развернуться, подразделения начали энергичное наступление во фланг противнику. Остальные соединения были окружены силами гитлеровских группировок при помощи танков и многочисленными автоматчиками.

Наши бойцы попытались прорвать кольцо окружения, но не смогли: не доставало боеприпасов, были ранены более 50 процентов и командиров. На все попытки прорваться с малой группой было встречено сильным кинжальным огнем противника.

После суточного боя, кольцо сомкнулось. На поле боя много убитых наших бойцов.

Так, противник взял в плен остатки бойцов и командиров среди них был наш земляк Тимофеев Петр Дмитриевич.

После сбора всех пленных небольшими группами стали отправлять в Германию, где он был освобожден нашими войсками.

После проверки Особым отделом «Смерш» был направлен в запасной стрелковый полк НКВД.

Вернулся домой в 1946 году и стал работать в колхозе.

Трагедия под Подвысоком

Коновалов Василий Самуилович родился в 1918 году в деревне Нюргечи Новошимкусской волости.

До начала войны оставалось два года. После призыва на действительную службу был направлен на должность звукометриста 441-й в корпусной артиллерийский полк, который дислоцировался в Рава-Русской.

Беседуя с ветераном о прошедших первых днях войны он вспоминал: «Часов в десять утра фашисты силой до батальона пехоты при поддержке танков стали контратаковать.

Первые же залпы оказались точными. Две вражеские машины завертелись на месте, их охватило пламя но другие, не сбавляя скорости, продолжали рваться вперед. Расчеты несли потери. Полуоглохшие бойцы от разрывов снарядов продолжали вести бой.

...Враг вновь стал контратаковать. Фашисты шли во весь рост, вперед и шли танки с автоматчиками.

Командир отдал приказ открыть огонь по танкам противника. Сразу же загорелся один танк, один броневик, а третий танк завертелся на месте, была подбита гусеница.

...Алая, растекающаяся, густеющая и принимающая темно-вишневый оттенок в летнюю жару. Мне знаком и цвет ее, и пресный, берущий за сердце и за горло запах. Мне знакомы и люди в мундирах мышиного цвета, и руки их, с засученными по локоть рукавами, и по локоть обгаренные кровью...»

На данном участке обороны батареи противник был остановлен. Однако от разрыва снаряда он тяжело контужен и ране в ногу...

Глава первая

Война... Ночью внезапно разразилась гроза. А утро выдалось без единого облачка и до того жарким, что твердая земля учебного плаца к подъему полка. День обещал быть ясным, солнечным.

Сразу же после завтрака второй взвод первой батареи в приподнятом настроении выстраивается у трехэтажного здания казармы.

- Становись! Равняйся! - командует сержант Смирнов. - Смирно! Шагом марш! Раз...Раз... Раз, два, три!.. Запевай!

Последнее уже относится взводному запевалу.

Прошлой осенью, в первый же месяц службы, всех новобранцев еще и не умеющих как следует маршировать, обязали научиться петь в строю, а одного из них - запевать.

Строевое пение часто им, бойцам, доставляет удовольствие:

есть возможность на людей посмотреть и самим покрасоваться разрешено на улице орать во всю глотку, да можно еще за это охватить благодарность командира. Приятно когда прохожие останавливаются, улыбаются и, вероятно, думают: «Эти молодцы сумеют сокрушить врага!»

Но вот уже звучат последние слова припева:

... А то откроем сокрушительны огонь!

- Правое плечо вперед! - отрывисто бросает сержант и взвод с песней выходит из ворот военгородка.

Два-три километра по грунтовой дороге, и постепенно пыльный плац, обнесенный высоким забором, душная казарма, а потом и город скрываются из виду.

- Взять направление на лес - разносится голос Смирнова.

Взвод сворачивает на ароматное поле, усеянное ромашками и золотыми лютиками. Как хотелось скорее дойти до лиственной рощи и окунуться в прохладную тень деревьев.

У самой опушки где густая трава выше колен и влажная еще от ночного дождя, раздается тихая команда:

- Разойтись!

- Перекур с дремотой, - весело добавляет один из бойцов.

Может ли быть что-нибудь лучше отдыха на сплошном душистом ковре?

Ложиться навзничь, не спеша разминаешь папироску, чиркаешь спичкой о коробок и с наслаждением делаешь глубокую затяжку. Любо-дорого!

Василий смотрит в бездонное голубое небо и думает...

До чего хорошо у него сейчас все складывается...

В армейскую жизнь, слава богу, уже по-настоящему втянулся: не страшны ни ранний подъем, ни поздний отбой, ни физподготовка, наконец-то привык к пище и даже прибавил в весе. Теперь я боец не хуже других, правда, еще не отличник боевой и политической подготовки, но зато - наводчик.

Все лежат на траве. Одни грызут травинки и думают о чем-то своем, другие с удовлетворением пускают вверх дым и лениво перебрасываются короткими фразами, кое-кто дремлет, лишь некурящий командир орудия Смирнов прогуливается туда и обратно. Видимо, он считает что лежать вместе с рядовыми на траве - поза, не совсем подходящая его званию. Два треугольника на петлицах обязывают. Но он не разрешает себе отдыхать еще и потому, что приходится часто поглядывать в сторону казармы откуда с минуты на минуту должен появиться командир взвода.

Смирнов в отличие от первогодков, служит уже третий год и осенью пойдет в запас. Небольшого роста, полнощекий крепыш, он по природе своей мягок, незлобив, кричать не умеет и всегда зали-

вается румянцем, когда делает кому-нибудь замечание по службе. Его слабые струнки все хорошо знаем - не терпит панибратства, шуток не воспринимает но любим его за справедливость.

Занятия на свежем воздухе по строевому уставу сегодня будет проводить командир взвода лейтенант Ковалев, который только прошлой осенью окончил артиллерийское училище. Он ненамного старше своих подчиненных, высокий, угловатый, стесняется пушка на верхней губе. Чтобы выглядеть солиднее он разрешает себе иногда повышать голос, давать советы, не относящиеся к службе. Но его молодость выдает неожиданная улыбка, которую он не может сдержать, когда слышит что-нибудь остроумное. Теперь он почему-то опаздывает, хоть бы еще на час-другой задержался. Куда нам спешить? Терпения и запаса тоненьких папирос, или как мы их называли, гвоздиков, до обеда хватит. И пока его нет, можно немного понежиться. А солнце такое ласковое, небо такое голубое...

Никто из них не предполагал, что до начала Отечественной войны осталось всего семнадцать дней, такого отрадного, безмятежного утра уже не будет четыре долгих года! А для большинства - никогда!..

Со стороны военного городка к нам бежит батарейный дневальный и, размахивая руками что-то издали кричит.

- Тревога! Всем - в казарму! Приказано - срочно! - запыхавшись, докладывает он сержанту.

- Что там случилось?... заныли некоторые. Не дадут полежать.

- Не обсуждать приказы! Бегом, - командует громко Смирнов и первым устремляется вперед.

Черт знает что! Видно, снова какой-нибудь марш-бросок или поход, которые мы недолюбливаем. Сколько можно!

Полмесяца тому назад, среди ночи батарею подняли по тревоге. Бойцы с заспанными глазами тут же начали шепотом передавать друг другу что ничего, кроме построения, не ожидается и что все будет так, как это произошло за неделю до того: вслед за командами «равняйся, смирно разойтись» мы спокойно пойдем досыпать. Не находя нужным по такому случаю утруждать себя некоторые «умники№, в том числе и я надели сапоги без портянок. Из десятикилометрового похода с натертыми ногами я еле дополз до казармы.

А на прошлой неделе - снова бросок на пять километров, но уже с карабинами, противогАЗами и скатками. На этот раз, наученный горьким опытом, намотал портянки как следует. Еще волдыри и ссадины полностью не зажили а пришлось бежать, да еще в противогАЗной маске. Ну, а об усталости хоть маршрут и был вдвое меньше прежнего, не стоит и вспоминать.

...Как не хочется в такой чудесный день вставать с этой не-

жной травы с дурманящим запахом. Но мы почти бегом возвращаемся в расположение полка.

А в военном городке небывалая суматоха, все куда-то спешат и что-то перетаскивают, со всех сторон доносятся приказы, на лицах людей волнение и озабоченность. Видимо, скоро снимаемся с места.

Долговязый старшина Пименов (Пимен, как мы его между собой зовем), наш помкомвзвода, громко кричит и по привычке размахивает правой рукой. Его большие уши (из-за которых старшину еще называют Лопухий) горят словно зимой на морозе.

- Чемоданы и баулы не брать, - приказывает он, - личные вещи складывать в кузов.

Мы цепляем к трактору-тягачу наши 76-мм пушки, погружаем в грузовики с прицепами ящики со снарядами, приборы в чехлах, мелкое имущество батарей.

- Куда собираемся? - допытываемся мы у бойца из второго дивизиона.

- Бог его знает, - он пожимает плечами - на обычный поход не похоже. Видать маневры будут.

Глава вторая

Весной уже такое было. В дождливый день во время занятий в теплом, уютном классе, вдруг - команда: «Тревога всему полку! Солдаты давно ждали обещанных маневров боевых стрельб из пушек. внутренне были к этому готовы но все равно, когда узнали, многие так разволновались что забыли взять с собой даже самое необходимое, хотя всех предупредили: «Не оставляйте личные вещи».

Наш молоденький лейтенант суетился больше всех. Это были его первые серьезные учения в должности командира, и он старался, чтобы все прошло строго по уставу. Перебегая от отделения к отделению, он отдавал десятки приказаний и успевал поучать одних и подбадривать других.

А Пименов, как обычно, тщательно проверял, подшиты ли свежие подворотнички, застегнуты ли все пуговицы на гимнастёрках, блестят ли сапоги как зеркало, не курит ли кто исподтишка.

Орудия на позициях установили в вырытых точно по уставу окопах, цели для расчетов - тоже по всем правилам, палашки поставили строго в ряд. Особенно парадно выглядели уграмбованные и посыпанные белым песком дорожки. Два дня упорного труда превратили лагерь в «конфетку». Поработали на славу!

Строго следуя «Букве устава», раздавались и повторялись, словно эхо, по всему полку бодрые команды:

- Прицел... Заряд... По пехоте - дальнобойной гранатой - огонь!

Как четко и слаженно работали расчеты! Хотелось петь во все горло: «Врагу мы скажем: Нашу Родину не тронь, а т откроем сокрушительный огонь!»

После учений старательно чистили материальную часть, потом прослушали политбеседу и завалились спать. Как говорится: «Солдат спит, - служба идет».

На общем построении полка - плотный, коренастый, с хорошо поставленным голосом - поблагодарил личный состав за хорошую стрельбу, за отличную воинскую выучку и речь свою закончил словами великого полководца Суворова: «Тяжело в учении - легко в бою!»

В расположение полка мы вернулись как победители.

Маневры длились четыре дня. Мне и многим другим они понравились. Приятно было хоть как-то изменить течение повседневной жизни, почувствовать себя настоящим воином, первый раз понюхать пороху. И не беда, что уши заложило. Привыкнем!

Но сегодняшние сборы совсем не похожи на прежние. Старослужащие водители в один голос твердят:

- Так много снарядов на учения никогда не брали. Что-то здесь не то!

Наконец все готовы. Сидим в кузове тягача и ожидаем дальнейшего развития событий. Наш водитель разогревает мотор и ждет сигнала тронуться в путь.

Иван Шалунов, наш водитель, белобрысый, с глазами навыкате, с вечно приоткрытым ртом, неразговорчив. Ребята над ним постоянно потешаются, но это - напрасный труд: на шутки Ванюша не реагирует, с него как с гуся вода, молчит, да и только.

Рядом с водителем в кабине сидел Пименов. Теперь нам придется как шутят остряки, спокойно сидеть «по стойке смирно» и ждать какого-нибудь выговора потому что Пименов родился старшиной, никем другим быть и не может и основой службы считает послушание, которого готов добиться любыми средствами.

Одетый с иголки, важный, он восседает в кабине тягача, кажется, ничем его не прошибешь. Но вот кто-то из другой батареи проходит мимо, и Пименов в одну секунду становится самим собой:

- Стой! Почему такой расхлябанный? Подтяни ремень, застегни воротничок, разгильдяй!

Батарея, где я служу, необычна не только для нашего гаубичного полка, оснащенного 12-м орудиями, но и для всей Краснозна-

менной дивизии.

В батарее немного моих земляков - все мы были призваны осень 1939 года. С Коровиным у меня отношения самые лучшие. Мы с ним соседи по верхнему ярусу двухэтажной койки и в буквальном смысле дышим ночью друг другу в лицо.

Теперь, прижав скатку одной рукой, карабин - другой он сидит насупившись слева от Смирнова.

В кузове рядом с Коровиным - азербайджанец Мамедов - Мамед, как все его называют. Он небольшого роста. С типично кавказским лицом. Житель города баку русский язык знает не хуже родного. Прекрасный художник он до службы в армии окончил художественное училище, но здесь это от всех скрывает.

- Зачем афишировать? - доверяет он мне по секрету. - Еще заставят оформлять стенгазету, которую, честно говоря, я не принимаю всерьез.

Раздавая гостинцы из дома, всегда добавляет:

- Попробуйте кавказские сладости, ах, ах. Ах!

Это он произносит в нарочитой восточной манере. Закатывая глаза, разводя руками и причмокивая.

- Мамед, когда еще пришлют тебе «ах, ах, ах»? - часто подшучивают над ним.

Воинская служба этому человеку, на котором армейская одежда висит мешком, в тягость. Он любит рассказывать о своих дорогих родителях пишет им каждые два дня и говорит обычно только о гражданке. И сейчас он не принимает участия в общем разговоре - вероятно, думает чем-то своим, далеко.

Рядом со мной сидит таджик Каримов, по-русски говорит медленно, с акцентом на голову выше из нас телосложением - богатырь, славится отменным аппетитом и один с легкостью передвигает наше оружие. С Мамедом у него вечные шуточные перепалки о том, чьи национальные блюда вкуснее и чьи сладости наилучшие - его таджикские или азербайджанские. Зная много общих слов они часто беззлобно бранятся на непонятном нам языке, а мы улавливаем только «шайтан-шайтан». Но когда дело идет о чем-нибудь серьезном, оба переходят на русский.

Между тем все уже в сборе и с минуты на минуту ждут приказания «Приготовиться к маршу!» Командир взвода еще раз проверяет нашу готовность наспех делает сержанту Смирнову кое-какие замечания и торопливо убегает. Водители заводят моторы, из казармы бегут опаздывающие, слышен скрежет отворяемых ворот военного городка.

Наконец выезжаем из военного городка.

Позади казарма широкий плац...

Получасовая остановка. Здесь мы получаем снаряды, противогазы и ящики, окрашенные в зеленый цвет.

- Такого еще не было, - произносит обычно неразговорчивый наш водитель Пастухов.

Первогодки, не усматривают в этом ничего удивительного - значит, будут маневры всей нашей дивизии или даже округа.

Пересекаем Тирасполь - старинный уютный спокойный город. Полк со всей техникой, кухнями. Санчастью и другими службами медленно двигается к Днестру, где всего год назад проходила наша граница с Румынией. Теперь она выглядит по-другому: всюду заброшенные или недостроенные доты, противотанковые надолбы заколоченные пограничные заставы. Видно что тут создавалась отличная оборонительная линия, но строительство ее было прекращено.

Полдень. На небе ни облачка, солнце нестерпимо жжет, а мы на открытых тягачах по мосту пересекаем Днестр - быстрюю, полноводную реку. Сразу же за мостом - Бендеры.

Продвигаемся вперед в западном направлении; но куда едем никто не знает - это военная тайна.

Две недели стоим лагерем западнее города Бендеры. Спим в палатках, занятия проводятся в поле и в молодом, не дающем прохлады лесу, все время ходим с противогазом через плечо. Прицепы ломаются от ящиков со снарядами, а маневров почему-то нет.

На рассвете 18 июня полк по тревоге снимается с места и к вечеру останавливается в небольшой роще у высокого берега реки Прут. Ужинаем, разбираем палатки и все, за исключением дневальных и часовых, засыпаем как битые.

Глава четвертая

А утром непривычно ранний подъем и работа без передышки. Надо вырыть окопы для орудий ячейки для расчетов, благоустроить территорию лагеря. Нет даже возможности поглазеть на открывающуюся за рекой чужую нам Румынию с безлюдными зелеными холмами и голубой дымкой тумана вдаль. Государственная граница, до которой буквально рукой подать, совсем обыкновенная - узкая змейка синей реки с заросшими берегами, и видно пограничных столбов, застав и пограничников.

Спрятав поглубже в землю орудия, маскируем брустверы дерном, окопы и щели - ветками палатки - молодыми деревьями. Со стороны, мы считали, никто не догадается что здесь расположился целый артиллерийский полк. Бойцам приказано поменьше показываться на открытом месте и ни в коем случае не приближаться к

реке. А как хотелось бы освежиться в такую жару! Отдыхаем лишь в роще и ползком собираем землянику, которой здесь видимо-невидимо.

Через два дня наша жизнь входит в обычное русло проводят-ся разные занятия и не забыта даже набившая оскомину строевая подготовка правда, подальше от границы. Но особенно вызывает интерес беседы на политическую тему.

Бурно обсуждаем сообщение ТАСС, опубликованное в «Правде» 14 июня: «...Советский Союз стал будто бы усиленно готовится к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней... Ответственные круги в Москве все же сочли необходимым уполномочить ТАСС заявить, что эти служи являются неуклюже состряпанной пропагандой...»

Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное. Как обучение запасных...»

Конечно, мы были правы - предстоят маневры, войной и не пахнет, во всяком случае, мы, бойцы, этого не чувствуем. Замполит уверяет, что Германия не посмеет развязать войну, так как у нас с ней пакт о ненападении. НО если, паче чаяния, дурные головы начнут военные действия то агрессия будет отражена и сражения перенесены на территорию противника,* а весь немецкий рабочий класс сплотится и ударит с тыла по фашистам.

21-го вечером часть нашей батареи в том числе и я заступаем в наряд. Караульное помещение размещается в палатке, начальник сегодняшнего караула - старшина Пименов. Как всегда, помкомвзвода чисто выбрит, с подшитым чистым подворотничком. Когда он уходит проверять посты, у нас завязывается непринужденная беседа.

Мысленно, как всегда, сочиняю письмо домой, которое завтра настрочу: «Дорогие мои родные! Моя воинская служба проходит хорошо, осенью домой приеду...»

Мог ли я думать, что четыре год не смогу написать ни одного письма...

В три часа ночи 22 июня с несколькими бойцами я заступаю на пост в орудийном парке. В сорока шагах от нас - встроенные островерхие шатры- палатки еле видимые в темноте. Полк спит. Желание побороть сон притягивает нас часовых другу к другу, и мы попыхивая папиросами разговариваем вполголоса. Дневальные у палаток тоже собрались вместе. Издали -мелькают еле заметные огоньки курильщиков, слышен чей-то хриплый кашель.

Пахнуло свежестью. С каждой минутой становится светлее, туман над рекой - прозрачнее, в роще просыпаются птицы.

На рассвете, когда бороться с дремотой совсем неуможно, со стороны Румынии вдруг доносится нарастающий гул а вскоре появляется движущаяся темная туча. Еще немного, и можно уже различать несметное количество летящих на большой высоте необычных остроносых самолетов. Плотным ровным строем они пролетают над нашим лагерем а мы беззаботно и с удивлением смотрим им вслед. Нам и невдомек, что мы являемся одними из первых свидетелями страшного исторического события, перевернувшего судьбы всех людей.

Проходит всего пять минут и на востоке, за горизонтом, куда улетели самолеты, раздаются глухие отдаленные разрывы, которые через несколько мгновений сливаются в сплошной грохот и гул. Высоко в небо поднимается огромный густой столб черного дыма и огня.

Не успеваем как следует осмыслить происходящее, а самолеты в таком же строгом порядке, с еще большим завыванием возвращаются тем же маршрутом обратно. Им только сейчас, при первых лучах солнца мы ясно различаем зловещие кресты на крыльях.

Холодок пробегает по всему телу... Возможно ли? Ошеломляющая мысль пронизает сознание:

Война?!

Как случилось что мы стоящие на страже, потеряв осторожность, торчим на открытом месте, не маскируемся и беспечно смотрим в небо? Надо было сообразить сразу - из-за реки могут прилететь только вражеские самолеты. Никто из нас не догадался поднять тревогу и доложить командирам о нарушителях границы. Но разве одни мы сплеховали? Теперь понятно что весь полк размещенный в аккуратных светлых палатках, вся слегка замаскированная техника стоят на виду.

А что, если они еще раз прилетят, но на этот раз к нам?

Вскоре первый шок внезапности проходит. И теперь командиры бегают и суетятся. Один приказ сменяет другой. Привычный распорядок дня рушится. Слышим только общие приказания: быть в боевой готовности, окопаться поглубже, все тщательней замаскировать. На лицах многих растерянность невероятные слезы растут, как снежный ком. Нам объясняют: главное - не поддаваться на провокации врага. Такое было в конце сентября 1939-го в Польше, немцы обстреляли наши части, однако те не дали вовлечь себя в авантюру, не ответили.

Не проходит и часа как над нами появляется одномоторный самолет, уже хорошо видны немецкие опознавательные знаки на крыльях. На бреющем полете фашист делает два круга над лагерем, выпускает несколько длинных пулеметных очередей и скрывается. А

мы обсыпав себя для маскировки травой и ветками, еще долго продолжаем лежать на дне щелей. На первый раз жертв нет. Волнение в полку сильное. Говорят, что на других участках границы провокация немцев тоже не удалось - наши не отвечают.

Полк больше не обстреливают врагов невидно, и некоторые оптимисты делают вывод: «Наверное все обойдется!..»

Еще до завтрака в батареях начинаются летучки и митинги, которые сменяются земляными работами: орудия закапываем как можно глубже, ходы сообщения проводим на сотни метров и все старательно укрываем дерном, срубленными деревьями. Только часам к пяти узнаем что сегодня днем оп радио выступал товарищ Молотов и сказал, что началась война.

Как только темнее, раздается приказ - передислоцироваться на другое место. Мы оставляем окопы, вырытые с таким трудом.

Глава пятая

Первая военная ночь. Движемся в темноте близ Прута, против его течения. Совсем близко, справ аи слева идут бои - слышна стрельба, рвутся снаряды, взлетают ракеты. Через час-полтора новый приказ: занять удобные позиции и окопаться так, чтобы только один замаскированный ствол выглядывал из-за бруствера. Работаем до утренней зари. Для себя поспешно копаем индивидуальные окопчики и мгновенно засыпаем в них.

А с восходом солнца нас, нисколько не отдохнувших, будит грохот артиллерийской канонады. Теперь приходится жалеть о неглубоко отрытых окопах, и мы роем их лежа, прижимаясь всем телом к земле - надо как можно скорее углубиться. Это уже делаем без приказа, и на усталость никто не жалуется. После обстрела, который кажется нам бесконечным, командир взвода, повторяя за комбатом, командует:

- Орудия к бою!

И мы ведем огонь из укрытий. Четко как на последних маневрах, одна за другой следуют громкие команды:

- Прицел... Взрыватель... Заряжай...

- Огонь!

От бесконечного повторения команд у сержанта Смирнова садится голос. Мы уже все в поту и копоты. Но сколько уверенности и бодрости придает нам этот десятиминутный бой - наше первое боевое крещение.

Радуемся, однако недолго - мимо батареи на носилках несут двух убитых. Не свожу глаз с окровавленных тел и чувствую, как во рту становится сухо, а волосы на голове начинаю шевелиться.

Все бойцы молчат. Принесенный завтрак никому не лезет в горло. Из мрачного состояния выводит распоряжение:

- Улучшить окопы! Отрыть для каждого расчета щели полного профиля! Надежно замаскироваться!

Вскоре все расчеты и весь полк еще раз убеждаются в реальной пользе этих изнурительных работ. С запада надвигается вражеская авиация. Сначала мы насчитываем двадцать самолетов, потом пятьдесят, шестьдесят, затем и счет теряем. Трудно сказать, сколько времени пикирующие бомбардировщики бросают бомбы на нас и соседей, сколько раз со страшным ревом снова и снова идут в пике. Уткнувшись головой в дно окопа, думаешь лишь об одном: вот сейчас бомба угодит в окоп и разнесет тебя на части.

Самолеты, совершив свое черное дело, поворачивают обратно, и тут мы впервые слышим тьявкающую стрельбу наших зениток. Где же вы раньше были?! Или тоже, как и мы не могли оторвать головы от земли? И почему не видно нашей авиации? Ни одного самолета! В самый раз верткими истребителями расстроить и уничтожить скопище идущих без прикрытия немецких бомбардировщиков.

Самолеты скрываются за горизонтом, а некоторые бойцы тут же в окопах засыпают - ночью не сомкнули глаз. Настроение у наших подавленное в ушах - болезненное ощущение, страшно хочется пить, нор вблизи ни колодца, ни ручейка. Делимся мыслями, не дающими покоя: почему немцы нес безнаказанно бомбили? Может быть вправду наша авиация действует на других участках фронта, как нам объясняют? Командованию конечно, виднее, но до боли стыдно и обидно, что враги ушли без потерь...

Немного погодя устанавливается прочный распорядок: днем держим оборону - стреляем в невидимого противника которые тоже нас обстреливает и бомбит с воздуха. Спим в перерывах между боями под открытым небом, в пыли, а после дождя - в грязи. А ночью - непереносимое передвижение, поиск позиций и рытье окопов до самого восхода солнца. При такой жизни уже через неделю все валятся с ног от усталости.

Поначалу движение в темноте кажется безопасным - авиация не тревожит, и артиллерия не проявляет активности. Но за лязгом тракторных гусениц и ревом моторов часто невозможно расслышать команды, без которых трудно ориентироваться. Случается, даже поворачиваем не в ту сторону, в которую надо. Тогда приходится глушить двигатели и вслушиваться с какой стороны доносится шум наших тягачей.

В полку еще несколько убитых, много раненых, одно орудие разворочено прямым попаданием. А наша батарея цела, тяжелых

потерь нет.

День ото дня становится все труднее, но со многим мы уже свыклись. Лишь нельзя смириться с тем, что не битыми, вынуждены по приказу отходить. То, что мы в лицо не видим врага, понятно. Дело артиллерии, тем более гаубичного полка, стрелять в основном из-за укрытия. Но до каких пор мы будем менять позиции и вести только оборонительные бои? Говорят, что наше отступление - стратегический маневр на этом участке фронта в других местах громят немцев на его территории севернее полностью разбили. А некоторые шептуны уверены: отход - дело рук предателей. Говорят, говорят... Самое плохое в таком положении - отсутствие информации, конкретно никто ничего не знает. Раньше мы были уверены что разгромим фашистов в первые дни войны, но получается совсем иное - мы обороняемся, и немецкие сам головы поднять из окопа. Откуда только они берутся в таком количестве ?

- Где же вы «сталинские соколы»?

Ищут бойцы в небе наших.

Как-то появился «ястребок» покружил, помахал крыльями, и на душе стало легче. Вскланиваем из окопов, приветливо машем ему руками... Вдруг он резко пикирует и обстреливает нас из пулемета. Коварный фашистский обман.

В разгар одной сильной перестрелки когда мы беспрерывно посылаем снаряд за снарядом к нам прибегает пехотинец. Весь в копоти, без пилотки, он отчаянно кричит:

- Что вы делаете? В своих стреляете!.. Туды вашу...

Прекращаем огонь. Под гимнастерку заползает холодок: откуда такая ошибка, кто в этом виноват? Пока командиры разбираются, в какой стороне противник, а где своя пехота полк попадает под массированную бомбежку. В результате несколько убитых, два орудия разнесены на куски.

От цветов пестрит в глазах, но любоваться природой некогда. Деревья и кустарники служат лишь средством маскировки. Часто орудия устанавливаем в виноградниках и фруктовых садах; виноградной лозой с недозрелыми ягодами укрываем пушки снарядные ящики и открытые окопы. На марше водружаем в кузов, как прикрытие, черешню со спелыми ягодами или яблоню с незрелыми плодами, а пути их съедаем.

Кухню разбомбили, питаемся кое-как, есть все время хочется. Вместо горячей пищи выдают сухой паек -пшеничные концентраты, иногда смешанные с живым муравьями. Брикет заливаем водой, и большинство насекомых всплывает. Ничего, есть можно. Ребята смеются - каша «с мясом». В адрес Мамедова летят шутки: «Это тебе не кавказские сладости, ах-ах-ах!»

У Карима неожиданно обнаруживается талант ловкого добытчика пищи: все что ему удается достать, тащит в отделение. И в бою богатырская сила Карима как нельзя кстати - никто не может переташить больше, чем он, ящиков с снарядами.

Горд Бельцы пересекаем днем. Впервые наблюдаем такое жуткое зрелище: на каждом шагу руины, пожарища, город в дыму, а немцы не прекращают бомбежку. Но самое ужасное - вид военного аэродрома с обгорелыми, исковерканными самолетами, так и не успевшими подняться в воздух.

Теперь понятно, почему нас 22-го не бомбили - стервятники летели к цели, куда более важной, чем артиллерийский полк. Теперь ясно, почему наших самолетов не видно в небе - они сгорели на земле...

Подходим к останкам, которые еще недавно были боевыми машинами, трогаем обугленную ткань плоскостей, пробитую осколками фанеру фюзеляжей.

Между собой бойцы толкуют: как случилось, что аэродром вовремя не перебазировали? Ведь об угрозе войны уже было известно, раз наш полк перебросили к самой границе...

Прошли сильные дожди мосты на реках размыты. Приходится делать объезды, перебираться по настланной гати. Материальная часть в грязи, в сапогах сыро, прилечь негде. Спим в кузове тягача, навалившись друг на друга.

В дороге нас догоняет тяжелое известие - прямым попаданием снаряда убит командир полка Федоров. А нам казалось, что рядовые бойцы более уязвимы, чем командиры. Ведь штаб находится за передовой.

Во взводе есть слегка раненые: кого задело осколком, у двоих небольшие осколочные царапины но никто не думает обращаться в санчасть.

Сержант Смирнов не может отделаться от хрипоты. Шутками, на протяжении каждого боя перекрикивая канонаду, бесконечно повторять во весь голос команды: «Прицел... Осколочным... Заряжай... Огонь!» Начинаем ощущать недостаток в снарядах. «Беглым огнем!» - слышим все реже и реже. Этот придающий бодрость приказ из-за экономии боеприпасов постепенно забывается.

Глава шестая

С первых дней войны враг регулярно забрасывает нас листовками - разноцветными бумажками, напечатанными дореволюционным шрифтом:

«Вы окружены, сдавайтесь!..»

«Эта листовка послужит вам пропуском в немецкое расположение где вас ждет хорошая пища и гуманное обращение...»

«Бейте комиссаров и жидов - это ваши кровные враги...»

Но все понимают, что кровный наш враг - это фашизм!

С начала войны почта и газеты к нам не поступают. Даже командиры в редких политинформациях не могут объяснить происходящее. Одно ясно: отступление - это вызванный необходимостью маневр командования. Мы твердо убеждены, что все равно победим.

С боями отступаем на запад. На подходе к переправе через Днестр нас потрясает невиданное скопление людей, повозок, автомашин, пушек. Недавние ливни превратили три дороги, ведущие к мосту в сплошную липкую грязь, в которой вся техника застревает. На мосту поверх рельсов положены деревянные щиты, но и здесь не лучше: заторы возникают на каждом шагу. Медленно, с частыми остановками, едем по этому настилу а немецкие бомбардировщики небольшими звеньями то и дело бомбят переправу и поливают пулеметным огнем.

Отойдя километра полтора от Днестра после всех передраг мы приводим себя в порядок, уточняем потери. Из третьего дивизиона неизвестно как пропало одно орудие с расчетом, из нашего отделения исчез Кириллин. Прошел слух, что он погиб на мосту, но, как это произошло, никто не знает, свидетелей нет. Скорее всего, что в сутолоке никто ничего не заметил.

Через два дня завязывается ближний бой. Хорошо видны солдаты в зеленых мундирах с закатанными рукавами, но сейчас не до наблюдения - стреляем беглым огнем прямой наводкой. Немцы не продвинулись ни на шаг - видимо, и у них большие потери. Есть потери и у нас: несколько разбитых орудий, есть убитые и раненые, но свежих пополнений нет. После боя едва держимся на ногах, валимся тут же, у пушек, и кажется, ничто уже нас не может поднять.

А комвзвода тормозит каждого: «Окопаться, окопаться!» Но рыть окопы мы уже не в состоянии и продолжаем спать.

Часа через два подъем, а чтобы немцы не услышали, будят всех поодиночке. «По машинам», - потихоньку передаются из уст в уста, и мы отправляемся занимать новые позиции. Все понимают: необходимо срочно оставить это поле, где мы не успели зарыться в землю. Завтра чуть свет нас здесь могут в упор расстрелять.

Снова нечем вести кинжальный огонь - снарядов осталось мало.

Бесшумно цепляем орудия к тягачам и, проехав километров десять-пятнадцать, располагаемся на новом месте.

В полку совсем худо: большие потери в людях и технике,

бойцы крайне измотаны. Но неожиданно мы получаем небольшую передышку: наша дивизия будет входить в резерв командующего фронта. Теперь, реже участвуя в боях, мы приводим себя в порядок, чиним материальную часть, получили пополнение.

...Большая колонна машин, танков и орудий еще с ночи стоит в середине утопающего в садах села. Передние машины буксуют в непролазной грязи, остальные, приглушив моторы стоят на месте. Мы, как всегда в пути, дремлем в кузове. Внезапно раздается отчаянный крик: «Воздух!!!»

Сон как рукой сняло. Видим, в бреющем полете прямо на нас идут несколько немецких стервятников. Со всеми вместе прыгаю за борт, стремительно бегу за хату в огород, бросаюсь между грядками и прижимаюсь лицом к земле. Самолеты, сделав несколько кругов и сбросив десятка два бомб, улетают. После недолгой тишины в колонне понимается невообразимый шум.

- По машинам! - перекрикивая всех, доносится голос старшины Пименова.

Бежим к тягачу. Вокруг пылают хаты, дымят разбитые, искорверканные грузовики. А наш же трактор и пушка целы - мы и впрямь счастливы!

Июль на исходе. Дивизия наша уходит все дальше вглубь Украины. К вечеру, останавливаемся на опушке густого, прохладного леса с зарослями кустов усыпанных зрелой малиной. После того, как были отрыты окопы для орудий узнаем малоприятную новость: прямо на нас движется вражеский танковый корпус. До сих пор наш гаубичный полк комплектовался в основном фугасными снарядами, бронбойными снабжалась только первая батарея. Подсчитываем свои запасы - восемь бронбойных снарядов на три расчета. Даже если вести прицельный огонь, боеприпасов хватит всего на несколько минут.

Приказано стоять насмерть! Настроение в батарее у всех одно - сражаться до последнего.

Ночь проходит тревожно, никто не спит. Утром за неглубоким оврагом в чистом поле показываются немецкие танки. Их очень много и движутся они развернутым строем на нас. Их очень много, вот уже отчетливо видны черные кресты на броне, все громче слышен лязг гусениц.

Напряжение нарастает с каждой секундой.

- Не обнаруживать себя, подпустить поближе, - по цепочке передается приказ.

- Приготовиться к бою!

И вдруг перед самым спуском в овраг очевидно не заметив нашей засады, танки поворачивают в обход леса. А спустя некоторое

время они исчезают из виду, рев моторов постепенно затихает.

Только сейчас понимаем, что таким ничтожно малым количеством бронебойных снарядов, без бутылок с зажигательной жидкостью остановить танки мы не смогли бы.

...По приказу командования продолжаем отходить на восток. Прошел слух, что сплошной линии фронта нет, на флангах нас нет никого.

По ночам немцы начинают сбрасывать над нашими колоннами зависающие на парашютах светящиеся ракеты, и при необычном ярком слепящем свете с воем летят бомбы. Спасают нас стремительные броски в сторону от дороги, где среди деревьев и кустарников легче замаскироваться.

Недалеко от Яблоневки, на свекловичном поле, во второй половине дня прямо с ходу завязывается бой. Как удачно, что утром на каком-то железнодорожном полустанке мы запаслись боеприпасами. Полк отстреливается несколько часов, а когда в сумерках артиллерийская дуэль утихает, мы опять оказываемся с большими людскими потерями и пустыми снарядными ящиками. Кухня опять, как всегда, сквозь землю провалилась. В основном едим то что удастся добыть у населения, найти в огородах, выпросить в колхозах.

Вот наконец появляется лес, который спасает от замучившей нас авиации. В густой зелени деревьев сумрак. Хорошо бы передохнуть, а еще лучше поспать в сухом месте.

Дубрава изрыта окопами, на каждом шагу траншеи и землянки. Нам говорят, что лесной массив называется Зеленая брама, это неприступная крепость для врага. Здесь можно хоть сто лет воевать - немец в лес не пойдет, струсит. Изредка выходим на опушку и из личного оружия ведем по врагу прицельный огонь - боеприпасы на счету.

Каждому бойцу выдают по пять патронов и по две гранаты - лимонки.

А дождь идет все сильнее, повсюду грязь - негде присесть, негде просушиться есть тоже нечего. В батарее кто-то случайно достает мешок рафинада, все набивают им карманы и кое-как утоляют голод. Но теперь уже мучает жажда - ни одного ручья в лесу не видно вода только в мутных лужах.

Никто из нас не разбирается в обстановке, некому нам объяснить что происходит, даже что творится за сто шагов - неизвестно. Командир взвода, как и бойцы ждет лишь распоряжений свыше. А там, без связи, тоже не знают, как действовать. Слухи самые разные: немцы продвинулись далеко вперед, Киев пал. Москву вот-вот возьмут, дороги все перерезаны, мы окружены.

Ни для кого не секрет: мы действительно в кольце, боепри-

пасы кончились, а продуктов и вовсе нет. Мечемся по лесу, не зная нужного направления, мечемся, хоть и не видим смысла в этих перебросках. Уцелевшие пушки перетаскиваем вручную, тягачи давно уже без горючего.

Всех мучают одни и те же вопросы: почему мы оказались в окружении? Почему в последних боях мы были с неприкрытыми флангами, а здесь скопилось такое многочисленное войско? Где оно было раньше?

На рассвете 6 августа завязывается жаркий бой у опушки дубравы. Мы, артиллеристы, из орудий огня не ведем - нечем. Бойцов очень много, но у всех по нескольку патронов которые приказано экономить, а два-три станковых пулемета бьют короткими очередями. Однако немец в лес войти не решается, но обстреливает так, что голову поднять нельзя.

В небе кружат фашистские самолеты, а наших истребителей - ни одного, зенитки тоже молчат. В который уже раз летят на нас листовки; на некоторых деревьях их больше, чем листьев. Содержание одно и то же: «Сдавайтесь в плен ваши генералы давно перешли к нам, Вы отрезаны от всех». Рупор без конца галдят: «Русс, сдавайся!» Хорошо понимаем - наш положение швах...

К вечеру передается приказ: ночью идем на прорыв окружения. Днем раньше одна группа уже пробивалась, но неудачно, может быть, сейчас вместе удастся. Взорвать пушки, тягачи нечем. Отвинчиваем все детали, какие только можно корежим оптику разбрасываем и закапываем в разных местах части орудий. Все! Орудийного расчета «счастливчиков» больше не существуют. С этого момента - мы пехота.

С наступлением сумерек все смешалось, сослуживцев не отыскать, но никого это уже не беспокоит. Главное - прорваться а там найдем своих. Кто-то берет над нами руководство - говорят, что это генерал. Он собирает вокруг себя людей, отдает приказы, которые тут же шепотом передают от одного к другому.

- Всем быть готовым к прорыву, - наставляет какой-то командир., - иметь при себе только-только самое необходимое: шинель и оружие. То, что может вызвать шум, котелки, ложки - не брать. Документы порвать.

Кое-кто срывает петлицы, уничтожает знаки различия, передевается в красноармейские гимнастерки. Некоторые постриглись еще днем - хотят выглядеть обычными рядовыми.

...В полночь выступаем. Сначала идем толпой, потом растягиваемся в бесконечную колонну по два, затем по одному - друг за другом. Мелькают белые повязки раненых, многие в нижнем белье.

Опять моросит дождь. Где-то близко слышны выстрелы. Впереди всех идет наспех собранная разведка. Несколько коротких привалов, и снова в путь. Всматриваемся в ночь - кроме идущих рядом, ничего не видно. Но вот лес кончается. При свете то и дело вспыхивающих в небе ракет удастся разглядеть: далеко справа и слева, - поля подсолнухов, впереди - развороченное танками открытое пространство. Не успеваем сделать и двадцати шагов, как одновременно с двух сторон начинают строчить пулеметы. На нас обрушивается ливень трассирующих пуль. Залегает. Единственное спасение - борозды, оставленные танками в раскисшем черноземе.

Это только начало прорыва, уже со всех сторон слышны стоны раненых, лежат скрюченные фигуры убитых. Отлеживаемся недолго. Проползаем несколько метров по-пластунски и стреляем по пулеметным вспышкам.

Внезапно кто-то с пистолетом в руке поднимается во весь рост и очень знакомым голосом кричит, устремляясь вперед: «За Родину! Вперед!»

С большим трудом отрываю свое тело от спасательной грязи, вскакиваю на ноги и вместе со всеми, пробежав тридцать-сорок метров кричу: «Ура-а-а-а!»

Видимо, фашисты не ожидали атаки от нас, и на короткое время смолкает стрельба. Но снова неистово лают пулеметы, строчат автоматчики. Мы опять прижаты к земле. Бросаю в темноту гранату и, не услышав взрыва, швыряю вторую. Пулемет справа затихает. Но их все равно много... Патронов у меня уже нет, и единственное, что еще осталось - это душераздирающее «Ура-а!!!» В паузах между пулеметными очередями вскакиваем с земли и короткими перебежками мчимся дальше. Мокрую скатку оставляю на пашне: она мешает передвигаться. И такие пробеги повторяются до тех пор, пока мы вдруг отчетливо не осознаем, что стрельба слышна уже позади, кажется, мы оторвались от противника. Там еще продолжается перестрелка, а мы, человек тридцать пять - сорок, уже вырвались из окружения.

Бежим бесконечно долго по мокрому неубранному полю, и нет даже времени вылить из сапог хлюпающую воду, поправить ремень карабина, бьющего по спине. Пересекая речку, пьем долго, не можем утолить жажду, стараемся хоть немного смыть налипшую грязь.

Еще взлетают ракеты, затем они перестают быть видны, и

Зеленая брама исчезает в непроглядной тьме.

Постепенно бегущий отряд дробится на мелкие группы - по восемь - по десять человек.

- Небольшой группе легче укрыться от опасности и бесшумно пробираться к своим, - советует какой-то командир.

По дороге попадаются провода немецкой телефонной связи. Кромсаем их и снова бежим. Еще немного, и наша выбившаяся из сил группа попадает под взрывную волну. И, словно по команде. Все падают на мокрую траву...

Утром рано были слышны беспорядочная стрельба и громкие крики. Рядом с нами... - немецкие автоматчики! Они окружили нас, им весело, на лицах торжество, а мы с отчаянии, голова у меня гудит как телефонный столб... Патронов нет, отбиться нечем.

Свершилось самое худшее! Мы в плену...

- Хенде хох! Хенде хох! - галдят гитлеровцы, простреливая в воздух. - Шнель! Шнель!

Над нами голубое небо, яркое солнце играет на влажной траве, беспечно чирикают птицы - все так, как было до войны. Но этой красоты мы уже не видим - с поднятыми руками, подгоняемые прикладами автоматов, мы идем к дороге у самого леса, где стоит обоз из повозок, запряженных гнедыми лошадьми. Около них расхаживают пожилые ездовые. Тут же они окружают нас и начинают обыскивать, выворачивают карманы и все что им приглянется, отнимают, снимают хорошие ремни. Больше у нас взять нечего. А нас, выпотрошенных, отталкивают в сторону и велют выстроиться по четыре в ряд.

Оглядываюсь. Ни одного знакомого. Вокруг грязные, молчаливые, унылые люди с застывшими лицами.

Собрав человек сто, немцы приказывают всем поднять руки вверх, и колонна трогается в путь. Конвоиры то и дело покрикивая, гонят нас мимо леса и поля с нескошенным хлебом, а две свирепые овчарки, натягивая поводки, стараются ухватить кого-нибудь за ноги. Скоро затекшие руки уже невозможно держать поднятыми, и приходится искать более удобную позу, сцепив пальцы, кладем руки на голову. Но кто хоть на миг их опустит ниже, сразу же получает первое крещение пленного: чувствительный удар прикладом в спину.

Движемся в полном молчании, каждый думает о своем...

Рядом со мной идут красноармейцы, у всех обреченный вид... Возможно, они так же, как и я, вспоминают приказ, отданный накануне прорыва: «Сражаться до последнего патрона не сдаваться! Лучше смерть, чем плен!»

Может быть, только мы не сумели выбраться из окружения,

а остальные части и подразделения 6-ой и 12-ой армий все-таки прорвались? За поворотом дороги появляется большое село Подвысокое (как выяснилось впоследствии), здесь еще недавно размещалось наше командование. Жителей не видно, кругом полно немцев, а нас ведут к единственному кирпичному дому под железной крышей. Это школа. У входа кинооператор грузовика снимает на киноплёнку колонну, и наши головы низко опускаются, как у людей, уличенных в чем-то постыдном.

Нас загоняют во двор, переполненный пленными. В молчании мы усаживаемся на землю. В стороне валяются выброшенные парты, изодранные учебники, черные классные доски. Из дома выходит в сопровождении полицейского одетый с иголки немецкий офицер и на чистейшем русском языке орет:

- Кто есть тут коммунисты, комиссары и жида? Выходи!

Все молчат. Тогда охранники с полицией выталкивают несколько человек, похожих, по их мнению, на комиссаров или еврее; выгоняют и тех, кто не пострижен, у кого имеются знаки различия на петлицах. Мы понимаем, что этим людям уготована особая участь и в отличие от нас им во сто крат хуже...

От всего происходящего меня лихорадит, а в голову лезут бредовые мысли все кажется страшным сном созданным воображением... Это не я сижу в плену, это происходит с кем-то другим... Вот сейчас из-за дома нагрянут лихие конники с шашками наголо (как в фильмах), уничтожат подлых фашистов, освободят нас, и ужасное заточение кончится. Но, к сожалению, все, что я сейчас вижу, горькая действительность и призрачной помощи ожидать неоткуда. Отсюда, я думаю, можно вырваться или всем вместе или надо будет искать случая спастись в одиночку.

К вечеру нас помещают в просторном амбаре с цементным полом: ни пить, ни есть, как и вчера, не дают. Присмотревшись в полутьме, замечаю лежащую в стороне сломанную дверь и, смертельно уставший за эти сутки, вмиг на ней засыпаю. А проснувшись, обнаруживаю, что из одной доски торчат несколько гвоздей, которых во сне даже не почувствовал.

Разговариваем вполголоса. Ужасные слухи и домыслы распускают с самого утра полицаи: Красная Армия уничтожена, всюду измена, война вот-вот кончится. Далеко на все верят этому, но в одном мы сходимся - нам, попавшим в плен, будет очень плохо. Прошли всего одни сутки, а мы уже хорошо почувствовали, что собой представляет новый немецкий порядок, дай нам, бог, силу и терпение на будущее.

Глава восьмая

Утром нас, человек сто пятьдесят, выстраивают в ряд и ведут из села. С разрывом метров в тридцать следуют еще такие же две колонны. Охранники с автоматами идут по обоим сторонам, с ними несколько овчарок, готовых по первом сигналу перегрызть горло. После прошедших дождей лужи на каждом шагу, однако попить на них не всем удастся: конвой запрещает.

Пройдя километров десять попадаем в какое-то село. Женщины, дети, старики облепившие изгороди, бросают нам хлеб, вареный картофель, овощи, но в свалке, возникающей у каждого куска, большая часть еды втапывается в грязь. Немцы стреляют по дерущимся натравливают собак и не дают приблизиться к ограде. Покидаем село, остаются только убитые за кусок хлеба.

По дороге несколько раз встречаем идущих строем немецких солдат. Какой контраст по сравнению с нами! Лица - надменные, пилотки заломлены набок, рукава мундиров накатаны. Проходя мимо, они восторженно улыбаются и выкрикивают «Русс, капут!»

А наша колонна передвигается дальше. Выбившиеся из сил люди качаются как маятники, с большим трудом соблюдают строй. Но вот один падает. Вмиг подбегает охранник орет «ауфштейн!» пинает несколько раз сапогом лежавшего, затем выпускает по нему короткую очередь из автомата.

Я очень слаб изнемогаю от усталости и голода и боюсь, что тоже не могу удержаться на ногах. Голова невыносимо болит, сердце защемило, а тело стало как деревянное. Надо собрать последние силы и идти...

Короткий привал для смены конвоя. Садись тут же, где стоишь, и ни шагу в сторону, иначе будешь застрелен или разорван собаками. У дороги растет с одной стороны рожь, с другой - свекла но к ним запрещают даже приближаться, и поживиться хоть чем-нибудь невозможно.

Ночь проводим в поле, на голой земле, под открытым небом. Утром, вместе с восходом солнца нас поднимают крики немцев и лай овчарок, все вчерашнее повторяется: дорога под бдительным оком усердных конвоиров, в селах потасовки из-за куска хлеба, расстрел упавших на дороге.

В полдень как из-под земли вырастают сторожевые вышки, потом какие-то домики, колючая проволока в два ряда, около которых стоят часовые с собаками. Пленных пока не видно, только слышен гул человеческих голосов, доносящийся неизвестно откуда.

И вот за большими деревянными воротами открывается жуткое зрелище: перед нами глубокий, круглый овраг весь забитый людьми в красноармейской форме. На них страшно смотреть - исху-

далые, раненые, много босых и раздетых. Одни лежат, другие стоят, большинство же. Переходя с места на место, все время находится в движении.

Нас, только что прибывших сюда с первой минуты поражает эта кишашая людская масса в которой, кажется, невозможно разобраться, и зловоние, бьющее в нос. А смешавшись с тысячами узников, очень скоро перестаешь слышать общий шум, ощущать тяжелый запах и начинаешь видеть отдельных людей, прислушиваться к их разговорам.

Не проходит и часа, как я уже знаю, что мы находимся вблизи города Умань, в карьере, где раньше добывали глину для кирпичного завода, что это место, ставшее концлагерем, военнопленные называли Уманская яма.

Лежу на пыльной коричневой земле и стараюсь собраться с мыслями, пытаюсь уяснить себе свое положение; с этапа убежать не удалось. А из этой западни с крутыми, в семь - десять метров, стенами тем более не убежать - на многочисленных вышках установлено по два спаренных пулемета.

...Сейчас, почти через сорок лет, невероятно тяжело описывать этот кошмар. Он стоит перед моими глазами, волнует мое сердце, все смешалось в памяти и невозможно последовательно выделить какой-то день целиком...

Большая часть пленных в подавленном состоянии. Здесь нет даже видимости порядка, еду и годную для питья воду давать не собираются. А есть хочется смертельно.

Через несколько дней наступает какая-то апатия, исчезают желания, перестаешь реально видеть окружающее, перестаешь думать о родных и близких.

Августовское солнце палит нещадно, укрыться негде. Но вот идет небольшой дождь, и все в одно мгновение промокают до нитки. От холода зуб на зуб не попадает. Днем некоторые пытаются разжечь костры из наколотых щепок от сырых шпал бывшей узкоколейки, и в небо поднимается густой дым, смешанный с паром от дыхания людей. Ночью стужа пробирает особенно беспощадно. Укладываясь спать часто в размокшую грязь и обогревая друг друга своими телами, даже не укрываемся - все равно шинель или плащ-палатку под утро украдут. Ложимся так плотно, что повернуться на другой бок можно. Только если из кучи два-три человека встанут, а когда все поворачиваются, они втискиваются на свое место. Спящие с краю, то и дело вскакивают, растирают окоченевшее тело, топчутся на месте и, не выдержав, начинают раздувать костры. Как только они загораются. С нескольких сторожевых вышек часовые открывают пулеметную стрельбу. Падают убитые кричат истекаю-

щие кровью раненые, и огни приходится затапывать.

В стороне от входа, под полуразрушенными деревянными навесами, лежат раненые и тяжело больные. Несколько наших врачей и санитаров без бинтов лекарств не в силах справиться с такой массой нуждающихся в помощи, и больные щепками сами очищают раны от червей.

Запах гниющего тела распространяется по всему лагерю, к лазарету трудно приблизиться, не испытав тошноту.

Вместе со всеми целыми днями выстаиваем на жаре за скудной дозой неизменной похлебки, которую разливают из двух железных бочек. Когда они пустеют, заново засыпают просо, и люди ждут, когда закипит вода. Это значит - баланда готова. Но все равно и после второй раздачи многие остаются без еды.

Через неделю начинают выдавать на шесть-восемь человек буханку хлеба, завернутую в пергаментную бумагу с немецкими надписями. Снаружи хлеб твердый, как камень, а внутри зеленый от плесени и легко крошится. А взяв в рот кусочек, чувствуешь, как дерет горло мелко раздробленная солома с какими-то листьями, по вкусу даже отдаленно не напоминающий хлеб.

Напиться можно только из мутной лужи с топкими глинистыми берегами, расположенной в центре Уманской ямы.

С первых дней от этой мутной воды у меня, как и других, начинается рвота, боль в животе, кровавый понос. Лишь владельцам солдатских котелков удается предохраниться от изматывающей дизентерии - они кипятят воду.

С утра немцы заставляют рыть отхожие канавы, а к вечеру засыпать их. На следующий день то же самое делается в другом месте. Но это не помогает, вонь все равно распространяется по всему лагерю. Умерших и убитых хоронят близ вырытых уборных, и похоронная команда, падая от усталости, не успевает зарывать такое количество трупов.

В одну из ночей просыпаемся от бешеной пальбы немецких зениток. Прошел слух, что прилетели наши «кукурузники» и, сделав два круга над лагерем, бросили листовки... Значит, Красная Армия жива! О нас не забыли, фашистская пропаганда лжет. Раз появились самолеты - фронт не очень далеко. Не за Уралом, как твердят по радио. Эта новость нас согревает и ободряет. Мы воспрянули духом. До утра обсуждаем это событие, и даже у колеблющихся оживает вера в нашу победу.

Два-три раза в неделю собирают человек по двести и переправляют в другие лагеря; в дорогу выдают на шестерых буханку того же плесневелого хлеба. Считая, что в таких переходах больше возможности скорее покинуть Уманскую яму, партии пленных набираются без принуждения. Все убеждены, что отсюда убежать невозможно легче это сделать с этапа.

К рабочей команде мне удается пристроиться один только раз. Съестное крестьяне бросают, но далеко не всегда овчарки дают его поднять, и нам достаются всего лишь крохи.

Недалеко от лагеря, у разбитого кирпичного завода, из подвального склада мы выгружаем ящики со снарядами... Боже ты, наше! Это же советские, к нашим 76-мм пушкам! В Зеленой бреме нам нечем было стрелять, а здесь их полный склад на неделю беспрерывных боев! Что помешало подвезти нам боеприпасы, ведь мы находились так близко от этого склада? Может быть, кто-то просчитался? Дорого же обходятся нам чьи-то ошибки!

Сейчас мы несем снарядный ящик, надрываясь, вдвоем, а еще недавно его проворно подхватывал один боец. Подгоняемые охраной, с горечью и досадой грузим на подводы то, что с радостью обрушили бы на головы гитлеровцев.

...Дней через десять, в пасмурную погоду, когда мелкий дождь превратил землю Уманской ямы в коричневую вязкую грязь, выбрав удобный момент (шумные, торопливые сборы), примыкаю с трою этапников. Спайкой хлеба за пазухой вместе с большой группой пленных покидаю этот ад. Ухожу с твердым намерением попытаться в дороге убежать.

Нас выстраивают в две колонны по четыре человека в ряд и гонят на запад, в противоположную сторону от города. С обеих сторон, как всегда, автоматчики с собаками.

- Шнель, бистро-бистро, - слышатся окрики немцев.

Скорее не останавливаться, если не хочешь быть, в лучшем случае, побитым. И мы бежим, задыхаемся, по спокойному шагу конвоиров заметно, что практически топчемся на месте.

Пайка хлеба, выданная за день, съедена еще при выходе из Уманского лагеря. Крестьяне, издали завидев наше шествие, перегибаются через плетни и бросают в колонну хлеб, картошку, огурцы. Стараемся ловить на лету.

- Цурюк! Бистро-бистро, - кричат конвоиры, молотя пленников прикладами.

Не везде организованы раздачи пищи. Вся надежда на крестьян, бросающих в колонну харчи. Когда начинается давка из-за упавшего куска, некоторым удается смешаться с местными жителями и

бежать. Но не все на это решаются - необходимы крепкие ноги, нужны силы истощенный-и усталый не успеваает убежать.

Изучаю тактику побега: в то время когда немцы заняты наведением порядка (т.е. избиением людей), следует молниеносно перепрыгнуть через изгородь и затаиться. Если тебя не заметили, то выждав очередную свалку, делай бросок за хату и в огород, где легко замаскироваться.

Сегодня как раз идеальные условия... Попытаю счастья... В голове то и дело вертится: «Надо рискнуть...» В свалку не лезу, незаметно оглядываюсь вокруг себя. В какой-то миг замечаю, что стоящий поблизости немец отвернулся в другую сторону... Торопливо делаю три шага к забору нагибаюсь, будто что-то ищу... Тайком поглядываю не видит ли он?.. Если удастся сделать еще хоть шаг... Внезапно получаю страшный удар по голове. Еле придя в себя, отхожу назад. Проклятие! В поле такого благоприятного момента не будет, и не во всех селах узкие удобные для побега улицы. Может быть, повезет, когда будем проходить мимо какой-нибудь рощи?..

В Ивангородской пересылочной лагерь нас пригоняют в полдень. У самых ворот стоит вооруженная охрана, а по рядам шныряют полицаи с резиновыми дубинками.

Сначала все небольшими партиями гонят как скотину, к пруду на водопой. Это все, чем нас сегодня потчуют на новом месте. Спим в большом крытом сарае с цементным полом: теснота такая что лежим, можно сказать, друг на друге и ночью от духоты обливаемся потом. Нам все же легче, чем узникам в Уманской яме под открытым небом. Здесь не утруждают себя варкой пищи, на весь день выдают только восьмушку знакомого эрзац - хлеба зато из водоема можно пить сколько угодно.

...Здесь никого долго не держат. Через два дня прибывает новая охрана нас всех выстраивают и в путь.

И снова идем по степной украинской дороге. Все повторяется сызнова: «Бистро-бистро шнель!»

Как и в предыдущих местах, тут колючая проволока в два ряда, сторожевые вышки с пулеметами.

На работы по расчистке дорог выводят за пределы лагеря. Рассказывают, что там иногда удастся удрать, а местные жители приносят хлеб и овощи...

Спустя два дня меня включают в этап, и я ухожу с этого лагеря. На этот раз конвоиры непривычные: смуглые, в мундирах зеленого цвета, говорят не по- немецки. Это мадьяры-фашисты, издеваются не хуже чем немцы, упавшего расстреливают через село гонят бегом. Кошмарная кровавая дорога, однодневная, казалось, тянется как неделя.

Прибыли в Винницкий лагерь.

У входных ворот множество немцев, еще больше полицаев.

В обширном дворе лагеря прибрано, колючая проволока натянута на уровне трех-четырех метров еще не поржавела, через каждые пятьдесят метров - новые аккуратные вышки со спаренными пулеметами.

Кормежка здесь только утром: кусочек так называемого «хлеба» с просяным супом в котором иногда попадаются кусочки брюквы. Тем, кто не имеет своей посуды, выдают ржавую банку от немецких консервов. Очередь движется в строгом порядке а после раздачи баланды остатки отдают доходягам. Два раза на этом основании и я получаю полпорции добавки: мутные последки, пахнущие дымом. Спим скученно на полу второго этажа.

Полдень. Я стою в небольшой группе пленных, слушаю нерастраченные вести о том, что Москва и Ленинград покорены немцы дошли до Урала, Красной Армии нет. Говорят, что отсюда нас погонят в Германию (пропади она пропадом) и там будет настоящий порядок и хорошее питание. Немец - отличный хозяин, работы хватит на всех. Эти сведения получаем из «верных» источников - у полицейских, которые изредка выходят в город.

Надо бежать! Но отсюда еще никто не удрал, собаки даже не пускают к колючей проволоке, а на работы за пределы лагеря не выгоняют.

Глава десятая

Я задавал ему вопрос о том что думал о побеге. Он отвечал однозначно что боролись все внутри: убежать было сравнительно тяжело и также рискованно, как находиться в плену, - жизнь человеческая ничего не стоила. Но еще тяжко было бы оставить на произвол судьбы военнопленных: за побег одного, расстреливали десятки.

Кроме того, что пленение, которое одновременно было и легкой борьбой за спасение: в вышедших на Западе воспоминаниях бывших солдат и офицеров рассказывали: что раненых было так много, но здоровых не одного а умирающих - три четверти. Дистрофия, обморожение, тиф экзема, скоротечная чахотка, воспаления легких.

В октябре 1941 г. из Винницких лагерей вместе с многочисленными пленными был вывезен Коновалов В.С. на территорию Германии в лагерь для военнопленных в город Магдебург. Ехали в товарных вагонах на нарах, окна зарешечены откуда временами прорывался свежий ветер.

Лежа на нарах, под мерный стук колес, ему вспомнились первые бои. Никто не избавлен от чувства боязни и страха. Все мы чего-то боимся, перед кем-то робеем.

Страх... Чувство это, на мой взгляд, гнездится рядом, где-то внутри тебя или идет вслед за тобой. От него трудно отрешиться простой осмотрительностью. Состояние крайнего беспокойства, тревожного ожидания вселяет в тебя неуправляемую силу страха. Перед ней, перед этой силой, иногда и разум отступает. Не зря же говорят: «У страха глаза велики». Про себя он часто вспоминал один эпизод который постоянно подсказывал ему: «Страх - твой враг». Перед его глазами проходило множество картин минувших боев, много убитых и раненых солдат...

Атака... Вроде сдвинулась корка земли под ногами и понесла к рубежу где рыжими кустами вздыбились взрывы снарядов. Это наши артиллеристы накрывают первую и вторую траншеи противника огненным валом.

Бывало и такое впервые же дни войны!..

Постепенно поезд сбавил скорость и наконец заскрежетав тормозами встали. Пооткрывались двери вагонов и конвоиры стали строить колонны военнопленных.

Колонна двинулась дальше от станции Брауншваг. Пленные шли строем с охраной с собаками, которые рвались к людям чтобы загрызть живых людей. Шли смиренно, никто не посмел нарушить строй. Подошли к воротам, где можно было прочесть название лагеря «Руменберг», где в низине ютились один к другому бараки которые, наверняка построены советскими военнопленными.

В материалах процесса в Нюрнберге есть страшные данные: в лагере 182 умирало 87 процентов в год, лагере 205 346 - более 80 процентов. Цитирую протокол заседания трибунала: «Судебное следствие установило, что многие из этих военнопленных и даже большинство были взяты в плен в подвигах под Уманью и Киевом».

Трибунал располагал циничными расчетами начальника тылового района: 13 января 1942 года в лагерях 182, 205, 346 находился 46371 военнопленных... в результате большой смертности к 1 апреля, по-видимому, отсеется примерно 15.000 военнопленных...

Я позволю себе процитировать Гальдера, допрос гитлеровского генерала- полковника, снятого 31 октября 1946 года в Нюрнбергской тюрьме, что говорил Гитлер на одном из совещаний перед войной с СССР.

Он сказал, что борьба между Россией и Германией - это борьба между расами. Казал ч так как русские не признают Гаагской конвенции то и обращения с их военнопленными не должно быть в соответствии с решением Гаагской конвенции.

А в одном из самых тяжелых дней битвы в районе Умани - 6 августа 1941 года - в Берлине было издано распоряжение Верховного Командования сухопутными силами, касательно снабжения советских военнопленных: «СССР не присоединился к соглашению относительно обращения с военнопленными. Вследствие этого мы не обязаны обеспечивать советских военнопленных снабжением которое соответствовало бы этому соглашению как по количеству, так и по качеству».

Для подтверждения этих слов, хочу привести строки из показаний Коновалова В.С., данный еще в 1945 году уполномоченному Особого отдела: «Режим в лагере был в некотором роде своеобразным. Комендантом дулага 182 (так именовался у немцев Уманская яма) был капитан Беккер, старался создавать впечатление, что прилагает все усилия, что создавать какой-то порядок. Этот порядок обычно держался на дубинках. В лагере находился примерно 65000 человек. Внутри лагеря имелись 2 кухни хотя нельзя было назвать кухнями. На цементном полу, на камнях были установлены железные бочки, в них приготавлилась пища для военнопленных. Эти кухни при круглосуточной работе могли приготовить пищи примерно на 2-2,5 тысячи человек.

При раздаче горячей пищи часто возникали беспорядки, поскольку их было очень много часто возникли драки, при которых гитлеровцы стреляли из автоматов, все стремились получить пищу. Представляете что могло твориться в этом случае?

Глава одиннадцатая

Свобода...

Как изменилась моя жизнь! Здесь на освобожденной земле, я попал в иной мир, где живут доброжелательные люди, где не надо бояться что меня избыют, посадят в карцер, ведь здесь нет больше унижения, нет рядом немцев-охранников, нет ежедневной изнурительной работы.

Вскоре с группой больных меня поместили в госпиталь, где медкомиссия нашла мой хриплый кашель подозрительным, у меня кровь в мокроте, нездоровый, землистый цвет лица, чрезмерная потливость по ночам.

В госпитале обещали подлечить язвы на ногах. Если найдут туберкулез, то спишут в запас но, видимо, мне придется пройти через «сито» Смерша при дивизии.

Туберкулез у меня не нашли.

На удивление товарищам по палате, я пошел на поправку,

стал меньше кашлять, а потом и кровь в мокроте исчезла.

Трижды в день меня поили каким-то лекарством, давали порошки и густо смазывали язвы на ногах.

Спустя через месяц выписали из госпиталя и направили в запасной полк получил назначение в стрелковый батальон, где обучали стрельбе из ручного пулемета. Нас готовят для пехоты.

Через день я был вызван в особый отдел где я должен буду отвечать на любые вопросы офицеров из отдела.

Свободные дни от нарядов вечерние часы я читаю газеты, книги.

По расписанию меня вызвали к уполномоченному Особого отдела, отвечал на вопросы уполномоченного.

В последнее время постоянно думаю о родителях, о сестрах, о брате Георгии. Сообщил о себе, хотя им было сообщено, что я пропал без вести. Но все это время они не теряли надежды что я вернусь домой.

Я так ждал, мечтал услышать желанное слово «Победа!»

Нам, встретившим этот день досталась самая высокая награда - Жизнь!

После прохождения спецпроверки приехал домой. Невозможно описать встречу с матерью, повзрослевшей сестренкой, проплаканными четыре долгих года, многие мои сверстники не вернулись домой с войны.

Ежеквартально меня приглашали в РОВД для проведения допросов, где спрашивали: почему не смог совершить героический побег. Так как не доверяли тем в том числе кто остался в живых после фашистских лагерей, кто вынес вся тяготы ужасов войны, плена. Теперь я сам очень удивляюсь, как пережил все, что случилось в те страшные годы...

Глава двенадцатая

Фомин Николай Фомич родился в 1915 году в деревне Степное Яниково Новошимкусской волости Тетюшеского уезда.

За год до начала войны был призван на действительную службу. Войну узнал с первых выстрелов участвовал в боях под Житомир-ром.

Шедший на запад эшелон с военнопленными подолгу стоял на станциях, часто задерживался на разъездах. «Зеленую улицу» получали поезда, спешащие на Восточный фронт, к Москве.

В товарных вагонах народу полным-полно - не повернешься без того, чтобы не потревожить соседа. Бойцы жмутся друг к другу - холодно, особенно тем, кто у стен. В середине еще ничего, терпи-

мо, только от пола дует. Ранняя нынче зима.

Коля, обросший жесткой щетиной так что мать родная не узнает, если она жива, сидит, опустив голову на колени и обхватив в затылок руками. Он все еще не может с точной последовательностью представить себе, каким образом оказался в фашистском плену. Обрывочно помнит, как начали бомбить немецкие стервятники, бойцы из винтовок стреляли по низко летящим самолетам. А затем очнулся в каком-то сарае. Рядом были свои, такие же, как он. Потом их грузили в товарные вагоны как скот.

- Куда везут? - спрашивали друг у друга. Этот вопрос висел в густом спертом воздухе во всех вагонах.

«На запад, на запад, в Германию», - стучали по рельсам колеса в ответ.

- Зачем? Что там с нами сделают? - спрашивал сосед Фомина, здоровенный детина, похожий на Ермака.

Фомин не поднял головы, даже не пошевелился: пусть другие отвечают этому беспокойному до назойливости белорусу.

И кто-то ответил:

- Расстреляют.

- Ну и пусть, только бы скорей, теперь все равно, - подумал Фомин.

- Расстрелять и тут могли. Стали бы они гонять эшелон, - резко возразил рассудительный сибиряк Иван Васильев. Коля узнал его по голосу, они были в одном взводе.

Сибиряк не находил себе места, он весь кипел, видно, еще не покорился судьбе. Последнее слово произнес вполголоса, почти шепотом.

- Сейчас убегу из поезда.

Достал из кармана железный костыль которым рельсы к шпалам крепятся, показал доверительно: нашел, когда к вагонам вели. Пригодится.

Первым на крыше вагона очутился Васильев. Холодный стылый дождь хлестал в лицо а свежий ветер радовал, предвещал свободу. Вторым, подталкиваемый снизу Ермаком, вылез Коля. А потом он нагнулся в люк и дал руку Ермаку, богатырская фигура которого едва-едва протиснулся в отверстие. Кромешная тьма стояла вокруг, ни звезд, ни огней, лишь паровоз, тяжело пыхтя, сорил мелкими искрами в глухой ночи, и они сразу же гасли в морозящем дожде.

Они условились обо всем, еще сидя на влажной крыше вагона - как, в каком очередности будут прыгать, установили сигнал и место встречи. Затем осторожно без единого слова спустились на буфера. Окоченевшие руки цеплялись за скользкое дерево и металл.

Холод пробирался сквозь намокшие шинелишки. Три пары глаз с тревогой всматривались в черному промозглой сырой ночи. Какие-то тени, лишённые очертаний, призраками мелькали перед глазами: возможно деревья, возможно, телеграфные столбы. Возможность угодить с маху в столб или дерево тревожила.

Наконец поезд замедлил ход: начался подъем. Васильев пожал товарищам руки и первым скатился под откос. Прыжок получился удачным: слабый мягкий толчок и влажная холодная земля коснулась лица. Не сразу встал на ноги, он прислушался. Дальше, как условились, он должен идти вперед по ходу поезда вдоль железнодорожного полотна, до встречи с Колей Фоминым, прыгающим вторым. По договоренности ему полагалось стоять на месте и ждать с востока - Васильева, а с запада - Ермака.

Ночь заметно посерела, растаяла темнота, на востоке наклеивался рассвет.

Не дождались Колю друзья по побегу: он напоролся на немецкий патруль и вновь был брошен в лагерь военнопленных, где он был убит немецким офицером за непослушание, за то что встал на защиту простого солдата, который разделил ту же участь, что и Коля Фомин.

Это случилось 21 декабря 1941 г.

Место захоронения неизвестно.

Глава тринадцатая

Юманков Сергей Андреевич родился в 1918 г.

Перед началом войны находился на действительной службе.

...На глухом проселке, ведущем на запад, батальон встретился на марше с идущей навстречу моторизированной колонной фашистов.

Легко ссадив с грузовиков немецкую пехоту, бойцы плотным огнем прижали ее к земле и вели бой на уничтожение. Казалось, уже можно было праздновать победу, как вдруг по проселку, по полю, где развернулся бой, вывалились три вражеских танка. Рассекая сумерки огнями трасс и вспышками орудий, ринулись они на наших бойцов.

Ободренная внезапной поддержкой, немецкая пехота опомнилась и начала насадать. Лесное эхо усиливало рев моторов, грохот стрельбы и крики сражающихся. Танки обошли своих, вырвались на ржаное поле, в котором залегли наши бойцы, и стали утюжить ее гусеницами. Бой вспыхнул внезапно никакой связи с ротами у штаба, естественно, и было. Каждый должен был действовать соответственно обстановке.

Стрельба усилилась. Следом за танками подтягивалась фашис-

тская пехота. Положение становилось напряженным.

- как бы не замандражили наши необстрелянные, - с тревогой сказал комбат Койсаренко. - Всем в роты! Во что бы то ни стало отсечь вражескую пехоту, бить по станкам из чего попало и чтобы ни один не дрогнул. Танков мало, они ничего не сделают!

Немецкая пехота залегла и усилила ответный огонь: пули сбивали спелые колосья, роями свистели над головой.

Рота не успела зажать противника. Немцы выскочили из-под носа и стали спешно отходить. В центре поляны горел «тигр», два других отползали к лесу. На фланге гремело раскатистое «Ура!» Рота подхватила громкое «Ура!» и поднялась в контратаку. Немцы бежали в лес. Бой был закончен на какое-то время.

...Это был вихрь, смерч, лавина - подлинный шквал огня. Еще ничего не поняв, но повинувшись безошибочному солдатскому рефлексу Сергей бросился в придорожный кювет, мельком запечатлев в памяти разбегающихся солдат и взбитую пулями, будто крупными каплями внезапно хлынувшего дождя, дорожную пыль.

Его спас большой валун, перегородивший канаву и прикрывший от пуль. Они щелкали по камню, будто кто-то дробно лупил по нему молотком, рикошетировали с вибрирующим почти музыкальным, звуком.

Укрытие было надежным, но он понял, что оказался в ловушке. Стоило слегка пошевелиться, как тут же гремела по камню пулеметная дробь. Выждав. Когда очередь ушла в сторону, он приподнялся и окинул взглядом поле. Оно было пустынно, только не дороге виделись неподвижные тела людей.

И вдруг до него доходит: пока пулеметчики и снайперы держат их в укрытиях, другая группа фашистов может спокойно подойти вплотную и бить из автоматов на выбор. Улучшив момент он перелетел дорогу и ползет во ржи, где слышатся голоса солдат.

Активная стрельба уже стихла, лишь отчетливо слышатся голоса солдат да резкие выстрелы фашистских снайперов: они продолжают держать под прицелом горемычное поле и стреляют по качнувшему кусту, колосьям, показавшемуся солдату. Слышатся стоны раненых и просьба о помощи.

- К бою! По местам! - командует комбат Яковенко.

Но навстречу им по дороге несется группа солдат.

- Танки! Танки! - кричат и бегут мимо солдат, не обращая внимания на приказы старших. За первой группой появилась вторая, третья. Они проскочили через перегородивший группы заслон и понеслись в сторону леса.

Паника! Самое страшное что может случиться в бою!

...Враг давил превосходством сил. Но шли минуты бойцы при-

ходили в себя и встречали врага по-гвардейски. Бывало, в неудачах сдавали рубежи, отходили, пятились... Но бежать?! Такое он видел впервые.

Позже выяснилось: дрогнули молодые только пришедшие в полк солдаты, не знавшие еще боев. Их напугали танки, цепью вышедшие из лежащего перед траншеей леса. Кое-кто не выдержал, вскочил, закричал, повернулся к танкам спиной и они исчезли из глаз, будто и нет опасности. А впереди - лес, который скроет, спасет. И ноги сами несут к нему.

За побежавшим поднялся второй, пятый... Бегут! Думают от смерти! А на самом деле - к ней. Потому что не для танка легче добычи, чем убегающий солдат: топчи его гусеницами, бей из пулеметов из пушки, делай с ним что хочешь - он не сопротивляется.

Это отлично знает бывалый солдат. Знает, что залегшую пехоту танк боится - не ровне час, угостит противотанковой гранатой, подтянет мину под гусеницу, запалит бутылкой с горючей жидкостью. Психология боя - открытая книга для бывалого. И потому «старики» не дрогнули.

За танками вышли бронетранспортеры и пехота, выползли самоходные пушки... Седьмая танковая дивизия гитлеровцев атаковала остатки батальона. Перевес у врага был велик, но солдаты вступили в неравный бой..

И, почувствовав дружный отпор замедлили ход танки, боясь оторваться от своей спотыкающейся под огнем пехоты и встретиться один на один. Но хоть и медленно, а цепи приближаются, немного осталось уже то траншеи... И если ворвутся в нее - сомнут наших возьмут числом, и тогда некому будет вообще держать рубеж.

Но сзади - вторая траншея. Что, если отойти в нее и снова бить по наступающей пехоте, заставить залечь?

Непросто это делать под огнем... Кто-то должен прикрывать отход, продолжать стрелять, чтобы не слабел сдерживающий врага огонь. Потому в заслон идут самые опытные самые стойкие. Они берут на себя эту игру со смертью - ведь им потом из-под самого носа врага - отходить. И хоть тебя тоже прикроют огнем закрепившиеся во второй траншее товарищи, но, кто знает, пощадит ли судьба?

Падают сраженные. Раненые продолжают стрелять - кто, отползая к своим, кто притаившись за кочкой или в попавшейся на пути воронке.

Сложен и страшен пехотный бой, беспощадно суровы его законы. Немало жизней положили бойцы, чтобы дать товарищам отойти во вторую траншею. И хотя изрядно потрепали врага,

удержать его и здесь не смогли. Немцы шли упорно и нагло закатав рукава по локоть, паля и горланя вовсю.

Под сильным натиском бойцы оставили и вторую траншею: уйти из траншеи Сергей не смог - он лежал в бессознательном состоянии. Он вместе со всеми отбивался от наседавших фашистов, вдруг почувствовал тупой удар по голове, и он падает. Идти он не может, пытался ползти. И тут его настигают фашисты...

Судьбы многих солдат были одинаковы: многократные пересыльные лагеря для военнопленных на все четыре года...

Потом освобождение и проверки уполномоченных Особого отдела «Смерш». Спасибо Всевышнему, что избавил от лагерей военнопленных НКВД...

Вернувшись домой через год после освобождения стал работать в колхозе.

Глава четырнадцатая

Воронов Арсентий Сергеевич родился 23 марта 1903 г. в деревне Степное Яниково Новошимкусской волости Тетюшеского уезда Казанской губернии.

Окончил Нюргечинскую начальную школу.

Призван по мобилизации 10 февраля 1942 г. Комсомольским РВК и направлен на пополнение 197-ю стрелковую дивизию.

...В то время - к весне 1942 года на Ленинградском фронте сложилась тяжелая остановка. Второй Ударной армией командовал Власов, оказавшийся впоследствии изменником Родины. Не выполнив поставленной перед ним боевой задачи - помочь осажденному Ленинграду, он остановил армию в непроходимых лесных болотах, позволив немецким войскам окружить ее. Но эта победа фашистов обошлась дорого им. Советские воины, оказавшиеся в окружении самоотверженно сражались с превосходящими силами врага. Без пищи и боеприпасов в топких болотах, под непрерывным обстрелом бойцы неделями отражали натиск противника. Особенно жестокие бои разгорелись вокруг селения Мясной Бор. Ценою огромных усилий в середине июня удалось ненадолго прорвать кольцо окружения. Но три дня спустя вражеское кольцо снова сомкнулось. К июлю все было кончено - только немногим разрозненным частям и одиночным группам удалось выбраться из окружения и пробиться к своим. Многие погибли, многие попали в фашистский плен.

Но об этих жертвах и трагичных боях под Мясным Бором стало известно близким нашего земляка значительно позже.

С июля 1942 года от него перестали приходиться письма. Долго ждала мать, и вот наконец пришло самое худшее известие: сын пропал без вести. Многие месяцы никто не знал о его судьбе. Убит в

бою? Ранен? Или же попал в руки врага?

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.

Прости за то что я не умер

Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?

Кто хоть чем-нибудь бросит упрек?

Судьба посмеялась надо мной:

Смерть обошла - прошла стороной,

Враг мне сковал полумертвые руки,

Пыль замела мой кровный след...

Колючей проволоки частоколом

Окруженные бараки и пески...

Его схватили немцы в плен обессиленного, раненого...

На Нюрнбергском процессе вскрылось, что первоначально существовал приказ Гитлера об уничтожении всех «азиатов», оказавшихся в фашистском плену. Это относилось к татарам, узбекам, киргизам, казахам, чувашам, башкирам и другим представителям советских народов. Этот приказ действовал лишь в начале войны. Осенью 1942 года гитлеровское командование, обеспокоенное тяжелыми и всевозрастающими потерями на Восточном фронте, стало судорожно искать дополнительные источники для пополнения людских резервов. Начался массовый перевоз военнопленных на подневольную работу в Германию.

...Пленных красноармейцев нерусской национальности гитлеровцы начали увозить из общих лагерей, расположенных на территории Украины: с города Славута.

Эсэсовцы загоняли военнопленных в запертые товарные вагоны, везли куда-то в сторону Германии. Даже на крышах вагонов стояли пулеметы, а не тормозных площадках маячили вооруженные шутцманы со сторожевыми псами, потому что боялись партизан на оккупированной территории.

Никто не знал, куда везут пленных, куда и зачем. Кому-то удалось пронести в вагон кусок проволоки, замотав деревянные колодки, чтобы на падали с ног. Ночью вместе с другими узниками с помощью этой проволоки приподняли накладку и распахнули дверь. Но побег не удался: светила луна и поезд подходил к станции...

Но вернёмся к началу войны.

...Зима выдалась. как весна мягкая, с легкими по ночам, с яркими зорями, с голубым небом днем.

В апреле лопнули почки и нежно засверкала молодая листва. Сквозь сырую черную землю пробилась травка, аи пошли звенеть-

зеленеть свежие ковры.

Приходили письма от родных. И он отвечал на них хотя писал по-прежнему кратко. На улице стало жарко. Вот зацвела черемуха. Из травы лукаво тянули свои головки лютики и одуванчики. Окно домов уже скрылись в листве деревьев и кустарников, по стенам вился плющ.

На политзанятиях все чаще и откровеннее говорилось:

- Фашистская Германия... Адольф Гитлер... Мюнхенский спор...

Англо-французский блок... Поражение Франции... Польша — только начало...

Всем красноармейцам и командирам выдали медальоны. На грудь, под гимнастерки. Фамилия имя, отчество.

Кто-то пытался острить:

- Паспорта смертников...

Его сразу же отдернули.

...А первая сводка Главного командования Красной Армии сообщала: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного морей и в течение первой половины дня сдерживались ими...

...Марши по сорок-пятьдесят километров в сутки. «Марши с остановками и боями. То - авиация немцев, то - артобстрелы, теперь они поняли, что такое новая и старая границы.

Только выстрелы похоронного салюта разбудили и встревожили птиц. Галки и вороны шумно и беспорядочно взметнулись в небо.

На могиле поставили фанерный обелиск с красной звездочкой и с фамилиями погибших.

...Это было в середине июля. Июль выдался на редкость жаркий. Отяжелевшее от зноя небо зябко дрожало в мареве. Земля горела под ногами.

Оказывается, с ним от самой границы воюет группа немецких армий «Центр»:

...Войска армии «Центр» прорвали наш фронт.

После первой же штыковой атаки на поле боя осталось много трупов противника, убавилось желание повторить атаку.

И наших полегло достаточно.

Чтобы ликвидировать угрозу окружения остальных войск фронта, Ставка разрешила отвести их на тыловые оборонительные рубежи.

В одном из боев он был ранен в левую руку и грудную клетку...

Потом был немецкий плен: ад на земле...

Потом было освобождение нашими войсками.

В течение трех месяцев проходила проверка уполномоченными Особого отдела в спецлагере НКВД.

Вернувшись домой приступил к работе в колхозе им. Буденного.

Умер в 1984 году.

Глава пятнадцатая

Вместе с небольшой группой бойцов (некоторые из них были ранены, в том числе Касмаков Петр Никифорович был ранен в руку) после тяжелых боев в районе города Воронежа. Введенные в сражение войска из резерва Ставки ВГК и контрудар 5-й танковой армии по северной группировке не ослабили его натиск, но не изменили общего развития обстановки. Врагу удалось развернуть дальнейшее наступление на Ростов и Сталинград.

...Группа пробивалась к своим в течение недели. Они отходили, и однажды около горевшей деревни группа наскочила на вражеские танки. Боеприпасов было очень мало, и группа практически не смогла оказать врагу какого-либо сопротивления. Раненых фашисты прикончили, а живых взяли в плен.

Сначала их держали на каком-то пустыре, огороженной колючей проволокой за которой ходили автоматчики. Потом всех погнали на запад. В дороге военнопленные совершенно обессилели, так ак несколько дней были лишены пищи и воды. Одно спасло - попадались лужи из которых можно был напиться.

Когда колонна шла мимо деревень, жители пытались дать пленным хлеба. Но всех, кто делал из строя хоть один шаг в сторону, расстреливали на месте. Стреляли и в тех, кто осмеливался приблизиться к пленным. А отставших порой просто прикалывали штыками.

Тяжело было двигаться в колонне, но еще хуже находиться в пересыльных лагерях. Военнопленных по сотне водили получать еду - ужасное мессиво из прогорклой муки и дохлой конины. А едва державшихся на ногах людей по пути расстреливали из автоматов. Стреляли в тех, кто не мог быстро двигаться, стреляли ради развлечения. Уходило 100, а возвращалось другой раз 30-40 человек.

Бывало и такое. В Бобруйском лагере гитлеровцы бросали военнопленным куски хлеба или картошку, и потешались, глядя, как обессиленные, голодные люди в свалке пытались их схватить.

Однажды как-то полупьяный фашист подошел к нескольким пленным и обещал буханку хлеба тому, кто окунется в воду. Голод взял верх, и один из пленных стал раздеваться. А фашист хохотал глядя. Как погружался в ледяную воду щуплый, кожа да

кости, посиневший человек.

Конечно многие пытались бежать из плена, все попытки были неудачными. С Бобруйского лагеря Касмакова перевели в Минский лагерь, где военнопленные выполняли самые тяжелые работы.

Прикладами и палками загнали военнопленных в вагоны, набив их так что там можно было только стоять. На всем пути следования вагоны не открывали. И трое суток в ужасном зловонии ехали лишённые питания и воды. К моменту прибытия на место это был транспорт мертвецов: в живых оставались едва ли третья часть.

Пунктом назначения оказался Аушлиц-лагерь в нескольких километрах от Освенцима. Там постигли наголо и одели в одежду с номером.

В лагере пленные работали от зари до зари. А чтобы окончательно уничтожить в них человеческое достоинство заключенных заставляли передвигаться только бегом, подгоняя, как скот, палками и плетками. Аушлиц, так же как и Освенцим, был чудовищный фабрикой смерти. Разве только что здесь убивали не сразу.

Узники лагеря были настолько истощены (кормили там раз в день похлебкой из брюквы и куском хлеба, наполовину состоящим из опилок), что буквально еле стояли на ногах.

Масса людей погибала от побоев. Особенно зверствовал офицер гестапо. Он всегда ходило с плеткой и истязал свои жертвы.

В лагере свирепствовала эпидемия сыпного и брюшного тифа. Умирили от чесотки, заражения крови. Но и самые тяжелые больные изо всех сил старались держаться, чтобы только не попасть в равир - так называлась лагерная больница. Медицинскую помощь там не оказывали, зато оттуда был прямой путь в газовую камеру.

Врачи там были. В специальных бараках фашистские эскулапы изучали возможности человеческого организма, практиковались на живых людях.

Возможности побега из лагеря исключалась. И всё же каждый надеялся выжить надеялся, несмотря ни на что.

Да, ему посчастливилось выжить. Хотя освобождение пришло в начале мая уже в лагере Бергенбельзен куда фашисты перевезли оставшихся в живых узников Аушлица.

По его рассказам мы узнаем об освобождении: «На территорию лагеря въехал танк, из которого по радио на русском, английском и французском языках объявляли: «Вы свободны!.. Вы свободны!.. Вы свободны!.. Уже от самих этих слов некоторые люди умирали. Сердце не выдерживало радости.

Почти до конца 1945 года он находился на проверке особым отделом «Смерш» в спецлагере НКВД.

Вернувшись домой с ослабленным здоровьем стал работать в колхозе.

Глава шестнадцатая

Алексей Герасимович Краснов родился 10 октября 1918 г. в деревне Нюргечи. Детские годы, как и другие мальчишки и девочки, ходил в школу, одновременно помогал своим родителям.

В 1939 году был призван на действительную службу в составе стрелковой дивизии, дислоцировавшейся под городом Великие Луки, в составе отдельного танкового полка - автоматчиком.

Занимаясь историей выпускников школы, вот что мне удалось узнать при помощи краеведов города Великие Луки.

...Краснов очнулся от острой, нестерпимой боли. Что-то тяжелое, огромное навалилось на него и давит, давит к земле, а в спину, в голову, в руки и ноги впиваются острые камни. Все тело горит. Он силится закричать, но не может: горло сдавила спазма. Он мучительно силится понять, что с ним, где он. ИМ вдруг его словно ударило током - он рванулся, вскрикнул.

- Лиге! Нихт рюре (Лежи, Не шевелись!) - удар в грудь отбросил его.

Краснов больно ударился головой обо что-то и открыл глаза. Он лежал возле немецкого танка. Его цепко держал за плечо, придавливая к броне, немецкий солдат. «Куда меня везут? - пронеслось в голове. Плен! Я в плену!.. Руку протянул к борту танка, машинально щупая землю, ища свою винтовку, однако ее не было и не могло быть.

От большой потери крови голова кружилась, в глазах мелькали, кружились красные пятна. Он опять впал в забытье.

Когда он снова пришел в сознание, солнце было высоко. Солдат, державший Краснова за плечо, что-то быстро говорил офицеру, сидевшему в сером «Оппеле». Офицер посмотрел на окровавленного Краснова, спросил:

- Офицер?

- Нихт! - ответил быстро немецкий солдат, охраняющий русских солдат.

Немецкий офицер небрежно махнул рукой перчаткой:

- Не нужен! Бросить!

Солдат разжал руку и немецкий солдат с силой толкнул пленного Краснова. Он свалился в теплую дорожную пыль.

Немецкий солдат стал снимать автомат, но чьи-то руки успели подхватить Краснова, спрятать в толпе. Немец зло выругался но в толпу стрелять не стал.

Он был ранен в плечо и в голову. Его по очереди, взяв с обеих сторон под руки, вели красноармейцы. Потом рядом с ним оказался высокий, очень худой, сутуловатый боец. Он протянул

ему флягу:

- Выпейте... Вы потеряли много крови... - солдат полуобнял Краснова.

- Крепче обопритесь на меня, так будет идти легче тебе...

Он молчал. Его охватило отчаяние. «Я в плену, в плену... Что же делать, что делать?» Единственное, чего он теперь желал, была смерть.

Солдата сменил пожилой усатый красноармеец, который вел до самого временного местонахождения пленных советских бойцов. И за весь путь не проронил ни слова.

Военнопленных загнали в дощатые сараи и впервые за три дня дали буханку черствого хлеба на семь человек.

Краснов, обессиленный, изможденный, лежал на земле, закрыв глаза. Вспомнился последний бой с немцами.

- Вперед!

Первым вскочил сосед по окопу. За ним поднялись бойцы.

- Бей их, круши! - крикнул командир роты и в ту же секунду остановился, словно ударился грудью о что-то твердое, схватился рукой за плечо. Но он удержался на ногах. Пересилив себя, зажав рану, кинулся вперед.

У Алексея в винтовке патронов нет. Попытался встать и бежать на врага.

Винтовка падает из рук. Алексей, схватившись за голову, медленно оседает на траву, черная пелена застилает глаза.

Но вскоре забылся тяжелым сном, начал бредить. Очнулся только к вечеру. В большом переполненном сарае было полутемно. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь узкие щели, путались в густом душном сумраке. Краснов лежал на спине с открытыми глазами, смотрел на прозрачные нити и никак не мог вспомнить, как он сюда попал.

...Однако Алексей опять потерял сознание, ночью он скончался от полученного ранения в голову.

Это случилось третьего января 1942 года.

Кудрявцев Мефодий Александрович родился 13 июня 1900 года в деревне Нюргечи Новошимкусской волости Тетюшеского уезда Казанской губернии.

Отец - Александр Васильевич Васильев.

Мать - Анна Сидоровна Сидорова.

1941 год. С началом войны был призван по мобилизации Комсомольским РВК и направлен в составе маршевой роты на пополнение стрелкового батальона.

...Батальон, прибыв на место сосредоточения, получил приказ обороняться. Окопались вдоль берега

реки Прут и стали ждать рассвета.

С каждым днем положение усложнялось, ухудшилась связь, а потом совсем пропала связь. Намного превосходящие силы гитлеровцев теснили, заставляли отходить с отходящими оборонительными боями натываясь на десанты выброшенные в тылу, перекрывающие коммуникации. Когда наши войска последовательно оставляли Конотоп, Бахмат, ждать помощи уже не приходилось, отступление было совершено, по возможности обеспечивая правый фланг.

«Граната хлопнула где-то позади, вторая сбоку. Его оглушило обожгло левую ногу. Он прижался к земле, замер, не двигаясь. Из густой, высокой ржи, не видно было, что делается вокруг, но слышно, как перекликались немцы:

- Пауль рихтик!
- Яволь!
- Шнеллер, шнеллер!

Протарахтели автоматные очереди, пули взвизгнули над головой, словно взмахи кнута и потом все затихло.

Он инстинктивно пополз в бок, в сторону удаляющихся голосов, не выпуская из правой руки винтовку. Впереди показался просвет: по границе поля шла тропинка, за ней разросшийся бурьян, а дальше за низким плетнем белел домик с соломенной крышей. Никого не видно. Куда подевались остальные бойцы с роты? Живы ли? Черт, ногу жжет, надо бы посмотреть, а садиться нельзя, могут заметить...»

Мефодий положил винтовку, осторожно перевернулся на спину, подтянул ногу, размотал набухшую кровью обмотку, отвернул штанину - вроде пустяковая царапина, а кровь идет, как из бочки. Достал из нагрудного кармана гимнастерки индивидуальный пакет наложил повязку, потом туго перетянул обмоткой выше колена. Надо было в обратном порядке, да позабыл с перепугу. Остановил кровь, снял обмотку.

Пролежал до вечера, привстал, осмотрелся. Ближайшая хата в метрах двадцати, а подальше, справа - другая возле нее вышагивает часовой в накинута на плечи зеленой плащ-палатке. Десять шагов вперед, десять назад, постоит, прислушивается, потом снова шагает.

Он решил и пополз в бурьян, поглядывая на часового, когда тот поворачивался спиной, а когда делал десять шагов обратно, - прижимался к земле, затаив дыхание слушал удары собственного сердца отдающегося в ушах. Дополз до плетня, нашел собачий лаз, еле протиснулся, зацепился раненой ногой, сдержал стон, отлежался за плетнем. Вдруг залает собака?! К счастью, ее не оказалось. Уже потом узнал что немцы первым делом перестреляли в соседних дворах всех собак.

Добрался до дверей, тихонько постучал.

- Кто там? - спросил испуганный женский голос.

- Тише, мамаша... Свой, русский... Воды попить... Жарко, - зашептал он, прижавшись к двери.

Дверь отворилась, он проскользнул в хату.

- Ой откуда ж ты взялся? - засуетилась пожилая женщина. -

Немцы кругом, гляды впиймають! Исти хочешь?

- Спасибо есть не хочу. Воды...

Жадно залпом выпил кружку, а вторую медленно, причмокивая от удовольствия. Пода пустую фляжку, хозяйка наполнила, заметила кровь на штанине, всплеснула руками:

- Ой, ты ж раненый...

- Ничего пройдет. Мне бы переодеться, мамаша. В форме сразу сцапают, а то и пристрелят.

- Зараз найду, - она взяла со стола едва светящийся «каганец», пошла в комору и вернулась со сверстком. - Оце спецодежда мужа, вин трактористом був.

Он натянул штаны, куртку, рубашку - все было впору, сложил свое обмундирование на пол.

- Это я сейчас унесу, - успокоил хозяйку, - чтоб в вашей хате не оставлось.

- Што ты, сынок, я сама отнесу подальше.

Она сунула ему ломоть ржаного хлеба и кусок сала, тихонько

отворила дверь, выглянула.

- Нимця, шо у Параскиной хаты сторожит, отсюда не видно.

Скажу шо муж у сестры, робыв на окопах...

- Нет, мамаша, не будем рисковать. Из-за меня и вы пострадаете.

Он тем же путем вернулся в поле, пробрался к опушке леса. Только теперь вспомнил, что где-то потерял свой противогаз, вернее сумку от противогаза. В которой носил запасные обоймы патронов, две пачки махорки, спички бритву. Открыл затвор винтовки, проверил, сколько патронов осталось - ни одного. Зачем она теперь... Нужно двигаться к фронту под видом работавшего на рытье окопов. А красноармейская книжка? В ботинках добротные кожаные стельки, засунуть под них.

И вот лишь теперь разболелась проклятая нога!

Каждый шаг отзывался болью, пришлось подобрать какую-то кривую палку, опираться на нее. Собрался шагать всю ночь, сил не хватило, улегся на пахнущую грибами желтые листья, лежал, слушал ночные шорохи, тревожные крики птиц. Не заметил, как забылся беспокойным сном. Проснулся на рассвете от холода, пробравшего насквозь. Сжевал половину хлеба и сала, хотя хотелось доесть все, и прохромал навстречу поднимающемуся розовому солнцу. Иногда слышал ружейную перестрелку, вспыхивающую непонятно где, и удаляющийся гром артиллерии. Он шел пересиливая боль, в надежде догнать своих, но вскоре понял, что это невозможно, так как они, наверное, двигаются на машинах.

Кудрвцев М., потерявший свою часть, пробивался по оккупированной территории к фронту в одиночку, однако это ему не удалось, схватили его, бросили в лагерь военнопленных под городом Конотоп.

..Пленники под открытым небом, на голой земле, ни кухня, ни уборных не предусмотрено.

Первые дни в лагере ушли на то, чтобы осмотреться и разобраться, что с ним случилось, как дальше жить. Никакие пулевые и осколочные раны, никакие увечья и контузии не могут сравниться с душевной контузией, оглушившей его.

«Мы обезоружены и брошены за колючую проволоку, беззащитны, обречены на гибель» - думали про себя многие пленные солдаты и офицеры.

«Нет, Родина нас не бросит! Он числит нас в своем боевом расчете, а в нем осталось одно, - бороться с ненавистным врагом», - думал он всегда, где бы не находился.

Еще в первых числах декабря стало очевидным, что одиночные побеги из лагеря, равно и групповые - при выводе небольших

команд на работу за пределы лагерной зоны, - оборачивается большой бедой: беглецам нечасто удается от преследования уйти, а в лагере будут казнены десятки и сотни заложников.

Мыслями о побеге пришлось расстаться навсегда, когда военнопленных погрузили на товарный состав и отправили в Германию, а далее во Францию.

Трагические дни нахождения в плену оставили неизгладимую рану в его жизни.

Освободили его французские войска, и он был передан нашим властям. Чудом избежало сталинские концлагеря.

Долго проверяли уполномоченные Особого отдела фронта данные о нем, как и что делал все эти годы в плену.

После тщательной проверки при особом лагере НКВД для военнопленных, был демобилизован.

Вернулся домой им стал работать в промартели «КИМ» до ухода на заслуженный отдых.

Умер в 1978 году.

Глава восемнадцатая

Лепешкин Илья Сергеевич родился в 1917 году в деревне Нюречи. Окончил школу крестьянской молодежи в 1933 году.

За год до начала войны призван на действительную службу.

Первый день войны встретил в летнем лагере вместе со своей ротой на посту караульной службы.

Немцы преследовали цель в несколько дней сорвать развертывание наших войск и молниеносным ударом в недельный срок занять Киев и Смоленск. Однако как видно из хода событий, немцам не полностью удалось добиться своей цели: наши войска успели развернуться и так называемый молниеносный удар на Киев, Смоленск оказался сорванным, но какую ценой.

Анализируя сведения о людских потерях в конкретных стратегических операциях, а именно в Киевской оборонительной операции составили 616,3 тысяч человек, Львовско-Черновицкой оборонительной операции составили 165600 чел., среднесписочные потери составили 15414 человек.

В ходе активных боевых действий в приграничных районах и на промежуточных оборонительных рубежах, контрударами механизированных корпусов и общевойсковых соединений в районе Дубны, Луцка, Ровно войска Юго-Западного фронта нанесли противнику большие потери и замедлили наступление его главной группировки на киевском направлении, что позволило отвести основные силы фронта и занять оборону в укрепленных районах на строй

государственной границе.

Продолжительность операции - 15 суток. Ширина фронта боевых действий - 600-700 км. Глубина отхода советских войск - 300-350 км.

...Полк потерял больше двух третей солдат и офицеров. В ротах едва насчитывается по 60 бойцов. Оставшиеся в живых солдаты и сержанты, сильно утомлены от беспрерывных бомбежек немецких самолетов и от атак немецкой пехоты и танков.

В течение последних дней полк не получал ни хлеба, ни горячей пищи, ни боеприпасов, патронов. Большинство солдат выглядит оборванцами.

Наши войска выдерживают и отражают атаки мотопехотного полка «Великая Германия, входящего в состав дивизии «СС». Следует отметить, что полк «Великая Германия» высоко ценил Гитлер.

Полк сформирован в 1940 году из бывшего берлинского караульного полка, охранявшего важнейшие правительственные учреждения Германии и фашистской партии. В полк отбирались люди ростом не ниже 170 сантиметров, политически «благонадежные», проявившие себя как преданные фанатики фашизма.

После тяжелых и непрерывных боев, остатки полка были окружены гитлеровцами, были взяты в плен.

...Приходится идти и идти. Как кадры цветной киноленты перед глазами отчетливо ярко проплывает трава, протоптанные до коричнево-желтой земли тропинки, щели траншей, отдаленные холмы и люди, люди в выцветшей, Глаза то останавливаются на мельчающих подробностях. запыленной военной форме, которые куда-то идут и идут. Видны зеленый ковер травы на стороне, группы солдат и лица, лица. Странно, что ни одного знакомого. И еще: действительно ли он идет, или, может быть, это цветной фильм. Нет, это бред раненого Ильи Лепешкина, который был ранен в поле боя и подобран немецкими санитарями.

Здесь, в каком-то колхозном конном дворе были собраны раненые солдаты и офицеры после тяжелых, изнурительных боев...

Потом были немецкие концентрационные лагеря на территории Германии, тяжелый труд военнопленного. Попытки к бегству: все они кончились неудачно так он прожил до 13 апреля 1945 года, пока не был освобожден советскими войсками.

После освобождения его направляют в специальные лагеря НКВД, потом были многократные проверки особого отдела «Смерш».

Вернулся домой в 1946 году и стал работать рядовым колхозником, большего не полагалось бывшему военнопленному.

Глава девятнадцатая

...Срок формирования новой дивизии был жестким. Вместе с командным составом прибывало пополнение бойцов из запаса.

16 июня командиров полков и подразделений вызывали на оперативно-тактические сборы в Житомир. В штабе дивизии сообщили, что сборы внезапно отменены. Командир дивизии приказал возвращаться в свои подразделения и ждать указаний.

Директивой штаба округа от 16 июня 1941 года 200-й дивизии предписывалось в полном составе, но без мобилизационных запасов, 18 июня в 20-00 выступить в поход и к утру 28 июня сосредоточиться в десяти километрах северо-восточнее Ковеля.

В ночь на 22 июня дивизия совершала четвертый переход части, дивизия вышла к селу Степань на реке Горынь.

Около трех часов ночи послышался нараставший гул самолетов. В темноте нельзя было определить их принадлежность. Но почему самолеты идут с запада на восток?.. И звук у них необычный. Наши ТБ-3 так не воют.

Через полчаса дивизия подошла к переправе. Марш близился к концу, а люли не чувствовали усталости - бодрила предупреденная прохлада.

Снова послышался нараставший гул самолетов. В небе уже посветлело, и с помощью бинокля точно определили: над дивизией были бомбардировщики Ю-88. Хорошо были видны немецкие опознавательные знаки.

«Юнкерсы» стали атаковать колонну стрелкового полка. Этот зловещий сигнал заставило окопаться вырыть щели, замаскировать материальную часть, выделить сторожевое охранение.

И стало понятно что в четыре утра фашистская Германия своими сухопутными войсками перешла нашу государственную границу от Балтики до Карпат. Идут сильные бои. Обстановка сложная и во многом неясная.

В субботу 28 июня, в тот самый день, когда предполагалось завершить марш 200-й дивизии к Ковелю, дивизия вела бой на реке Стырь в районе Рожище.

...Это произошло днем. Из позиции наших бойцов видно развернувшихся в цепь солдат гитлеровской армии. Роты поддерживаемые двумя артиллерийскими дивизионами, наступали с плацдарма на восточном берегу реки Стырь. Немцы шли не сгибаясь, не оглядываясь и стреляли на ходу из автоматов. Да и чего им, теснившим один обескровленный батальон, было опасаться? Не более четырехсот метров отделяло от вражеской цепи, когда на нее обрушился огонь. Взвилась ракета - сигнал для контратаки, и батальон в соста-

ве которого воевал наш земляк, двинулся вперед...

Никифоров Антон Никифорович родился в 1915 году в деревне Степное Яниково. Закончил школу крестьянской молодежи.

В 1940 году был призван и направлен на формирование 200-й стрелковой дивизии, который находился в районе города Житомира.

Небезынтересно отметить, что еще 18 июля 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер вынужден был сделать такое признание: «Операция группы армий «Юг» все больше теряет форму. Участок фронта против Коростеня по-прежнему требует значительных сил...» В боях под Коростенем, которые привели к потере формы» вражеских армий «Юг», не последняя роль принадлежала 200-й дивизии.

К началу августа 1941 года обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась. После тяжелых и изнурительных боев, части дивизии были сильно потрепаны, часть попало в окружение, многие могли выйти из этого «котла».

В ходе боев наш земляк был ранен в голову без повреждений черепа и перелом правой ноги с потерей много крови, вследствие чего остался на поле брани.

После боев был подобран немецкой похоронной командой и размещен в лагерь для военнопленных.

Пробыв месяца два в лагере он был отправлен на территорию Германии, где пробыл почти четыре года, был освобожден советскими войсками 22 января 1945 года.

Проходил проверку особым отделом в лагере НКВД для военнопленных и был отправлен на родину.

Вернувшись домой, он стал работать в колхозе простым колхозником.

Глава двадцатая

Можаев Петр Николаевич родился в 1910 году в деревне Нюречи Новошимкусской волости Тетюшеского уезда Казанской губернии.

Родители до и после революции занимались земледелием.

После мобилизации Комсомольским РВК был направлен на пополнение стрелковой дивизии после тяжелых кровопролитных боев на Западном фронте.

...Еще в поле, далеко от леса, Можаев начал различать пока едва слышный нор с каждой минутой усиливающийся гул танковых моторов. После. В лесу, в просветах между деревьями увидел

ровную гладь реки и размытые расстоянием очертания противоположного берега. Танки, пехотные части проходили и скатывались в одно и то же место - неширокую ложину, возможно в пойму небольшой речки.

Ползти дальше не имело смысла. Он немного полежал, машинально, чем сознательно, подсчитывая «боевые единицы» и стал возвращаться назад.

...Потерялись числа и месяцы и дни недели, переместились ночи и дни, исчезли обеды и ужины, изменились понятия о погоде: светит солнце - плохо, а когда туман, темень - хорошо, легче пробраться незамеченным через голое поле, мимо занятого немцами села.

Положение было очень тяжелое, хотя воины Красной Армии героически преграждали путь отборным немецким дивизиям, обладающим превосходством в танках, артиллерии и авиации на главных направлениях. И в 21-й армии было трудно: две дивизии попали в окружение..., в составе которой воевал рядовой Можаяев П.Н.

...По дорогам шли унылые серые люди.

Всех, служивших раньше в Красной Армии, крестьяне называли «пленными», добрые люди подкармливали, чем могли, с боков шли охранники с овчарками. Раненые, голодные еле-еле брели по дороге. Кто падает, того пристреливали на месте. Рядом идущие солдаты сразу же поднимали на руки и помогали дойти до места сборов.

...Больные и раненые лежали под открытым небом. Кормили два раза в день, если это можно считать едой, замерзшей брюквы несколько кусков. Не было в лагере военнопленных врачей, медикаментов.

Выбрав более здоровых пленных грузили в вагоны товарняка и увозили на запад...

В таком аду Петр Николаевич Можаяев пробыл с 7 декабря 1941 по 7 ноября 1944 года. После многократной проверки оперуполномоченными НКВД, был демобилизован.

Вернувшись домой стал работать в колхозе.

Глава двадцать первая

Никифоров Петр Емельянович родился в 1918 году в деревне Степное Яниково Новошимкусской волости Тетюшеского уезда Казанской губернии.

До начала войны проходил действительную военную службу в 152-ом тяжелом артиллерийском полку в должности радиста.

Войну встретил с первых дней.

...Лишь очень сильный взрыв совсем рядом заставил его вспомнить о том, что происходит. Под ним дрогнула земля, обрушились стенки окопа. Уши, глаза забило песком. Рядом закричали пронзительно и страшно.

Никифоров рванулся наверх, не успел лишь наполовину высунуться из окопа, когда новой взрывной волной его сшибало обратно, ударило о земляную стенку, окатило дождем колкого песка. Уткнувшись лицом в чью-то кисло пахнущую шинель. ОН пришел в себя, снова стал видеть и слышать.

Минут через десять самолеты улетели. В окопах зашевелились, отплевываясь и кашляя, ползли наверх.

Орудия все вышли из строя, торчали станины вверх и на разные стороны.

...На севере-западе, теперь уже явственно слышимый, нарастал рев танковых моторов.-Притихший было окопный люд зашевелился. Негромко переговариваясь, бойцы будили спящих, позевывая, привычно занимали свои места в окопах щелкали затворами, дисками ручных пулеметов, подобранных на поле брани.

...Шрапнельным грохотом треснуло над головой. Петр по привычке присел, втянул голову в плечи. Глянув ненароком в небо с востока заходила немецкая пара истребителей.

Он падал, но громовых бомбовых раскатов не было. Вместо этого в уши все настойчивее лез грохот гусениц и рев танковых моторов. За холмом, шоссе делало крутой поворот, в облаках черного дыма зарницей вспыхнул артиллерийский залп. Прохрюкав в вышине, тяжелые снаряды разорвались далеко за деревней, у реки. От второго смешалась земля с небом...

Что было потом, Петр долго не смог вспомнить. Долгое скитание по немецким лагерям сказалось на его здоровье.

Тяжело больного после освобождения поместили в ЭГ-411, где находился до 4 апреля 1945 года.

В немецком плену находился с 28 июня 1941 по 1 февраля 1945 года.

Пройдя через многократные проверки НКВД, был демобилизован. Подорванное здоровье давало знать о себе. часто стал лежать на больничных койках.

Умер в 1973 году.

Герасимов Степан Герасимович родился в 1899 году в деревне Нюргечи Новошимкусской волости Тетюшеского уезда Казанской губернии.

В начале 1942 года был мобилизован Комсомольским РВК и направлен в составе маршевой роты на пополнение стрелковой дивизии, которая воевала с первых дней войны.

Надо знать обстановку перед войной.

Еще в конце тридцать первого года финансовые и промышленные тузы Германии во главе с Шахтом сделали ставку на Гитлера. Он обещал уничтожить марксизм внутри страны и завоевать «жизненное пространство» за ее пределами. В начале тридцать третьего года Гитлер стал канцлером, создал фашистское государство с огромным аппаратом подавления трудящихся и всех демократических сил. Это и гестапо, и СД - служба безопасности, СА- штурмовые отряды, СС - защитные отряды, и само собой, полиция. Расправившись с оппозицией внутри Германии, он двинулся на соседей: в марте тридцать восьмого захватил Австрию при помощи австрийских фашистов, в октябре - часть Чехословакии, с согласия Англии, Франции и Италии, которые сговорились с ним на конференции в Мюнхене, предав чехословацкий народ. Мы предлагали свою помощь Чехословакии, но капиталисты затягивали переговоры, а затем отказались от них. В прошлом году гитлеровцы вторглись в Польшу.

Позднее, как немецко-фашистские полчища захватили Бельгию, Голландию Люксембург затем обошли оборонительную линию Мажино, разбили французские и английские войска, оккупировали значительную часть Франции овладев военной техникой побежденных. В руках Гитлера оказались огромные запасы стратегического сырья, промышленные комплексы и дешевая рабсила на площади до 2 млн. кв. метров с населением свыше 129 млн. человек. В сентябре того же 1940 года в Берлине был подписан «тройственный пакт» между Германией, Италией, Японией а в декабре Гитлер подписал план «Барбаросса», предусматривающий готовность «раз-

бить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании».

Начальник разведывательного управления Генштаба Советских Вооруженных Сил генерал Ф.И.Голиков 20 марта в своем докладе писал что, по сообщению нашего военного атташе, один немецкий майор заявил об изменении планов гитлеровского командования: «Мы направляемся на восток, на СССР,. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимы и можем продолжать войну с Англией, и Америкой...» В докладе указывались сроки военных действий СССР «между 15.05 и 15.06.1941 года».

В Генштаб непрерывно поступали донесения от западных приграничных округов и армий о том, что сосредоточение гитлеровских войск у наших границ закончено, и разминированию полос на местности готовя проходы к нашим позициям. Ночами доносится рокот танковых двигателей.

Только ночью, в 00 минут 22 июня 1941 года была передана в военные округа директива за подписями наркома Тимошенко и начальника генштаба Жукова, в которой говорилось: «В течение 22-23 июня возможно нападение немцев... Задача наших войск - не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам... быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

...В течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; все части привести в боевую готовность...»

Потом, через 30-35 лет после войны будут признания ошибок вышестоящих начальников.

Все самое главное окончательно решалось лично Сталиным, и никто не смел усомниться в правильности принятых им решений.

И на рассвете 22 июня 1941 года гитлеровское главное командование бросило войска в наступление на СССР, вводя в действие 153 дивизии, укомплектованные по штатам военного времени.

Из строк воспоминаний Степана Герасимовича: «Через день он вместе с другими бойцами отбивался от нагрянувшего передового отряда противника, оказавшегося в невыгодном положении на дороге, представляя собой отличные мишени для стрелков, укрывавшихся в лесу. Потеряв с десятков убитыми и ранеными, нам пришлось уйти, бросив крытую брезентом грузовую машину с пробитым бензобаком...

...Шли дожди, дороги раскисли. Машины не смогли ехать по

колее. Солдаты шли по обочине по два-три человека. Устроились на ночлег. Наши войска, в том числе и взвод, где воевал Герасимов: они охвачены клещами: отрезаны от своих войск на севере и от тылов на юге. Задача - проскочить к войскам - надо следовать пешим строем.

На рассвете двинулась пятая колонна. Пересекли магистраль. Подойдя к большому оврагу, поросшему березками и сосенками устроили привал, решили здесь дождаться ночи.

жарко светило осеннее солнце, золотые березы с тихим, грустным шелестом роняли листья, было спокойно, все располагало к отдыху. И вдруг наверху, где выставлено охранение, простучала автоматная очередь, за ней - винтовочные выстрелы.

- Немцы! - закричал кто-то из охранения - Пехота!

- К бою! - скомандовал командир роты.

Спешно заняли оборону. Герасимов залег с винтовкой рядом с бойцами. К счастью, патронов хватало и, как враги ни наседали, удалось отбить все атаки.

К исходу дня бой прекратился, немцы скрылись из виду. Нужно было спешно двигаться дальше, выйти из оврага, воспользовавшись сумерками.

Едва раздался сигнал о движении, как раздались хлопки ракетниц, взвились ракеты повисли над оврагом немецкие «фонари», озарив все ярким светом. Застучали вражеские пулеметы, прочертили полумрак трассирующие пули: заговорили пушки, вздыбились разрывы снарядов.

Бойцы были бессильны против артиллерии часть солдат помчалась к спасательному лесу.

Когда собрались в полутьме на лесной поляне, оказалось, что от отряда осталась небольшая группа.

- Мало нас, мало, - сказал командир батальона с перебинтованной головой. О продвижении с боями теперь не приходится и думать. Двигаться будем ночью, отдыхать днем.

Разобрали груз казенного имущества и пошагали дальше...

...За ночь грохочущая на востоке канонада приближалась, а за день отдыха удалялась опять: шел отряд, еще быстрее шел фронт.

Бойцы не могли знать что германской ставкой разрабатываются новые операции для групп армий «Центр»...

...Смолистый дымок от костра забивал все лесные запахи отпугивал надоевших насекомых. Солдаты сидели полукругом на небольшой полянке, курили трофейные сигареты, слушали комбата.

- Вот уже сколько осталось от нашего батальона, надо нам пробиться к своим. Сегодня бой решающий, будем мы у своих, никто не знает. Патронов мало, надо бить прицельно...

...Где-то недалеко раздались глухие удары, сначала одиночные потом участились. Видимо, немцы решили захватить горстку наших солдат. Вскоре появились гитлеровцы до двух батальонов. Шли строчили из автоматов по сторонам. Наши бойцы залегли кто куда: воронку от бомб, углубления от разрыва снарядов, стали вести встречный бой, однако, когда немцы подошли поближе, стали закидывать ручными гранатами. В воздухе стоял страшный грохот.

От взрывной волны Герасимов потерял сознание...

Проснулся от толчка в спину прикладом фашиста, застонал, и тут прибежали два санитары, по-видимому, из наших пленных. Схватили и подошли к повозкам, где таких, как он лежало много. Повторно потерял память...

А жизнь пленных - это холод, голод, ранения.

Много было таких дней у Степана Герасимовича за время нахождения на территории Франции, в городе Киль.

Потом пришла свобода с 3 апреля 1945 г.

Пройдя многократные проверки в спецлагерях НКВД был демобилизован 23.03.1945 г. как солдат 173 Выборгского ордена Суворова стрелкового полка.

Вернувшись домой стал работать в колхозе

За ударный труд он был награжден медалью «За трудовое отличие», «Ветеран труда».

Умер в 1987 году.

Глава двадцать третья

Петров Николай Петрович родился в 1921 г. в деревне Нюргечи Новошимкусской волости.

С началом войны был мобилизован и направлен на пополнение стрелковой дивизии.

После пополнения дивизию направили на помощь дивизии, оборонявшейся под Киевом. С тяжелыми боями дивизия отступала на восток.

В одном из боев тяжело контуженный рядовой Петров Н. попадает в плен.

Из строк воспоминаний бывшего узника немецкого концентрационного лагеря: «Вооруженные солдаты быстро окружили нашу группу, и выстроили нас в ряд у стены. Когда солдаты заставили нас передвинуться, они нашли на земле несколько револьверов. Так как никто не хотел признаваться, что это его солдаты отпустили в сторону раненых, а остальных перевели в перевалочный лагерь около г.Комьен.

Нас по пути охраняли солдаты, у которых на шлемах с

левой стороны красовалась свастика а справа — инициалы СС (Шутцетфель — Охранный отряд). Они собрали сотни заключенных, и мы должны были идти на станцию в Компьене. Они буквально нас пинками загнали в товарные железнодорожные вагоны. Только в нашем вагоне было более 120 заключенных. В течение трех дней и двух ночей у нас нечего было есть и пить. В течение нескольких часов наиболее слабые уже упали, и другие по ним ходили. Через два дня мы прибыли в центральную часть Германии, около Веймера.

После того, как нас дезинфицировали и побрили головы, мы получили номера.

Всем обитателям барака нужно было вставать утром примерно в четыре тридцать. Мы выходили по пояс раздетые, и нам часто для мытья приходилось разбивать лед. Все равно, больной или здоровый, каждый должен был подчиняться. Затем приходила раздача хлеба 200-300 граммов на день, безвкусного хлеба с кусочком маргарина и с чем-то, смутно напоминающим джем. В 5 ч.30 мин. нас собирали на переключку. Каким ужасным переживанием было выносить на своих спинах умерших за ночь! Резкий запах дыма от сжигаемых трупов напоминал нам о наших товарищах. Нас охватывало чувство отвращения, отчаяния, ненависти, так как мы знали, что с нами легко может произойти то же самое.

Наша работа баукоммандо (строительная команда) состояла в том, чтобы без цели рыть канавы. Как только мы вырывали канаву глубиной в 2 метра, мы должны были так же тщательно ее зарыть. Работа начиналась в шесть, затем в середине дня был получасовой перерыв, после чего мы опять продолжали работать до 19 часов. Вечерняя переключка казалась бесконечной. Всякий раз, когда у немцев были большие потери на русском фронте, она могла длиться до полуночи.

Каждый, кто пытался убежать из лагеря, легко мог быть опознан, так как у всех нас были неровные причистки, Волосы были подстрижены с выбритой или очень коротко выстриженной полосой в середине или по бокам.

По мере приближения союзных армий заключенных отправляли в лагеря, находившиеся в глубине страны, но они становились чрезмерно перегруженными. Утром в начале апреля 1945 года эсэсовцы взяли из нас 5000 и погнали по дороге в Веймер. Тем, кто не мог успевать за темпом марша, хладнокровно стреляли в шею. Когда мы наконец добрались до станции, мы залезли в открытые товарные вагоны, и поезд отправился. Тогда мы куда едем - никто не знал.

Однажды утром часть нашего поезда была отведена на боковую стрелку. Солдаты сняли с передка пулеметы, открыли двери

вагона и зверски расстреляли всех находившихся в нем военнопленных. По какой причине? Ночью двенадцать заключенных убили охрану и убежали.

Через день мы были освобождены американской армией. В течение всего пути единственной пищей было несколько сырых картошек и немного воды. Когда мы отправились в путь нас было 5 тысяч, но в живых остались только 800 человек. Многие умерли в последующие дни.

После нашего освобождения союзные войска передали нас своим в спецлагерь НКВД, где в течение двух месяцев проходили проверку особоуполномоченным НКВД.

Вернулся домой в 1946 году.

Эпилог

Работая над воспоминаниями Василия Самуиловича долго думал как все это донести до читателей. Черновики долго лежали в папке, все не доходило руки, а эти записи были сделаны давно, более 30 лет назад, когда еще он не всегда и всем рассказывал свою историю.

Позднее мне удалось съездить в командировку в город Черкассы что заставило меня еще вернуться к этой теме.

Черкассы - город областной с зелеными насаждениями со множеством новостроек, заводов. А в том месте, где когда-то возвышалась пожарная каланча, на насыпном кургане установлена десятиметровая бронзовая фигура - символ матери Родины, державшей правой приподнятой руке чашу с пылающим Вечным огнем. В нижней части холма на мемориальной стене выведены фамилии погибших за город Черкассы в Великой Отечественной войне.

Не мог я не заехать в Умань. По прибытии тот час расспрашивать дорогу к Яме у местных жителей.

К моему удивлению, многие отвечали, что впервые слышат о лагере. Но я нашел карьер. С растревоженным сердцем стоял я у гранитного камня и читал надпись: «Вечная память воинам Советской Армии, замученным фашистскими палачами».

Слезы застилали глаза, комок к горлу поступил...

Придерживаясь за сухие кусты, я спустился вниз. По всему карьеру разбросаны железные бочки, сломанные бензовозы, земля вся залита мазутом. В середине - лачуга из фанеры и жести. На мой стук в дверь вышли два молодых человека.

- Кого ищите? - спрашивает парень с разрезом восточных глаз.

И я стараясь подавить волнение рассказал что на этом месте в

первые два года войны был лагерь военнопленных.

- Об этом я слышал товарища отца - пожилого шофера. - Он скоро придет, подождите.

До слез обидно, что в Умани мало знают о Яме, что не чтут эту пропитанную кровью землю - свидетельницу страданий и гибели многих тысяч советских людей. Не отголосок ли это сталинского приказа когда бойцов, попавших в плен, считали предателями и изменниками?..

Уже я вконец расстроенный но с надеждой, что настанет время, когда местные автобусы будут останавливаться у карьера и люди по гранитной дорожке будут сходить вниз к бронзовому памятнику: «Здесь в 1941-1942 года был один из первых фашистских концлагерей на Украине, прозванный народом Уманская Яма».

Хотелось бы, чтобы памятник этот был воздвигнут пока живы те, немногие уцелевшие узники этого лагеря смерти.

Заключение

Особое место в определении людских потерь Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны занимает проблема, связанная с уточнением количества пленных и пропавших без вести.

Внезапное нападение фашистской Германии на СССР поставило в тяжелые условия войска западных пограничных военных округов, преобразованных в начале фронта. Заблаговременное развертывание противником превосходящих сил на главных направлениях и крайне невыгодные условия, в которых пришлось действовать в первые дни войны войскам наших фронтов, потеря связи и управления во фронтовом и армейском звене привели к образованию огромных брешей в обороне, к окружению и отсечению от основных сил фронтов не только отдельных частей и соединений, но и целых армий. При этом быстрое продвижение вражеских танковых группировок, их вывод на фланги и в тыл обороняющихся войск, непрерывные удары авиации, диверсионные действия различных групп противника вызывали в ряде случаев растерянность как командного так и рядового состава.

Далеко не все смогли выдержать такие испытания, небывалое физическое и моральное напряжение. В результате большие группы отступающих войск, исчерпав все возможности к сопротивлению, лишены всякой поддержки, попадали в плен - одни, будучи ранеными, другие - психологически надломленными, третьи - до предела изнуренными от голода, холода и других лишений.

Все это привело к захвату врагом в первые месяцы войны большого количества пленных, увеличил число пропавших без вести. А потеря связи в звене армия-фронт-Генеральный штаб лишала возможности регулярно доносить как о результатах боевых действий, так и понесенных потерях.

Напряженный характер Великой Отечественной войны, участие в ней большого количества людей и боевой техники дают нам право на объяснение, но не на оправдание значительных потерь, понесенных в те годы.

К сожалению, долгие годы, военные и послевоенные, эта тема по указанию Сталина и его окружения была запретной. А ведь речь шла о миллионах советских солдат и офицеров, оказавшихся в руках фашистов. Поэтому прежде чем произвести подсчет этих утрат, остановимся на трагической судьбе бойцов, попавших в гитлеровский плен.

Фашистская Германия вела войну с СССР в расчете на полное его уничтожение. Эта преступная цель наглядно проявилась и в особо жестоком обращении гитлеровцев с советскими военнопленными. Их массовое уничтожение было предусмотрено в плане «Барбаросса» и в других документах.

Некоторые историки на Западе пытаются обелить преступления фашистов, рисуют лживую картину положения советских людей в плену. Их массовое истребление подменяется «весьма корректным» обращением. От такого «корректного обращения» (холод, болезни, пытки и расстрелы) тысячами гибли советские люди. Многочисленные лагеря стали для них кладбищами. Об этом свидетельствуют документы Нюрнбергского судебного процесса над главными преступниками. В частности, отмечалось, что гитлеровское правительство и верховное командование германской армии еще до вероломного нападения на Советский Союз разработали специальные указания об истреблении советских военнопленных - солдат и офицеров Красной Армии.

Отношение к советским военнопленным было варварским и резко отличалось от условий, в которых содержались пленные других стран. Произвол и насилие, бесчеловеческое отношение вели к их массовой гибели.

Оправдывая свои действия по отношению к военнопленным, фашистское руководство ссылалось на то, что СССР не ратифицировал Женевскую конвенцию о военнопленных.

Немецкие документы, содержащие сведения о числе советских военнопленных до начала 1942 года, почти полностью отсутствуют. Объясняется это тем, что в 1941 г. отчетная документация с восточного фронта поступала в недостаточном объеме и при внима-

тельном рассмотрении она оказывалась не всегда правдоподобной. Распоряжение о представлении достоверных сведений, касающихся советских военнопленных, было отдано главным командованием сухопутных сил только 1 января 1942 года, когда масштабы пленения советских воинов значительно снизились.

В конце июля 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил скопилось большое количество военнопленных на содержание которых не было ни сил, ни средств.

целях наведения порядка в учете 30 сентября 1941 г. было дано распоряжение комендантам лагерей на Востоке завести картотеки для регистрации пленных.

Сведения о советских военнопленных стали появляться лишь с февраля 1942 года, то есть после того, как было принято решение об использовании в качестве рабочей силы в немецкой военной промышленности.

На 1 февраля 1942 года, число советских военнопленных, находившихся в лагерях верховного главнокомандования вооруженных сил Германии, находились 1.020.531 человек, на работах военной экономики (концентрационные лагеря) находились 147736 человек, всего военнопленных - 1.167.287 человек.

На 1 сентября 1942 года в лагерях ВВК составляло - 1.675.628 человек, на работах в военной экономике Германии - 375.451 человек, всего 2.051.077 человек.

В зарубежной печати (главным образом в Германии) приводится число советских военнопленных в пределах 5.200.000 - 5.750.000 чел., причем основная их масса относится на первый период войны (июнь 1941 г. - ноябрь 1942 г.). Можно предположить что при отсутствии достоверных документальных материалов берутся сведения о пленных, полученных от штабов групп армий «Север», «Центр», «Юг» в период наступательных действий в 1941 н. Так, в сводках германского верховного командования сообщалось, что в котлах под Белостоком, Гродно и Минском было взято в плен 300.000 человек под Уманью 103.000, под Витебском, Оршей, Могилевым, Гомелем - 450.000, под Черниговым - 100.000 под Смоленском - 180.000, в районе Киева - 665.000, в районе Мариуполя - 100.000, под Брянском и Вязьмой - 663 тыс.человек.

Итого в 1941 году - 2.561.000 человек.

В результате обобщения и анализа всех источников было определено, что за годы войны пропало без вести и попало в плен 4 млн.559 тыс.советских военнослужащих.

Достоверно известно, что 1836 тыс.человек вернулось из плена после окончания войны, 9397 тыс. военнослужащих из числа

ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично на освобожденной от оккупации территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену. Из оставшихся 1110,3 тыс., по нашим данным, больше половины составляют тоже мершие (погибшие) в плену.

Таким образом, всего в плену находилось 4059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести

Приведу данные по времени нахождения в плену:

Время	Офицеры	Сержанты	Солдаты	Всего
с 1941 г.	52025	76359	544321	672705
с 1942 г.	48196	52046	48110	448952
с 1943 г.	13083	18350	128082	169515
с 1944 г.	5876	9449	54705	70030
с 1945 г.	1344	1665	14638	17647

С небольшой долей погрешности эти данные можно использовать при характеристике общего количества (4058 тыс.) советских военнопленных.

К сожалению мы не можем со всей определенностью сказать о судьбе тех, кто не вернулся на Родину. Дальнейшие нелегкие исследования продолжаются, и их результаты, возможно приблизят нас к истине.

На основе поименного выявления всех погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне представится возможным учесть и общее число людских потерь СССР.

Число жертв страны и ее Вооруженных Сил еще раз свидетельствует о том, что именно наше государство, наша армия вынесла основную тяжесть борьбы с фашистской Германией и Японией в годы второй мировой войны.

Разумеется, цена победы велика. Но это вынужденная плата за самое дорогое - свободу и независимость любимой Родины, спасение многих народов от порабощения, за полный разгром фашизма и милитаризма за установление длительного мира на земле.

Содержание

Часть 1.

ПОКЛОНИТЕСЬ СОЛДАТСКОМУ ПОДВИГУ

1. Отважный воин боец. Алексеев Михаил Алексеевич	5 +
2. Храбрый пулеметчик. Антонов Евдоким Антонович	7 +
3. Бросок через реку Неман. Борцов Павел Савестьянович	10
4. Высота 177. Волков Василий Иванович	12
5. Восточнее города Данцига. Гаврилов Терентий Гаврилович	15
6. Бой за село Букановка. Добров Никита Григорьевич	17
7. Бой на переправе. Кудрявцев Петр Александрович	20
8. Бой на плацдарме. Курицын Алексей Петрович	22
9. Парторг роты. Макаров Всеволод Макарович	25
10. Отважный командир орудия. Михайлов Степан Александрович	30
11. Отважный разведчик. Михайлов Александр Андреевич	32
12. Бой за город Любавы. Порядков Дмитрий Федорович	34
13. Отличный наводчик. Прохоров Антип Ефремович	36
14. Бой за плацдарм на Одере. Смирнов Алексей Васильевич	38
15. Храбрый артиллерист. Толстов Михаил Иванович	41
16. Бой за город Полтавы. Федоров Николай Федорович	44
17. Отважный автоматчик. Шатилов Гаврил Ефремович	47
18. Сапер не должен ошибаться. Яковлев Иван Иванович	50

Часть 2.

НА КРЫЛЬЯХ БЕССМЕРТИЯ ..... 52 |

На крыльях бессмертия. Плеткин Арсентий Григорьевич .....

 53 |

Отважный летчик. Шербустанов Филипп Александрович .....

 89 |

Из племени крылатых. Юманков Михаил Никитович .....

 111 |

Часть 3.

КТО ВИНОВАТ ..... 125 |

3. Окружение под Первомайском. Гладков Семен Иванович .....

 127 |

5. Трагедия под Подвысоком. Коновалов Василий Самуилович .....

 144 |

Эпилог .....

 198 |

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ..... 199 |

Подписано в печать 31.02.2001 г. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИПО Профиздат
109044, Москва, Крутицкий вал, 18
ЛР № 059701 от 19.10.95 г.

